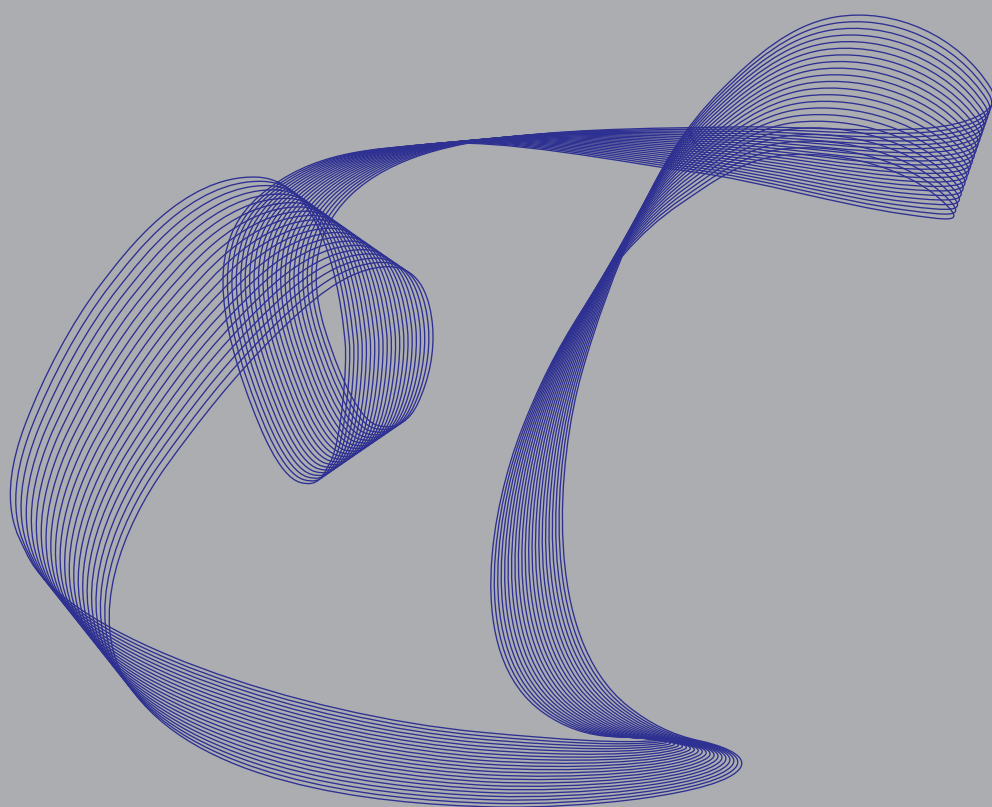

**ПРОСТРАНСТВЕННАЯ
ЭКОНОМИКА**

4 2013

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА

Научный журнал
Основан в марте 2005 г.
Выходит 4 раза в год

№ 4 (36) 2013

Учредители

Дальневосточное отделение Российской академии наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук

Главный редактор

Академик РАН *П.А. Минакир*

Редакционная коллегия

Д-р экон. наук *Н.Е. Антонова* (Хабаровск, Россия),
д-р геогр. наук *А.Н. Демьяненко* (Хабаровск, Россия),
д-р экон. наук *В.Д. Калашиников* (Хабаровск, Россия),
д-р экон. наук *Б.Х. Краснопольский* (Москва, Россия),
д-р экон. наук *С.Н. Леонов* (Хабаровск, Россия),
д-р экон. наук *Н.В. Ломакина* (Хабаровск, Россия),
д-р экон. наук *Е.Л. Мотрич* (Хабаровск, Россия),
Л.А. Самохина (ответственный секретарь, Хабаровск, Россия)

Редакционный совет

Акад. РАН *П.Я. Бакланов* (Владивосток, Россия),
акад. РАН *В.В. Кулешов* (Новосибирск, Россия),
акад. РАН *А.И. Татаркин* (Екатеринбург, Россия),
чл.-корр. РАН *И.С. Королев* (Москва, Россия),
чл.-корр. РАН *В.Н. Лажнецов* (Сыктывкар, Россия),
чл.-корр. РАН *В.В. Михеев* (Москва, Россия),
чл.-корр. РАН *В.И. Сулов* (Новосибирск, Россия),
чл.-корр. РАН *В.А. Цветков* (Москва, Россия),
д-р экон. наук *С.Д. Валентей* (Москва, Россия),
д-р экон. наук *О.В. Иншаков* (Волгоград, Россия),
д-р экон. наук *А.П. Латкин* (Владивосток, Россия),
д-р экон. наук *В.Н. Лексин* (Москва, Россия),
д-р экон. наук *В.Ю. Малов* (Новосибирск, Россия),
д-р экон. наук *Н.Н. Михеева* (Москва, Россия),
д-р экон. наук *С.А. Суспицын* (Новосибирск, Россия),
проф. *Ли Чже Ён* (Сеул, Республика Корея),
проф. *Ли Синь* (Шанхай, КНР),
проф. *Цунео Акаха* (Монтерей, США).

Журнал «Пространственная экономика» зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 10 октября 2005 г. Свидетельство ПИ № ФС77-23107.

Журнал «Пространственная экономика» включен ВАК Минобрнауки РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендуемых для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал «Пространственная экономика» включен в Российский индекс научного цитирования и представлен в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru> для зарегистрированных пользователей.

Журнал включен в международную библиографическую и реферативную базу данных EBSCO www.ebsco.com.

Журнал включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory <http://www.ulrichsweb.com>.

Журнал «Пространственная экономика» имеет полнотекстовую электронную версию на сайте издания <http://www.spatial-economics.com>.

Подписной индекс — 19424. Каталог «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать».

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Адрес редакции:

Институт экономических исследований ДВО РАН.
680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153.
Тел.: +7 (4212) 226-053, факс +7 (4212) 225-916,
e-mail: samokhina@ecrin.ru, redaktor@ecrin.ru.

PROSTRANSTVENNAYA EKONOMIKA

SPATIAL ECONOMICS

Scientific Journal

Founded in March 2005

The journal's periodicity is 4 times a year

№ 4 (36) 2013

Founders

The Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

The Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

Chief Editor of the Journal

P.A. Minakir, Academician of the Russian Academy of Sciences

Editorial Staff

N.E. Antonova, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia),

A.N. Demyanenko, Doctor of Geography (Khabarovsk, Russia),

V.D. Kalashnikov, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia),

B.Kh. Krasnopolsky, Doctor of Economics (Moscow, Russia),

S.N. Leonov, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia),

N.V. Lomakina, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia),

E.L. Motrich, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia),

L.A. Samokhina (Executive Editor, Khabarovsk, Russia)

The Editorial Board

P.Ya. Baklanov, Academician RAS (Vladivostok, Russia),

V.V. Kuleshov, Academician RAS (Novosibirsk, Russia),

A.I. Tatarkin, Academician RAS (Yekaterinburg, Russia),

I.S. Korolev, Corresponding Member RAS (Moscow, Russia),

V.N. Lazhentsev, Corresponding Member RAS (Sytyvkar, Russia),

V.V. Mikheev, Corresponding Member RAS (Moscow, Russia),

V.I. Suslov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia),

V.A. Tsvetkov, Corresponding Member RAS (Moscow, Russia),

S.D. Valentey, Doctor of Economics (Moscow, Russia),

O.V. Inshakov, Doctor of Economics (Volgograd, Russia),

A.P. Latkin, Doctor of Economics (Vladivostok, Russia),

V.N. Laksin, Doctor of Economics (Moscow, Russia),

V.Yu. Malov, Doctor of Economics (Novosibirsk, Russia),

N.N. Mikheeva, Doctor of Economics (Moscow, Russia),

S.A. Suspitsyn, Doctor of Economics (Novosibirsk, Russia),

Lee Jae-Young, Prof. (Seoul, Republic of Korea),

Li Xing, Prof. (Shanghai, China),

Tsuneo Akaha, Prof. (Monterey, USA).

High Attestation Commission included the Journal in the List of Leading Peer-Reviewed Research Journals and Publications where Ph.D. and Post-Doctoral Degree applicants should publish the key research results of their theses.

Registered by the Federal Supervision Service for Legislation in Mass Media and Culture Heritage Protection. Registration certificate ПИ № ФС77-23107 of October 10, 2005.

The Journal is included in the Russian Science Citation Index. Full text versions of the articles can also be accessed from the website of the Russian Scientific Electronic Library at <http://www.elibrary.ru>.

The Journal is included in the international bibliographic and reference database EBSCO www.ebsco.com.

Journal has been included into Ulrich's Periodicals Directory <http://www.ulrichsweb.com>.

Full text version of the Journal is available at its website <http://www.spatial-economics.com>.

«Rospechat» catalogue «Newspapers. Journals» subscription index: 19424.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board's point of view.

Copyright. All rights reserved.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

Editorial Board's address:

Economic Research Institute FEB RAS,
153 Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, Russia, 680042.
tel.: +7 (4212) 226-053, fax: +7 (4212) 225-916,
e-mail: samokhina@ecrin.ru, redaktor@ecrin.ru.

CONTENTS

From the Chief Editor	7
Articles	
<i>Isaev A.G.</i> Technologic Parameters of Regional Economic System.....	11
<i>Tatarkin A.I., Makarova I.V., Petrov A.P., Averina L.M.</i> Peculiarities of the Spatial Distribution of Productive Forces in the Old-Industrial Area	28
<i>Kolbina E.O., Nayden S.N.</i> The Evolution of Urbanization Processes in the Russian Far East	44
<i>Izotov D.A.</i> Raw Materials Market of China	70
<i>Saneev B.G., Sokolov A.D., Muzychyuk S.Yu., Muzychyuk R.I.</i> Methodical Approach to Estimation of Energy Efficiency Parameters of the Economy Under the Structural Changes in the Fuel And Energy Balance (on the Example of Baikal Region).....	90
<i>Gritsko M.A., Kolbina E.O.</i> Spatial Deformation of the Public Health System Effectiveness.....	107
Surveys	
<i>Frolov D.P.</i> Multilevel Hierarchy of Economic Space: Formation of Evolutionary Taxonomy	122
Essays	
<i>Mirotvortsev K.N.</i> On the Economic and Administrative Structure of Uninhabited Territories of Siberian North.....	151
Reviews	
<i>Demyanenko A.N., Ukrainsky V.N.</i> Branding of Places: Foreign Experience and Mutation within Russian Circumstances	164
Current News	
<i>Bardal A.B.</i> Cooperation of Russia And Republic of Korea: Opportunities for Regions	180
<i>Izotov D.A.</i> The 29th Symposium of Scientists of the Russian Far East and Kansai (Japan).....	182
<i>Isaev A.G.</i> Russian Plans of Regional Development and International Cooperation.....	184
Index of articles and papers published in 2013	187

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора	7
Статьи	
<i>Исаев А.Г.</i> Технологические параметры региональной экономической системы	11
<i>Татаркин А.И., Макарова И.В., Петров А.П., Аверина Л.М.</i> Особенности пространственного размещения производительных сил в старопромышленном регионе	28
<i>Колбина Е.О., Найден С.Н.</i> Эволюция процессов урбанизации на Дальнем Востоке России	44
<i>Изотов Д.А.</i> Рынок сырьевых товаров Китая.....	70
<i>Санеев Б.Г., Соколов А.Д., Музычук С.Ю., Музычук Р.И.</i> Методический подход к оценке показателей энергоэффективности экономики при изменении структуры топливно-энергетического баланса (на примере Байкальского региона).....	90
<i>Грицко М.А., Колбина Е.О.</i> Пространственные деформации результативности системы здравоохранения.....	107
Обзоры	
<i>Фролов Д.П.</i> Многоуровневая иерархия экономического пространства: формирование эволюционной таксономии	122
Очерки	
<i>Миротворцев К.Н.</i> Об экономическом и административном устройстве необжитых территорий Сибирского севера	151
Рецензии	
<i>Демьяненко А.Н., Украинский В.Н.</i> Брэндинг мест: зарубежный опыт и мутации на российской почве.....	164
Хроника	
<i>Бардаль А.Б.</i> Сотрудничество России и Республики Корея: возможности для регионов	180
<i>Изотов Д.А.</i> Двадцать девятый симпозиум ученых Дальнего Востока и района Кансай (Япония)	182
<i>Исаев А.Г.</i> Российские планы регионального развития и международная кооперация	184
Указатель статей и материалов, опубликованных в 2013 г.	187

От главного редактора

Прозвучало очередное Послание Президента РФ Федеральному Собранию. Как всегда, оно касалось всего спектра проблем и тенденций общественной жизни. Обстановка и в стране и в мире предельно сложная, а потому Послание не должно было стать дежурным политическим действием. От него логично было бы ожидать если не откровений, то, по крайней мере, адекватности в диагнозе, если не однозначности, то четкости в методах профилактики и лечения. Насколько оправдались ожидания? Остановимся только на двух сюжетах.

Сюжет первый – экономический рост, который самим Президентом назван «сердцевиной нашей (очевидно правительства и Администрации Президента?) работы» и базовым условием для решения задач социального развития.

Хорошей новостью можно считать то, что Президент указал на внутренние причины как на главный источник замедления роста, а если называть вещи своими именами, то начала масштабной экономической стагнации. Плохой новостью является то, как в Послании интерпретируются «внутренние причины». Собственно говоря, названы две такие причины: 1) низкая производительность труда, 2) слишком высокая доля сырьевого экспорта. Из этого можно сделать вывод, что все остальные причины уже таковыми не являются, во всяком случае для правительства и Президента.

Что ж, возможно, публика и отдельные эксперты еще просто не заметили или не успели оценить того, что в России побеждена коррупция, демонтированы административные барьеры, обеспечена эффективная конкуренция, установлен контроль над функционированием госкорпораций, налажено государственное регулирование деятельности монополистов всяческого толка (естественных и противоестественных), реализована вменяемая денежно-кредитная политика, налажен контроль над внешними заимствованиями (государственными и корпоративными), заменено «бюджетное правило» на правило оптимизации «незащищенных» бюджетных расходов, оптимизированы внешние капитальные потоки, решена проблема бюджетных навесов на региональном и муниципальном уровнях и устранена угроза субнациональных дефолтов, гарантированы права собственности, сформирована вменяемая промышленная политика и т. д. Это возможно, но неправдоподобно. Скорее, все вышеперечисленное столь многотрудно и конфликтно, что лучше было ограничиться предельно общими и оттого кажущимися очень правильными и логичными лозунгами.

Впрочем, повышение производительности труда – действительно важная тема. Следует лишь понимать, что сама производительность труда как отношение объема ВВП к численности занятых в экономике – это не более чем индикатор, свидетельствующий о качестве труда, организации производственных процессов, состоянии технической структуры капитала, уровне технологии и пр. Низкий уровень производительности труда свидетельствует о том, что крайне низок уровень организации и технологии по всей цепочке экономических взаимосвязей и для всех экономических агентов.

В действительности проблема с индикатором результативности живого труда даже более серьезна, чем отражено в Послании. Президенту представили данные, согласно которым Россия входит в «пятерку крупнейших экономик мира». Это действительно так, если судить по данным международных институтов за 2012 г. Правда, в пятерку Россия входит только по данным Всемирного банка, а по данным МВФ и ЦРУ занимает 6-е место, но и это очень неплохо, хотя оценка ВВП различается почти на 800 млрд долл. США¹. Но следует учесть, что это данные, полученные при сопоставлении уровней ВВП, оцененных по паритету покупательной способности. А если сравнивать оценки номинального ВВП, да еще и на душу населения, что, собственно, и характеризует уровень экономического развития, то Россия сразу откатывается на скромное 50-е место между Литвой и Латвией. Конечно, если бы на каждого занятого производилось хотя бы в 2 раза больше ВВП по номинальной величине, то Россия подтянулась бы к Испании и Израилю, то есть на 30–32-е место².

Как же предлагается добиться этого светлого будущего? Президент предложил рецепт из четырех ингредиентов: повышение качества профессионального образования, создание гибкого рынка труда, благоприятный инвестиционный климат, современные технологии. В этом ничего удивительного и нового, конечно, нет. Есть нюансы. И удивительные.

Основа основ роста продуктивности живого труда — рост его технической и технологической вооруженности. А этого нельзя добиться без постоянной интродукции новых технических и технологических решений. Поэтому неудивительно, что свои поручения Президент начинает с поручения правительству и (вот это уже удивительно) Академии наук «провести корректировку перспективных направлений развития науки и техники». Ведь только что Академия наук была если и не уничтожена формально, то демонстративно унижена. У Академии наук фактически отобрано право определения направлений и перспектив научного и технологического поиска, а через два месяца после этого на академию возлагается задача определить путь технологического обновления. Может быть, это сделано по привычке? А может быть, обозначается будущий виноватый на случай (весьма вероятный) неудачи проекта «рывок производительности труда». Это было бы логично, ведь не правительство же ответит за провалы в экономике, ведь нехорошо, когда виноватого вообще нет, как, например, в случае с провалом «рывка ВВП».

Еще один нюанс — прикладные исследования, которые действительно являются ключевым пунктом в практических инновациях. Но при этом ни слова не сказано про ключевое звено в прикладных разработках — корпора-

¹ Список стран по ВВП (ППС). URL: ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 15.12.2013).

² Список стран по ВВП (номинал) на душу населения. URL: ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 15.12.2013).

тивные разработки, центры, лаборатории, то есть про то, что ранее называлось «отраслевая наука». Подмена проблемы организации НИОКР и связи их с фундаментальными исследованиями проблемой патентов/лицензий и доходов от них не приближает к желаемому технологическому перевооружению. Страна может производить много патентов/лицензий, но использоваться они будут только при наличии спроса на вероятные результаты их использования. Поэтому действительно нужно «формировать внутренний спрос на высокие технологии». Но почему только высокие технологии? А что, просто технологии нас уже не устраивают или с ними все обстоит благополучно?

Но предположим, что каким-то чудесным образом в условиях начавшегося развала фундаментальной науки, летаргического сна прикладных разработок, немотивированности отечественного бизнеса на реализацию стратегии модернизации, что требует в разы более высокой нормы накопления при отсутствии доступных кредитных источников, в России в разы же увеличилось количество собственных патентов и лицензий. Что произойдет с производительностью труда? Скорее всего, ничего. Потому что увеличение доли доходов от патентов и лицензий в стоимости ВВП означает лишь изменение структуры произведенного ВВП, да и то при условии, что отечественные патенты и лицензии востребованы рынком, то есть конкурентоспособны и на внутреннем, и на внешнем рынках. А еще потому, что невозможно базировать национальную экономику на собственных лишь патентах, реальная проблема – организация эффективного и непрерывного сплошного технологического заимствования. Но это требует изменения мотивации в экономике, изменения политики накопления, изменения целого ряда институтов, и отнюдь не одних только «институтов развития».

Второй сюжет связан со стратегическими целями экономического развития. В Послании в качестве примера таких целей приведена задача «подъема Сибири и Дальнего Востока», что названо национальным проектом XXI в. Нельзя не согласиться, что «задачи, которые предстоит решить, беспрецедентны по масштабу ...и наши шаги должны быть нестандартными». Существуют в этой связи две проблемы, которые в тексте Послания явно не отражены.

Во-первых, остается большая неопределенность как раз с задачами, которые предстоит решить. Что это за задачи? Есть версии, но нет ясности. Это могут быть задачи ускорения темпов роста ВВП на Дальнем Востоке и в Сибири. Это могут быть задачи увеличения объемов внешнеторгового оборота с восточными соседями. Это могут быть задачи создания «открытой экономики». Это могут быть задачи создания новой индустрии, задачи изменения структуры экономики. Это могут быть задачи создания комфортной среды обитания. И этот список можно продолжать довольно долго. От четкого и однозначного определения задачи зависит, как известно, и метод ее решения, и вероятный результат. Четкость и однозначность, однако, по-прежнему в дефиците.

Во-вторых, остается неопределенность как раз с «нестандартными шагами». Как следует из текста Послания, в качестве нестандартных решений имеется в виду создание сети «специальных территорий опережающего экономического развития с особыми условиями для организации несырьевых производств, ориентированных в том числе и на экспорт». Это уже весьма похоже на концепцию новой индустриализации в версии «модели экспортно-производственных дуг», проектов «ТОР-2030» и «ТОР-2050»¹. Различие заключается в том, что упомянутые проекты предполагают специализацию в этих зонах на использовании технологических монополий, в том числе, и даже преимущественно, при переработке предназначенного для экспорта сырья и ориентированного на экспорт нового промышленного производства. В Послании такого акцента не делается, то есть предполагается, что предоставление налоговых льгот и обещание создания условий ведения бизнеса, конкурентных с ключевыми деловыми центрами АТР, – достаточные аргументы для переориентации отечественных и иностранных инвестиций в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Это неявно предполагает, что государство готово взять на себя расходы по компенсации не просто повышенных издержек на производство, но и таких «невидимых» статей, как, например, потери от низкого масштаба, повышенной капиталоемкости, увеличения уровня конкуренции. Если так, то тем более следовало бы ясно понимать, ради чего, ради какого экономического или военно-политического результата это делается.

Но даже если все это известно и объяснено, то все-таки нестандартными эти шаги назвать трудно. Это как раз весьма стандартные действия, которые должны учитывать главное – они дадут успех только в том случае, когда определены ключевые сравнительные преимущества подобных «зон». Такими преимуществами могут быть технологическое лидерство, изобилие и дешевизна ресурсов и/или факторов производства, масштаб рынка, преференциальная система институтов. Льготы налоговые могут и должны способствовать облегчению принятия решений по использованию этих преимуществ в том или ином месте.

Возможно, что краткость Послания не позволила развить продекларированные намерения по этим двум сюжетам и это будет сделано позднее. Хуже, если в этой краткости и схематичности изложенных намерений в очередной раз «защита» уверенность в пресловутой «невидимой руке рынка», которая сама все расставит по местам. Тогда еще не раз придется обращаться к этим темам на уровне абстрактных идей и намерений.

¹ См., напр.: Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.; Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.; *Минакир П.А.* Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.

УДК 330.356.7

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

А.Г. Исаев

Исаев Артем Геннадьевич – кандидат экономических наук, научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: isaev@ecrin.ru.

Модифицированная производственная функция CES позволяет оценить основные технологические параметры экономической системы: эластичность замещения факторов производства, отдачу от масштаба, интенсивность использования трудовых ресурсов. Данные параметры оценены для экономической системы Хабаровского края. Необходимые данные о величине основного капитала рассчитаны на базе модели «жизненного цикла» капитальных благ. На основе построенной производственной функции показано, что для увеличения ВРП Хабаровского края в 3,3 раза в 2025 г. по сравнению с 2010 г. необходимо не только увеличение инвестиций в основной капитал в 3,5 раза, но и ежегодное увеличение производительности единицы фондов в среднем на 1,4%. В противном случае указанный объем накопления основного капитала приведет к росту ВРП лишь в 1,8 раза. Альтернативой повышению эффективности применяемого капитала служит рост занятости в регионе в 1,6 раза по сравнению с уровнем 2010 г.

Производственная функция CES, технический прогресс, капитал, труд, ВРП, ограниченность ресурсов, региональная экономическая система, Хабаровский край.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в российской практике имеется недостаток исследований, в особенности на региональном уровне, о функциональных взаимосвязях между производственными факторами и объемом продукта, производящегося при помощи этих факторов. Во многом это связано с объективными причинами – низким качеством статистической информации (главным образом, это касается основного капитала). Это препятствует оценке не только функциональных взаимосвязей, но и влияния технического прогресса как на выпуск, так и на объемы использования имеющихся факторов.

Оценка технологических параметров производственной функции эконо-

номической системы позволяет выявить также масштабы спроса на факторы производства при том или ином изменении объемов валового продукта, равно как и оценить степень повышения производительности капитала, необходимую для достижения экономической системой целевых показателей роста, в условиях ограниченности ресурсов, прежде всего, трудовых. В свете этого возникает возможность ответа на вопрос, реально ли достижимы технологически целевые объемы выпуска в результате наращивания в регионе физического объема капитальных ресурсов. Исследованию этих вопросов посвящена данная работа.

Структура статьи представлена в следующем виде. В начале приводится описание модифицированной производственной функции с постоянной эластичностью замещения (CES), оценке параметров которой посвящена настоящая работа. Затем оцениваются параметры производственной функции региона на основе данных за 1996–2010 гг. Оценка предваряется изложением статистических ограничений исходных данных, а также возможными способами преодоления этих ограничений. Далее полученная модель используется для анализа экономической динамики региона исходя из долгосрочных перспектив развития, описываемых в Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2025 г.

ОЦЕНКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ

К настоящему времени разработано несколько классов производственных функций, позволяющих учитывать влияние на величину производимого валового продукта (дохода) различных технико-экономических параметров: комбинации факторов, отдачи от масштаба производства, эластичности замещения факторов, эффективности использования факторов (как по отдельности, так и в совокупности), относительного изменения цен факторов. Изменение этих параметров оказывает влияние на масштаб использования самих факторов производства, а также на их доходы. Так, например, расширение выпуска с течением времени может вызывать непропорциональное увеличение спроса на труд, если одновременно происходит повышение эффективности использования единицы труда по разным причинам (эффект масштаба, технический прогресс).

Технологические изменения представляют собой изменения в производственной функции, которые генерируют новые структурные отношения «затраты – выпуск». Технологические изменения интерпретируются как 1) сдвиг изокванты относительно самой себя (нейтральный технический прогресс) или 2) изменение наклона последней (не нейтральный технический

прогресс). В обоих случаях технический прогресс заключается в уменьшении удельных затрат факторов производства. Указанные виды технологического прогресса можно анализировать с помощью традиционной производственной функции Кобба – Дугласа. Однако последняя не учитывает важный технологический параметр – эластичность замещения факторов производства.

Эластичность замещения означает степень легкости замещения одного из ресурсов в случае относительного удорожания этого ресурса. В производстве, технология которого характеризуется эластичностью замещения, близкой к нулю (производственная функция Леонтьевского типа), при росте заработной платы будет проблематично заменить труд относительно дешевым фактором (как это возможно в случае производственной функции Кобба – Дугласа, эластичность замещения которой всегда равна единице).

Технологические параметры влияют на изменение спроса на факторы производства. Так, изменение занятости может быть вызвано изменениями: 1) масштабов выпуска; 2) относительных цен факторов производства; 3) отдачи от масштаба; 4) нейтральным и не нейтральным техническим прогрессом. Для выделения влияния каждого из указанных параметров необходима определенным образом специфицированная производственная функция, из которой через условия максимизации прибыли первого порядка выводятся функции спроса на факторы производства.

В данной работе для указанных целей используется однородная производственная функция с постоянной эластичностью замещения, предложенная в работах [7–8]:

$$Q = A(K^{-\alpha} + \gamma L^{-\alpha})^{-\frac{\nu}{\alpha}}, \quad \alpha = \frac{1-\sigma}{\sigma}, \quad (1)$$

где Q – величина выпуска (ВДС), K – размер используемого капитала, L – трудовые ресурсы, ν – степень однородности функции (коэффициент, представляющий отдачу от масштаба), A – эффективность используемой технологии (совокупная факторная производительность), γ – параметр интенсивности труда, σ – эластичность замещения. Из условия максимизации прибыли первого порядка – равенства предельной нормы замещения отношению цен капитала (r) и труда (w) – выводится функция спроса на факторы производства:

$$\frac{\partial Q / \partial K}{\partial Q / \partial L} = \frac{r}{w} = \frac{1}{\gamma} \left(\frac{L}{K} \right)^{\frac{1}{\sigma}}; \quad (2)$$

$$L = \left(\frac{Q}{A} \right)^{\frac{1}{\nu}} \left[\left(\gamma \frac{r}{w} \right)^{1-\sigma} + \gamma \right]^{\frac{\sigma}{1-\sigma}}. \quad (3)$$

Поскольку параметры A и ν не появляются в уравнении (2), они не влияют прямо на количественное соотношение ресурсов (луч OA или OB на рис. 3). Их изменение повлияет на величину выпуска, поэтому эти параметры характеризуют нейтральный технический прогресс. Напротив, изменение параметра γ при неизменном соотношении цен факторов производства и неизменной эластичности замещения повлияет на соотношение труда и капитала. Таким образом, данный параметр измеряет не нейтральный технический прогресс, заключающийся в повышении интенсивности использования одного из факторов. Уменьшение этого параметра подразумевает трудо-сберегающий технический прогресс, и наоборот. Уравнение (3) используется для измерения влияния на занятость изменения различных технологических параметров производственной функции.

ОЦЕНКА ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

На протяжении 1996–2000 гг. в Хабаровском крае наряду с экономическим ростом происходила весьма заметная трансформация распределения доходов, вменяемых факторам производства. Так, с 1996 по 2010 г. доля доходов наемных работников в ВРП существенно возросла – с 35 до 56,5% (рис. 1). При этом величина валовой прибыли (ВРП минус фонд оплаты труда) в сопоставимом измерении оставалась на стабильном уровне. Другими словами, практически весь прирост ВРП с 1996 г. сопровождался увеличением удельного веса доходов наемных работников.

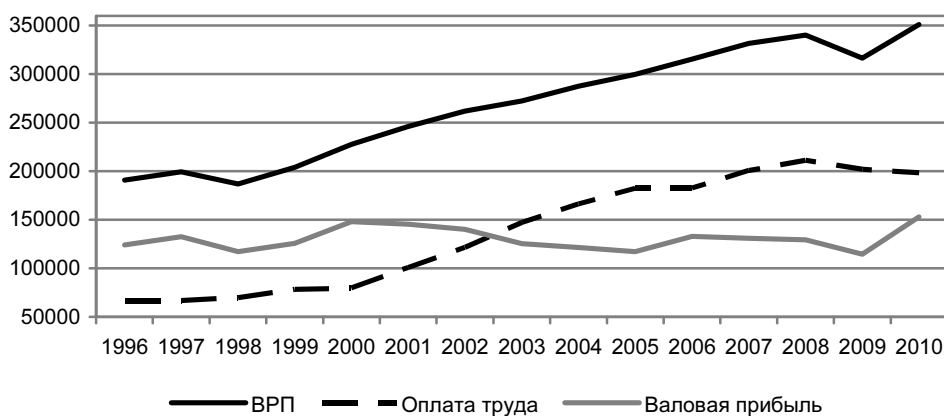

Рис. 1. Динамика ВРП Хабаровского края в разрезе первичных доходов, млн руб., в ценах 2010 г.

Источник: рассчитано автором по: [2–5].

Вместе с тем, рост численности занятых в экономике края за этот же период составил только 11,6%. Формально говоря, произошел резкий рост произведенной добавленной стоимости в расчете на одного занятого и, как следствие, рост ставки оплаты труда. Учитывая наличие значительного количества неиспользуемого в производстве капитала в середине 1990-х гг. и существенный рост инвестиций с конца 1990-х гг. (рис. 2), можно предположить, что причиной резкого увеличения дохода, вменяемого трудовым ресурсам, явилось значительное повышение капиталовооруженности работников.

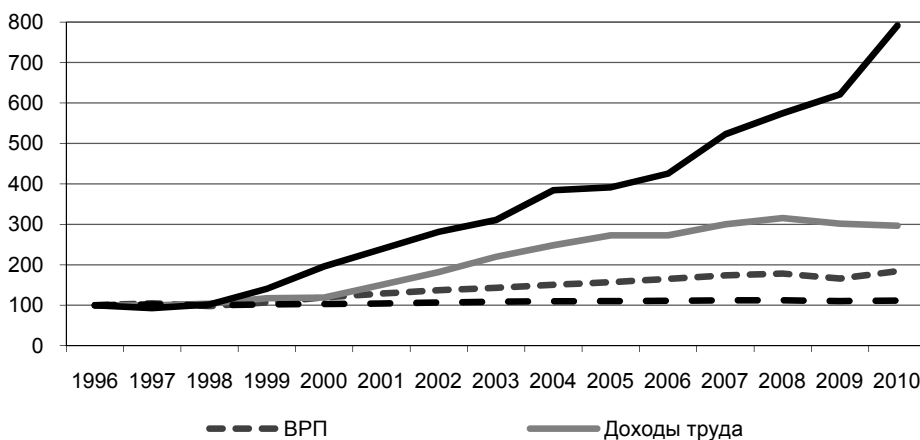

Рис. 2. Темпы роста основных макропоказателей экономики Хабаровского края, % к 1996 г.

Источник: рассчитано автором по: [2–5].

Для наглядности этот процесс можно описать графически, при помощи известной производственной функции Кобба – Дугласа (рис. 3). Здесь L – количество труда, K – величина капитала, используемые в экономике для производства продукта Q . В 1996 г. выпуск региона, который достигался при помощи труда в количестве L_{1996} и основного капитала (фактически задействованного в производстве) в размере K_{1996}^1 , характеризовался изоквантой Q_{1996} . Здесь величина капиталовооруженности характеризуется наклоном луча OA . Отношение заработной платы и нормы прибыли на капитал (w/r) представлено наклоном касательной к изокванте Q_{1996} в точке A . В 2010 г. объем выпуска увеличился до Q_{2010}^2 . Чисто технически этому способствовал прирост трудовых ресурсов до величины L_{2010} , а также прирост капитала до величины K_{2010} (как результат увеличения загрузки имеющихся

¹ Абсолютные величины здесь принципиального значения не имеют. Важны только относительные величины показателей для двух состояний экономики на начальную и конечную дату.

² Предполагается, что наклон и кривизна двух изоквант одинаковы (производственная функция однородна), т. е. временно пренебрегается влияние технологических изменений.

мощностей, а также значительных инвестиций в новые капитальные блага). Относительное увеличение ресурсов показано таким образом, чтобы как можно ближе соответствовать реальному положению дел (см. *рис. 2*). Результатом явилось резкое увеличение капиталовооруженности труда, которой теперь соответствует луч *ОВ*. В результате величина выпуска Q_{2010} достигается при другом, более высоком отношении заработной платы и нормы прибыли на капитал. Из рисунка 1 видно, что в валовом продукте Хабаровского края значительно возросла доля доходов труда. Поскольку при этом занятость увеличилась незначительно, можно заключить, что наклон касательной в точке *В* на рисунке 3 увеличился относительно точки *А* главным образом за счет повышения ставки заработной платы. Следует, однако, отметить, что причиной повышения заработной платы служит не только рост капиталовооруженности, но и другие факторы, среди которых главное место занимает рост спроса на выпускаемую продукцию.

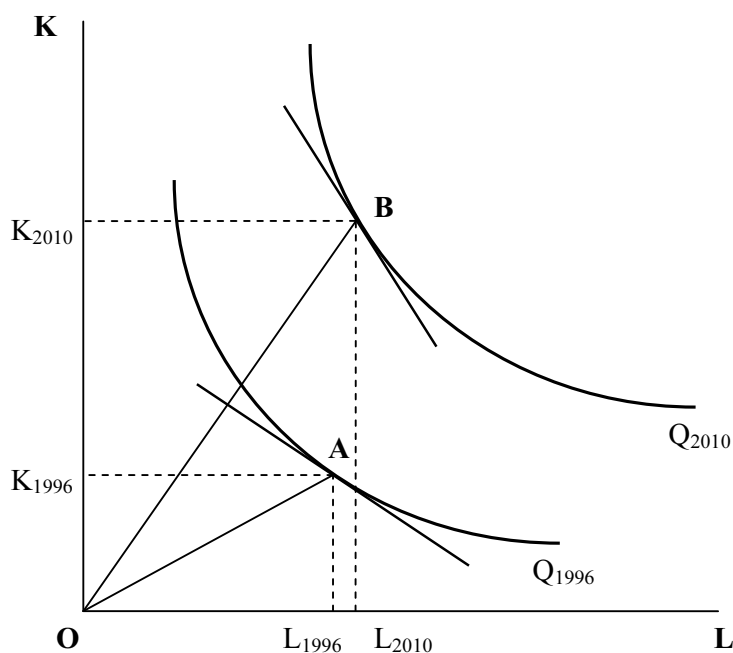

Рис. 3. Производственная функция экономики Хабаровского края

Значительные изменения факторных пропорций и доходов на протяжении 1996–2010 гг. не позволяют адекватно оценить параметры стандартной производственной функции Кобба – Дугласа $Q=A \cdot K^{\alpha} \cdot L^{\beta}$. Вместо этого для оценки технологических параметров экономической системы региона необходима спецификация производственной функции, учитывающая изменение факторных доходов.

В данной работе выполнена оценка параметров производственной функции (1) для экономики Хабаровского края на временном отрезке 1996–2010 гг. Основная проблема подобных оценок – наличие достоверных данных о величине основного капитала и степени его загрузки. Для Хабаровского края был оценен динамический ряд основных фондов на основе данных о величине капитальных вложений за 40 лет (с 1971 г. в сопоставимых ценах) и спецификации особой функции «жизненного цикла» капитальных благ. Запас капитальных благ оценивался как (см., напр., [9]):

$$K_t = \sum_{h=0}^{\infty} S_h I(t-h), \quad (4)$$

где K – величина основного капитала, накопленного к моменту времени t ; I – инвестиции в основной капитал в момент времени h ; S_h – т. н. функция «возраст – эффективность»¹. Эта функция специфицирована таким образом, чтобы иметь значение 1 для нового капитала и постепенно снижаться до нуля по мере старения капитального блага:

$$S_h = \frac{N-h}{N-Bh}, \quad B \in (0;1), \quad (5)$$

где N – продолжительность жизни капитального блага. Эта функция имеет преимущество перед методом обычной линейной амортизации. В своем большинстве капитальные блага не теряют свою эффективность линейно. Они работают на заданном уровне производительности большую часть срока и лишь в конце своего жизненного цикла теряют реальную ценность. Данная функция описывает именно такое поведение. Параметр B , как правило, подбирается экспериментально, путем сравнения при помощи специальных статистических процедур с реальными показателями движения капитала. Оценка параметров функции для целей построения длительных рядов основных фондов по различным секторам экономики представляется хотя и трудоемкой, но важной научной и практической задачей. Нами были взяты значения параметров N ($=23$) и B ($=0,8336$), оцененные для национальной экономики на базе аналогичной функции (см. [1]).

Помимо этого, оценку величины основных фондов необходимо скорректировать соразмерно величине их фактической загрузки. Существует несколько методик оценивания загрузки основных фондов (как традиционных «инженерных», так и относительно новых экономико-теоретических подходов, основанных на оценке экономического «избытка мощности» на базе модели несовершенной конкуренции), большинство из которых требуют на-

¹ В некоторых отечественных исследованиях данная функция называется коэффициентом дожития капитала.

личия статистической информации по субъектам Федерации, зачастую отсутствующей в открытом доступе либо публикуемой на нерегулярной основе (как, например, данные о фактически отработанных человеко-часах). В настоящей работе использован относительно простой (и, следовательно, приблизительный) способ корректировки величины основных фондов на базе информации о динамике потребления электроэнергии в промышленности, демонстрирующей спады в периоды экономических кризисов. Величина энергопотребления в промышленности в 1991 г. была взята в качестве «эталонной», отражающей 100-процентную загрузку мощностей. Остальные годовые оценки основных фондов были скорректированы соразмерно энергопотреблению в соответствующие годы. На рисунке 4 представлены оценки величины основных фондов наряду со скорректированными оценками, отражающими степень загрузки мощностей. Из рисунка видно, что резкое сокращение инвестиций в основной капитал в первой половине 1990-х гг., наряду с постепенным выбытием устаревшего капитала, привело к тому, что к началу 2000-х гг. регион в буквальном смысле потерял часть накопленных основных фондов, имеющих производственную ценность.

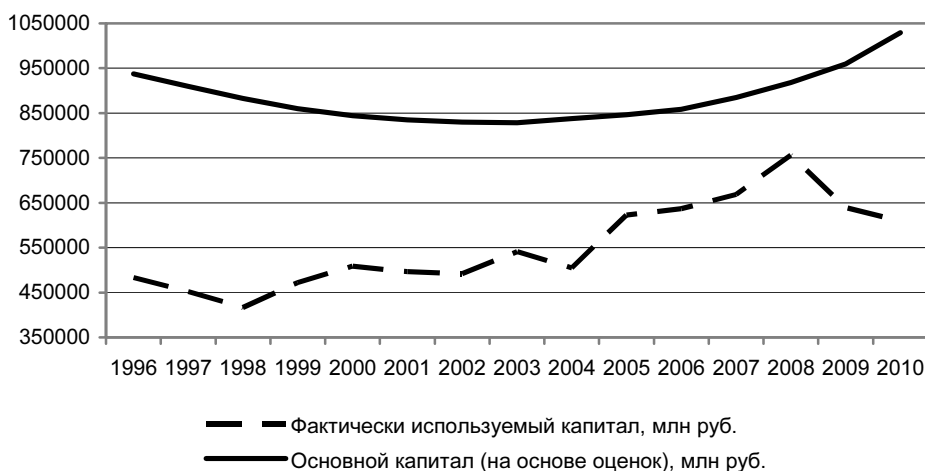

Рис. 4. Оценка величины основных фондов Хабаровского края и степени их загрузки, в постоянных ценах 2010 г.

Затраты труда представлены в виде количества занятых, что также может повлиять на оценки, поскольку в производственной функции должны быть представлены услуги факторов производства, т. е. человеко-часы (по отношению к трудовым ресурсам), информация по которым отсутствует для большей части исследуемого периода. При использовании фактического количества занятых возникает проблема, подобная проблеме загрузки основного капитала. В качестве относительно достоверной могла быть корректировка

уровня занятости по величине целодневных простоев в расчете на 100 занятых, однако в открытом доступе эти данные ограничены 1990–1996 гг.

Исходя из перечисленных ограничений, была протестирована модель (1)–(3) для экономики Хабаровского края на временном отрезке 1996–2010 гг. с целью определения технологических параметров σ , γ , ν , A . Для этого последовательно были оценены два уравнения линейной регрессии, выведенные из уравнений (1)–(3). Параметры, оцененные в уравнении (6), были использованы для оценки оставшихся параметров уравнения (7):

$$\log \frac{L}{K} = \sigma \log \gamma + \sigma \log \frac{r}{w}, \quad (6)$$

$$\log L - \frac{\hat{\sigma}}{1-\hat{\sigma}} \log \left[\left(\hat{\gamma} \frac{r}{w} \right)^{1-\hat{\sigma}} + \hat{\gamma} \right] = -\frac{1}{\nu} \log A + \frac{1}{\nu} \log Q. \quad (7)$$

Переменные, используемые в модели (в постоянных ценах 2010 г.):

Q – величина ВРП (млн руб.);

K – величина основных фондов, оцененных по модели (4)–(5) и скорректированных на величину загрузки (млн руб.);

L – количество занятых в экономике (чел.);

w – годовая ставка заработной платы на одного занятого (млн руб.), определяемая как отношение валовой оплаты труда в структуре ВРП и количества занятых;

r – норма прибыли на капитал (рублей на 1 руб. используемого капитала), определяемая как π/K , где π – объем валовой прибыли в структуре ВРП (см. рис. 1).

Обе оцениваемые модели оказались статистически значимыми. Результаты оценки приведены в таблице 1 (в скобках указаны значения t -статистики).

Таблица 1

Оценки параметров уравнений (6) и (7)

$\sigma \log \gamma$	σ	γ	R^2
0,1919 (9,50)	0,1964 (6,07)	2,6567	0,739
$-(1/\nu) \log A$	$1/\nu$	ν	R^2
7,4863 (20,83)	0,4449 (15,45)	2,2478	0,948

Достаточно высокое значение параметра экономии от масштаба $\nu=2,25$ может быть обусловлено переходом от кризисной экономики середины 1990-х гг., характеризующейся большими объемами простоя как основных про-

изводственных фондов, так и рабочей силы, к экономическому росту середины 2000-х гг. Даже в этом случае значение показателя выглядит завышенным, что может объясняться использованием в расчетах в качестве затрат труда количества занятых вместо фактически отработанных человеко-часов. В результате относительно небольшой прирост числа занятых (на 11% за анализируемый период) сопровождался гораздо большим приростом выпускаемого продукта.

В целом оцененные параметры достаточно хорошо аппроксимируют динамику ВРП и занятости Хабаровского края, как это видно из рисунков 5 и 6. ВРП рассчитывался по формуле (1) на основе фактических данных по занятости (L) и оценок величины фактически задействованного основного капитала (K).

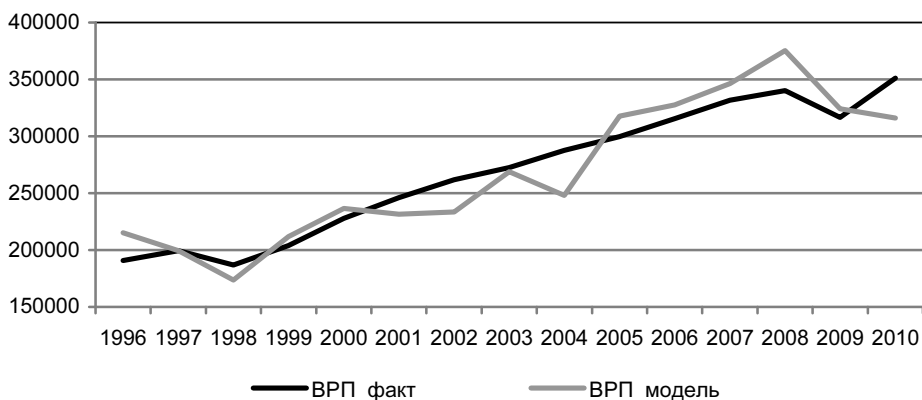

Рис. 5. Динамика фактического и расчетного ВРП Хабаровского края, млн руб.

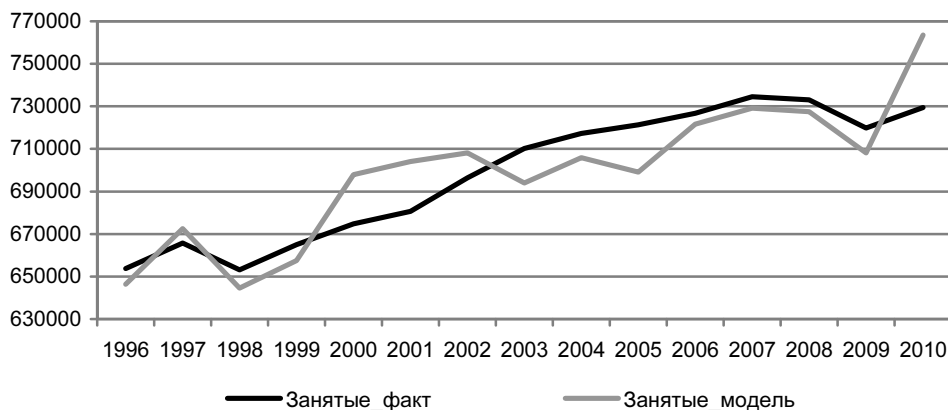

Рис. 6. Динамика фактической и расчетной занятости в Хабаровском крае, чел.

Занятость рассчитывалась по (3) на основе данных о фактическом ВРП и оценок заработной платы (w) и прибыли на капитал (r).

Оцененная производственная функция позволяет выявить технологические и ресурсные возможности экономической системы Хабаровского края для достижения задаваемых объемов произведенного продукта. В следующем разделе модель применяется в качестве инструмента анализа экономической системы Хабаровского края с точки зрения достижения тех или иных показателей валового продукта при варьировании объемов используемых ресурсов и изменении технологических параметров модели. Последний аспект выступает в качестве оценки технического прогресса.

ВАРИАНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ В ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В качестве иллюстрации автором использованы данные из Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2025 г. (далее – Стратегия-2025), в которой определена динамика макроэкономических показателей – ВРП, инвестиций в основной капитал, занятости, в рамках двух сценариев до 2025 г. – инерционного и инновационного (рис. 7–8; табл. 2).

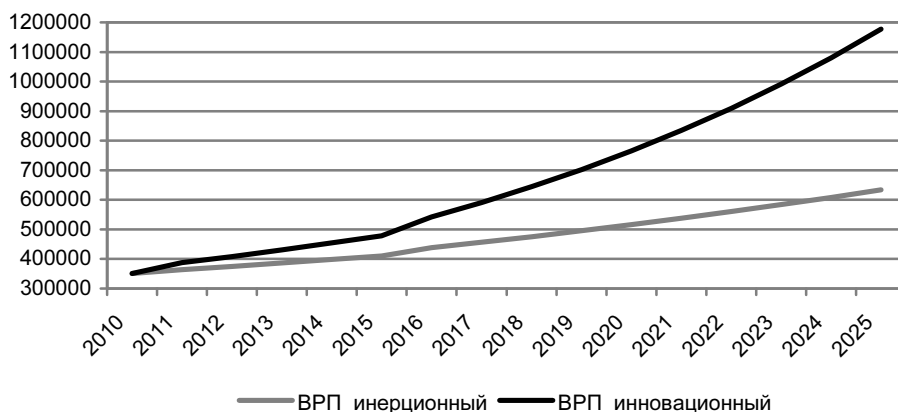

Рис. 7. Динамика ВРП Хабаровского края в рамках двух сценариев, млн руб., в ценах 2010 г.

Источник: [6].

В рамках инерционного сценария предполагается постепенное наращивание инвестиций в основной капитал, с уровнем инвестиций в 2025 г. в 1,7 раза выше, чем в 2010 г. Оценочная величина основного капитала в 2025 г. превысит уровень 2010 г. в 2,5 раза. При этом предполагается, что ВРП в 2025 г. превысит уровень 2010 г. в 1,8 раза. По инновационному сценарию инвестиции в 2025 г. в 3,6 раза превысят уровень 2010 г. (накопленный запас основного капитала – в 3,9 раза). Предполагается, что ВРП превзойдет уровень 2010 г. в 3,35 раза.

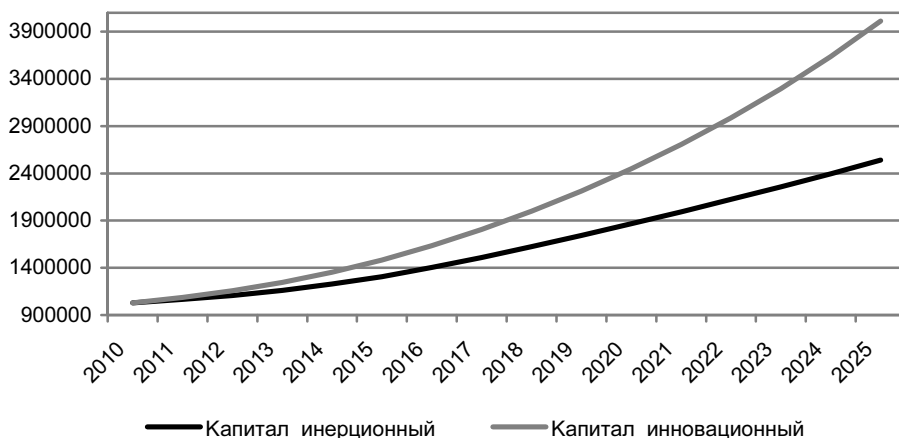

Рис. 8. Динамика основного капитала Хабаровского края в рамках двух сценариев, млн руб., в ценах 2010 г.

Источники: [6] и расчеты автора.

Что касается динамики уровня занятости, согласно Стратегии-2025, в рамках инновационного сценария следует ожидать увеличения занятости на 19%. При этом в документе явно признается, что регион будет испытывать серьезный дефицит кадровых ресурсов, а занятость, в частности, предполагается повысить за счет сокращения безработицы, увеличения численности работающих пенсионеров, а также привлечения иностранной рабочей силы (порядка 9% от общего числа занятых). Для целей настоящего исследования предполагается, что в рамках инерционного сценария занятость увеличивается среднегодовым темпом, характерным для 1998–2010 гг. (менее 1% в год). Сводные данные по двум сценариям представлены в таблице 1.

Таблица 2

**Фактические и прогнозные макроэкономические показатели
Хабаровского края**

Индикатор	2010	2025 – инерционный	2025 – инновационный	2025 – инерционный (в % к 2010)	2025 – инновационный (в % к 2010)	2025 – инерционный (расчетный по модели) в % к 2010	2025 – инновационный (расчетный по модели) в % к 2010
ВРП (млрд руб.)	351,3	630,2	1177,6	179,4	335,2	168	183,5
Занятость (тыс. чел.)	729,4	836,8	870	114,7	119	–	–
Инвестиции (млрд руб.)	131,2	223,4	468,8	170,2	357,3	–	–

Источники: [6] и расчеты автора.

Оценки показывают, что в рамках инерционного сценария достижение заданных объемов ВРП к 2025 г. технологически возможно при задаваемых темпах роста занятости и капитала путем наращивания в регионе объема производственных фондов (рис. 9).

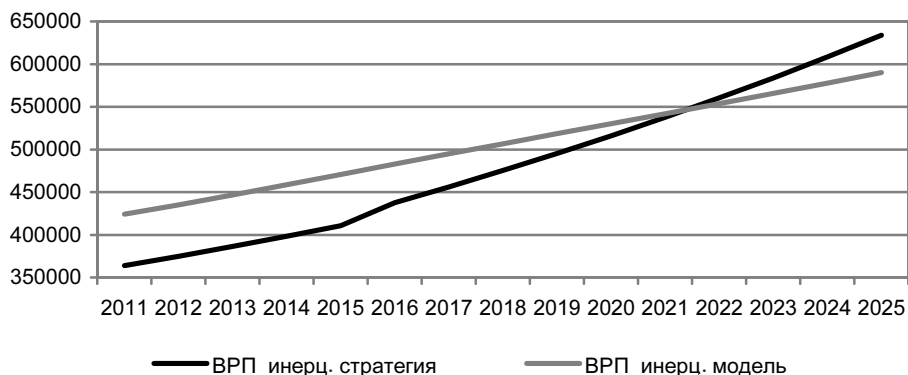

Рис. 9. Расчетная динамика ВРП Хабаровского края в рамках инерционного сценария, млн руб., в ценах 2010 г.

Темпы роста занятости и основных фондов позволят в рамках данного сценария увеличить ВРП в 2025 г. в 1,68 раза (см. табл. 2) по сравнению с 2010 г. (согласно Стратегии-2025 – в 1,8 раза). Иначе обстоит дело с инновационным сценарием (рис. 10).

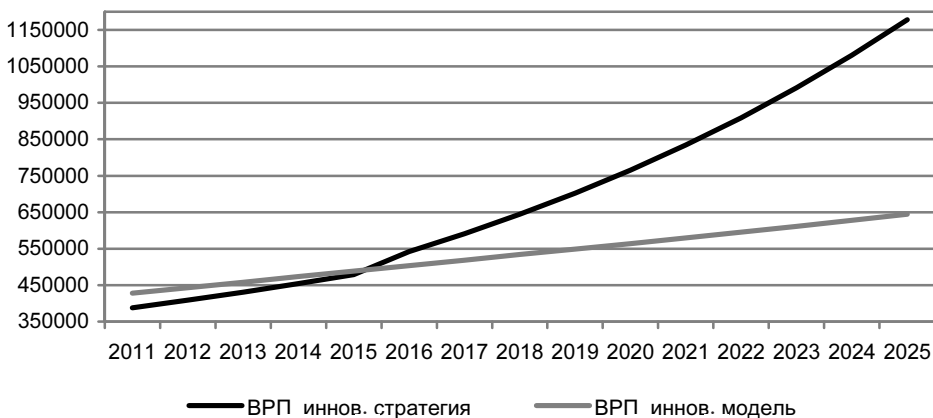

Рис. 10. Расчетная динамика ВРП Хабаровского края в рамках инновационного сценария, млн руб., в ценах 2010 г.

Здесь главным ограничением роста выступают трудовые ресурсы. В результате простое накопление капитала, хотя и значительно превышающее темпы инерционного сценария, неспособно обеспечить целевые объемы вы-

пуска. Причиной этому является закон убывающей предельной производительности капитала в условиях ограничений по трудовым ресурсам. Фактически при производительности, характерной для уровня 2010 г., и при росте занятости 18% накопление капитала по инновационному сценарию способно увеличить уровень ВРП 2010 г. в 1,84 раза (вместо 3,35 раза, запланированных в рамках инновационного сценария). Любое, сколь угодно малое увеличение ВРП сверх этого уровня, при заданных ограничениях трудовых ресурсов, потребует бесконечно большого увеличения физического объема используемого капитала (рис. 11), т. е. в реальности недостижимо.

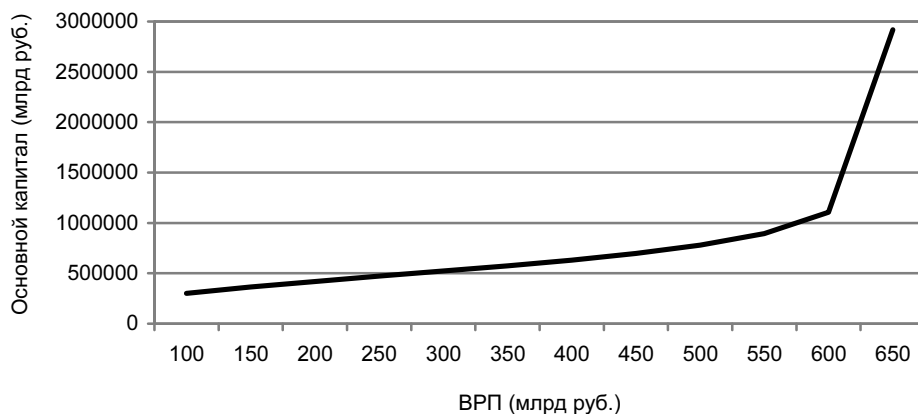

Рис. 11. Величина основного капитала, необходимая для выпуска ВРП при фиксированных трудовых ресурсах ($L(2025) = 870$ тыс. чел.)

Таким образом, ввиду дефицита трудовых ресурсов физического накопления капитала недостаточно для достижения целевых объемов ВРП к 2025 г. Для этого накопление ресурсов должно сопровождаться трудосберегающим техническим прогрессом. Автор рассматривает такой прогресс в терминах увеличения «виртуальной» капиталовооруженности работников, и, как следствие, их производительности, без физического увеличения объемов применяемого капитала, а только лишь за счет возрастания производительности последнего. В рамках применяемой модели такой технический прогресс достигается путем уменьшения значения параметра трудоинтенсивности, что подразумевает увеличение капиталоемкости при неизменных физических объемах факторов производства.

Модельные расчеты показали, что для достижения целевых значений ВРП к 2025 г. в рамках инновационного сценария, помимо заложенных в Стратегии-2025 параметров динамики инвестиций и занятости, необходим трудосберегающий технический прогресс, равноценный увеличению фондовооруженности труда на 24% по сравнению с фактической фондовооружен-

ностью. На рисунке 12 представлена динамика ВРП региона в рамках инновационного сценария, в расчете на постепенное равномерное увеличение капиталоемкости в результате трудосберегающего технического прогресса за период 2011–2025 гг. со среднегодовым темпом 1,4%.

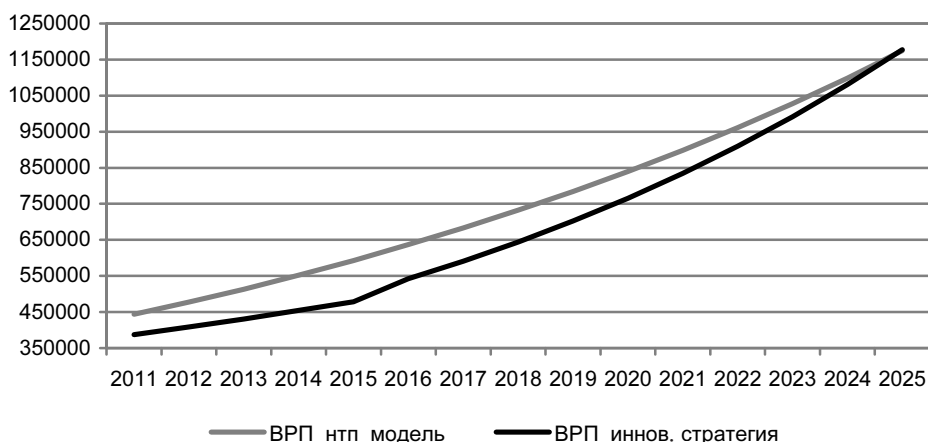

Рис. 12. Расчетная динамика ВРП в результате трудосберегающего НТП, равнозначного среднегодовому увеличению фондовооруженности работника на 1,4%, млн руб.

Модель также позволяет определить количество труда, необходимое для обеспечения ВРП в рамках инновационного сценария при условии простого накопления физического капитала (без увеличения производительности последнего). Выразив L через уравнение (1), получим необходимый уровень занятости в экономике региона 1138 тыс. чел., что на 31% превышает уровень занятости в 870 тыс. чел., предполагаемый в рамках сценария, или на 56% выше уровня занятости 2010 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Адекватная оценка технологических возможностей региональных производственных систем приобретает важность при оценке долгосрочных трендов долгосрочного развития регионов, одним из главных препятствий которого является ограниченность трудовых ресурсов. В то же время оптимистичные сценарии развития территорий предполагают масштабные инвестиции, результатом которых должно стать существенное (в некоторых случаях — многократное) увеличение объемов производимого регионального продукта при высокой отдаче основного капитала. При этом зачастую не рассматривается взаимосвязь между производственными факторами, которые не только дополняют друг друга, увеличивая при этом собствен-

ную продуктивность, но и являются ограничителем роста друг друга, сокращая факторную отдачу.

Верификация модели показала ее адекватность существующим экономическим тенденциям. На основе анализа макроэкономических индикаторов Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2025 г. выявлена недостаточность физического накопления основного капитала для достижения целевых показателей ВРП в связи с ограничениями, налагаемыми трудовыми ресурсами. Действие закона убывающей отдачи переменного фактора приведет к тому, что при объемах инвестиций в основной капитал, заложенных в инновационном сценарии, ВРП увеличится только в 1,8 раза вместо запланированных 3,35. Показана необходимость в трудосберегающем техническом прогрессе, который заключается в повышении производительности основного капитала в среднем на 24% (или 1,4% в год) по сравнению с уровнем 2010 г. для достижения целевых показателей Стратегии-2025. Таким образом, модель наглядно показала, каким образом и в каких масштабах ограниченность одного из факторов производства (труда) воздействует на продуктивность другого фактора (капитала), что в конечном счете накладывает ограничения на величину общего продукта экономической системы региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воскобойников И.Б.* Оценка совокупной факторной производительности российской экономики в период 1961–2001 гг. с учетом корректировки динамики основных фондов: препринт WP2/2003/03. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 40 с.
2. Национальные счета России в 1997–2004 годах: стат. сб. / Росстат. М., 2005. 211 с.
3. Национальные счета России в 2004–2011 годах: стат. сб. / Росстат. М., 2012. 344 с.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004: стат. сб. / Росстат. М., 2004. 966 с.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011. 990 с.
6. Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года / Правительство Хабаровского края. URL: http://gov.khabkrai.ru/invest2.nsf/pages/ru/postan_13012009.htm (дата обращения: сентябрь 2013).
7. *Brown M., De Cani J.* Technological Change and the Distribution of Income // *International Economic Review*. 1963. Vol. 4. № 3. Pp. 289–309.
8. *Brown M., De Cani J.* A Measure of Technological Employment // *The Review of Economics and Statistics*. 1963. Vol. 45. № 4. Pp. 386–394.
9. *Harper M.* Estimating Capital Inputs for Productivity Measurement: An Overview of U.S. Concepts and Methods // *International Statistical Review*. Vol. 67. № 3. 1999. Pp. 327–337.

TECHNOLOGIC PARAMETERS
OF REGIONAL ECONOMIC SYSTEM

A.G. Isaev

Isaev Artyom Gennadyevich – Ph. D. in Economics, Research Fellow. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: isaev@ecrin.ru.

Under deficit of labor supply, simple capital accumulation is limited as a driver of regional product growth, due to the law of falling marginal productivity of variable factors and absence of technological progress. A modified CES production function allows us to estimate key technological parameters of an economic system such as elasticity of substitution, returns to scale and labor intensity. These parameters were estimated for the specific economy of Khabarovskiy krai. Data on capital are estimated using the «capital lifecycle» model. The constructed production function is used to estimate the rate of labor-saving technical progress necessary for achieving the higher levels of Khabarovskiy krai's GRP based on long-term GRP projections and accounting for labor supply limitations. Increasing Khabarovskiy krai's GRP by a factor of 3.3 from 2010 to 2025 will require not only an increase of gross investment by 3.5 times in the same period, but also annual growth of unit productivity of capital of 1.4%. Otherwise, the mentioned capital increase accounts for only 1.8 times GRP growth. An alternative to technology-augmented capital productivity growth is an 1.6 times increase in the region's employment compared to 2010. Thus, the model determines the influence of labor limitations on capital productivity and eventually on the GRP.

Keywords: CES production function, technical progress, capital, labor, GRP, resources limitation, regional economic system, Khabarovskiy Krai.

REFERENCES

1. Voskoboynikov I. B. *Total Factor Productivity Growth in Russia in 1961–2001 in Terms of the Fixed Assets Stock Correction Model: Working paper WP2/2003/03*. Moscow: State University – Higher School of Economics, 2003, 40 p. (In Russian).
2. *National accounts of Russia in 1997–2004: the statistical collection*. Rosstat, Moscow, 2005, 211 p. (In Russian).
3. *National accounts of Russia in 2004–2011: the statistical collection*. Rosstat, Moscow, 2011, 344 p. (In Russian).
4. *Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2004: the statistical collection*. Moscow, 2004, 966 p. (In Russian).
5. *Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2011: the statistical collection*. Moscow, 2012, 990 p. (In Russian).
6. *Strategy of Socio-Economic Development of Khabarovsk Territory until 2025*. Available at: http://gov.khabkrai.ru/invest2.nsf/pages/ru/postan_13012009.htm (accessed September 2013). (In Russian).
7. Brown M., De Cani J. Technological Change and the Distribution of Income. *International Economic Review*, 1963, vol. 4, no. 3, pp. 289–309.
8. Brown M., De Cani J. A Measure of Technological Employment. *The Review of Economics and Statistics*, 1963, vol. 45, no. 4, pp. 386–394.
9. Harper M. Estimating Capital Inputs for Productivity Measurement: An Overview of U.S. Concepts and Methods. *International Statistical Review*, vol. 67, no. 3, 1999, pp. 327–337.

УДК 332.01

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ В СТАРОПРОМЫШЛЕННОМ РЕГИОНЕ

А.И. Татаркин, И.В. Макарова, А.П. Петров, Л.М. Аверина

Татаркин Александр Иванович – доктор экономических наук, профессор, академик РАН, директор. Институт экономики Уральского отделения РАН, ул. Московская, 29, Екатеринбург, Россия, 620014. E-mail: ai_tatarkin@mail.ru.

Макарова Ирина Валерьевна – доктор экономических наук, доцент, заведующая сектором. Институт экономики Уральского отделения РАН, ул. Московская, 29, Екатеринбург, Россия, 620014. E-mail: k511@mail.ru.

Петров Александр Петрович – кандидат экономических наук, депутат Государственной Думы РФ, член Комитета по охране здоровья. Георгиевский пер., 2, Москва, Россия, 103265. E-mail: apetrov@duma.gov.ru.

Аверина Лидия Михайловна – ведущий экономист. Институт экономики Уральского отделения РАН, ул. Московская, 29, Екатеринбург, Россия, 620014. E-mail: laverina@mail.ru.

Проведен анализ размещения важнейших объектов модернизации и нового строительства в промышленности старопромышленного региона на примере Свердловской области. Представлен ретроспективный анализ особенностей размещения базовых отраслевых комплексов – металлургического и машиностроительного. Выделены три временных этапа адаптации рассматриваемых комплексов к меняющимся условиям хозяйственной деятельности, в том числе и кризису, с точки зрения размещения важнейших объектов модернизации и нового строительства. Выявлены основные тренды размещения и факторы, их определяющие, на каждом из выделенных этапов.

Старопромышленный регион, металлургический комплекс, машиностроительный комплекс, объекты модернизации и нового строительства, особенности размещения, Свердловская область.

К типичным старопромышленным регионам, в структуре которых преобладает промышленное производство, относится Свердловская область. Область входит в число десяти основных регионов, на долю которых приходится 45% производимой в РФ промышленной продукции. Уровень концентрации

© Татаркин А.И., Макарова И.В., Петров А.П., Аверина Л.М., 2013
Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 13-7-016-СГ.

промышленного производства на территории в 4 раза превышает среднероссийские показатели.

Индустриальный характер экономики Свердловской области предопределяет использование отраслевого подхода в анализе территориальной организации производства.

Наличие в Свердловской области разнообразных минерально-сырьевых ресурсов предопределило развитие на ее территории отраслей тяжелой промышленности. Отличительными признаками промышленности являются сложившаяся в течение десятилетий достаточно устойчивая структура и большой удельный вес профилирующих отраслей специализации, в том числе сырьевых и материалоемких – черной и цветной металлургии, машиностроения и металлообработки, на долю которых приходится более 80% объема производства промышленной продукции области. Следовательно, чтобы выявить тенденции размещения промышленности в данном старопромышленном регионе, достаточно рассмотреть базовые отраслевые комплексы – металлургический и машиностроительный. Несмотря на то, что данные комплексы адаптировались к меняющимся условиям хозяйственной деятельности, в том числе и кризису, с разной интенсивностью, можно выделить три этапа в размещении важнейших объектов модернизации и нового строительства.

Этап I – 1991–2000 гг.

Охватывает период, когда проводимая в России широкомасштабная экономическая реформа привела к резкому ухудшению практически всех основных параметров социально-экономического развития страны в целом и большинства ее регионов. Существенно сильнее, чем в среднем по стране, кризис проявился в Свердловской области, что обусловлено структурой ее экономики, в которой был велик удельный вес наиболее кризисонеустойчивых отраслевых комплексов – металлургического, оборонного, инвестиционного машиностроения. Объем производства в черной металлургии в 1999 г. составлял 48,3% к уровню 1990 г., в цветной металлургии – 45%. В машиностроении и металлообрабатывающей промышленности Свердловской области снижение производства было одним из самых значительных среди других отраслей, объем производства в 1999 г. составил 33,4% к уровню 1990 г. Среди причин сложившейся в машиностроении ситуации следует отметить: во-первых, постоянное сокращение оборонного заказа, что отрицательно сказалось на производственной деятельности предприятий ОПК; во-вторых, неконкурентоспособность значительной части предприятий гражданского машиностроения, где был сосредоточен устаревший производственный аппарат и не был накоплен потенциал для нововведений.

В условиях промышленного спада произошло резкое снижение инвестиционной деятельности, за период 1991–1999 гг. объем инвестиций в основной капитал (в сопоставимых ценах) в целом по Свердловской области уменьшил-

ся более чем в 4 раза, что привело к значительному ухудшению технического состояния основных производственных фондов промышленности.

Вторая половина 1990-х гг. характеризовалась началом формирования в отечественной промышленности холдинговых структур (уровень корпоративной интеграции, наряду с тенденциями технологического развития, является одним из определяющих факторов размещения объектов нового строительства и модернизации отраслей). Корпоративная интеграция имела место еще в плановой экономике в виде крупных и крупнейших централизованно управляемых производственных комплексов. Переход к рыночной экономике изменил форму такой интеграции. В основу новой интеграции стали закладывать корпоратизацию капитала (укрупнение, объединение разрозненных капиталов в единый субъект – корпорацию), что позволило предприятиям увеличить их стоимость, нарастить инвестиционную активность, возможности формирования современной технологической базы и появления новых направлений деятельности, расширить рынки, повысить эффективность товародвижения и вероятность возникновения синергетического эффекта.

Металлургический комплекс. В Свердловской области создание холдинговых структур происходило в металлургическом комплексе и осуществлялось по следующим направлениям.

Формирование вертикальных холдингов, где в рамках одной компании замыкалась вся технологическая цепочка: от добычи руды до выпуска конечной продукции. Так, в образованном в 1997 г. ОАО «Металлургический холдинг» впервые в рамках одной компании был полностью замкнут технологический цикл – от сбора сырья (металлолома) до выпуска готовой продукции и ее сбыта. Основу холдинга составили три завода: Нижнесергинский металлургический (НСМЗ), Ревдинский метизно-металлургический (РММЗ) и Ревдинский завод по обработке цветных металлов (РЗОЦМ), а также Свердловское объединение ЗАО «Втормет» и Свердловсоцбанк. В ломоперерабатывающей промышленности в результате присоединения к Свердловскому объединению ЗАО «Втормет» аналогичных предприятий по переработке лома Тюменской, Курганской и Пермской областей была создана крупная производственная структура «Уралвторчермет». В этот же период предприятия трубной промышленности Свердловской области участвовали в формировании трубных холдингов.

В цветной металлургии в рамках холдингов решались две главные проблемы отрасли – повышение обеспеченности сырьем и увеличение производства готовой продукции. В медной промышленности Свердловской области к 1999 г. на базе АО «Уралэлектромедь» была создана «Уральская горно-металлургическая компания» (УГМК), включающая в себя предприятия медной промышленности области, ряд горнодобывающих и машиностроительных предприятий Урала. В алюминиевой промышленности Свердловской области

участие региональных предприятий в формировании холдинговых структур осуществлялось за счет объединения предприятий Свердловской, Иркутской и Мурманской областей в единую вертикально интегрированную компанию «СУАЛ-холдинг». Объединение финансовых средств двух компаний – «Траст-консалтгрупп» и СУАЛ – и проведение скоординированной политики в рамках единой управляющей компании позволили решать задачи развития комплекса в целом (от добычи сырья до выпуска конечной продукции).

Таким образом, размещение производства в металлургическом комплексе Свердловской области в конце 1990-х гг. определялось, главным образом, политикой формирования холдинговых структур и осуществлялось за счет приобретения активов других предприятий в рамках единой технологической цепочки.

Машиностроительный комплекс. В машиностроительном комплексе на протяжении 1990-х гг. в недостаточном объеме проходила техническая реконструкция производств и практически не осуществлялось новое строительство крупных объектов. Среди направлений инвестиционной деятельности машиностроительных предприятий Свердловской области преобладали следующие.

Реконструкция действующих и создание новых производств по выпуску оборудования для финансово обеспеченных отраслей экономики – нефтегазового комплекса, транспорта. Основными производителями продукции для ТЭК стали вертикально интегрированные структуры: ФГУП «Комбинат «Электрохимприбор», ФГУП «Уралтрансмаш» и ряд других предприятий. ФГУП «Уралвагонзавод» освоило выпуск новых магистральных грузовых цистерн для нефтепродуктов, ФГУП «Уралтрансмаш», где в 1998 г. был создан серийный образец трамвая «Спектр», приступило к серийному производству.

Создание новых производств, в т. ч. по выпуску медицинской техники на предприятиях ОПК в рамках конверсионных программ. К концу 1990-х гг. ряд оборонных предприятий в составе машиностроительного комплекса сумели адаптироваться к изменившимся условиям и, используя имеющиеся уникальные производственные и кадровые возможности, прогрессивные промышленные разработки, начали выпуск высокотехнологичной продукции гражданского и двойного назначения, компенсируя отсутствие государственного оборонного заказа разработкой наукоемких технологий и оборудования для гражданских целей.

В целом для машиностроительного комплекса основным трендом в размещении объектов модернизации и нового строительства являлись *создание новых производств по выпуску оборудования для финансово обеспеченных отраслей экономики, реализация конверсионных программ на предприятиях ОПК.*

Этап II – 2000–2008 гг.

Охватывает период, который в экономике России является периодом стабилизации и роста промышленного производства. Так, с 1999 г. начался

рост объемов производства в металлургическом производстве, а с 2000 г. — в других отраслях промышленности. Этому способствовали активизация после дефолта 1998 г. экспортной деятельности и начавшееся некоторое увеличение внутреннего спроса.

Металлургический комплекс. Финансовое положение предприятий металлургического комплекса значительно упрочилось с увеличением валютных поступлений от экспортной деятельности, в результате начался рост производства черных и цветных металлов, активизировалась инвестиционная деятельность предприятий, направленная на решение следующих задач: реконструкцию производства и покупку технологического оборудования для увеличения доли продукции более высоких переделов с большей добавленной стоимостью; укрепление собственной минерально-сырьевой базы; приобретение активов других компаний, в т. ч. из смежных отраслей промышленности, технологически связанных с данным производством.

В отрасли продолжился процесс формирования холдинговых структур, начатый во второй половине 1990-х гг., осуществляемый за счет вхождения новых предприятий, дислоцированных как на территории Свердловской области, так и в других регионах. В металлургии на начало 2000-х гг. функционировало несколько вертикально интегрированных структур: ОАО «Горно-металлургическая компания», «Трубная металлургическая компания», ОАО «Нижнетагильский металлургический комбинат» (в составе «Евразхолдинга») и др. Интеграционные процессы в корпорациях охватывали всю производственную цепочку — от добычи сырья до продажи конечного продукта, с включением все новых смежных (и не только) секторов экономики. При этом ОАО «Горно-металлургическая компания» объединило предприятия двух завершенных технологических циклов: на основе производства меди и производства черных металлов. Деятельность данных корпораций и определила размещение важнейших объектов модернизации и нового строительства в металлургическом комплексе. Инвестиции были направлены корпорациями на разрешение ситуации, сложившейся в отрасли на начало 2000-х гг.

В черной металлургии — на преодоление низкого технического и технологического уровней производства (снижение износа основных фондов, достигшего уровня 54%, материалоемкости и энергоемкости производства, повышение качества и расширение ассортимента, т. е. роста конкурентоспособности продукции); на повышение уровня загрузки мощностей по производству основных видов металлопродукции; на развитие металлургических производств, способных в массовых объемах выплавлять качественный металл для производства труб, и внедрение современных технологий и оборудования в трубопрокатном производстве.

В цветной металлургии — на повышение технического уровня производства, снижение износа основных фондов на ряде предприятий, наращивание

обеспеченности предприятий сырьем, в т. ч. за счет приобретения активов горнодобывающих предприятий Урала (Башкортостана, Оренбургской области).

На решение указанных проблем только за 5 лет (2001–2005 гг.) объем освоенных капитальных вложений в черной металлургии Свердловской области составил 40 млрд руб., в цветной – 31,8 млрд руб. При этом свыше 70% общего объема инвестиций в основной капитал было направлено на реконструкцию и техническое перевооружение производства на базе инноваций.

Основными направлениями инвестиционной политики металлургических предприятий Свердловской области можно обозначить: повышение качества конечной продукции (выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью) путем коренной реконструкции и технического перевооружения; развитие кооперации внутри холдингов, позволяющей привлекать масштабные инвестиции для реконструкции производства и решения проблем обеспечения исходным сырьем; продолжение процесса формирования существующих вертикально интегрированных холдингов.

Особенности территориального размещения объектов технического перевооружения и нового строительства в металлургическом комплексе заключаются в следующем.

В черной металлургии практически все крупные инвестиционные *проекты осуществлялись на территории дислокации предприятия* в основном в рамках единой технологической цепочки (реконструкция и техническое перевооружение НТМК, металлургического завода им. А.К. Серова, трубных заводов).

В цветной металлургии дополнительными трендами размещения производства стали: *новое строительство на осваиваемых площадках*, например, освоение Тарньерского месторождения на севере Свердловской области со строительством обогатительной фабрики; *диверсификация производства* не только в рамках технологической цепочки в медной промышленности, но и за счет реализации инвестиционных проектов на предприятиях других отраслей, например, активы которых находились в собственности УГМК.

Машиностроительный комплекс. Предприятия машиностроительного комплекса на протяжении периода 2000–2007 гг. имели устойчивую положительную динамику увеличения объема производства, хотя темпы роста имели тенденцию к замедлению. Такая же тенденция выявлена при анализе показателей прибыли и инвестиций, что во многом объясняется нестабильным финансово-экономическим положением предприятий отрасли. Из-за недостаточного объема прибыли инвестиционные возможности предприятий машиностроения и металлообработки были ограничены, низкий инвестиционный потенциал сдерживал модернизацию отрасли. В этих условиях существенными ресурсами роста объемов производства и активной инвестиционной деятельности обладали предприятия отдельных секторов тяжелого

машиностроения (железнодорожное машиностроение, производство нефте-промышленного оборудования и др.).

На финансово-экономическое положение предприятий ОПК машиностроительного профиля, на долю которых в 2005 г. приходилось 56% продукции машиностроения и металлообработки Свердловской области, значительное влияние оказала ситуация с государственным оборонным заказом — на одних предприятиях его объем существенно сократился, а на других он вообще отсутствовал. Крупные инвестиционные программы были реализованы лишь на отдельных предприятиях, имеющих научные¹, производственные и кадровые возможности для разработки наукоемких технологий и оборудования, выпуска высокотехнологичной продукции гражданского и двойного назначения. Так, ФГУП «ПО «Уральский оптико-механический завод» за период 2002—2007 гг. увеличило объем реализации гражданской продукции почти в 2 раза за счет активного внедрения в производство новых видов медицинской и светотехнической продукции, изделий для железнодорожного транспорта.

Основные тренды размещения объектов модернизации и нового строительства в машиностроительном комплексе.

Реструктуризация крупных машиностроительных компаний путем концентрации и специализации производств по основной тематике с реорганизацией непрофильных активов, в ряде случаев — с выводом и передачей непрофильных активов малым предприятиям.

Расширение взаимодействия крупных и малых предприятий машиностроения, особенно в сфере производства высокотехнологичной гражданской продукции. На административных и производственных площадях крупных промышленных предприятий области (ФГУП «ПО «НПО автоматики», ОАО «Уралмашзавод», ОАО «Уральское производственное предприятие «Вектор», ФГУП «ПО «Уралвагонзавод») с использованием их производственной инфраструктуры функционировало от 40 до 140 субъектов малого бизнеса. Развитие взаимосвязей между большими и малыми предприятиями осуществлялось путем выполнения малыми предприятиями заказов по производству комплектующих деталей.

Формирование инжиниринговых компаний. Процесс создания инжиниринговых компаний начался в 1990-е гг., осуществлялся на базе расформированных в связи с отсутствием финансирования проектных институтов и конструкторских бюро. В рассматриваемом периоде процесс формирования

¹ Для предприятий ОПК Свердловской области характерно вхождение научных учреждений в состав крупных корпораций. Так, ФГУП «ПО «Уральский оптико-механический завод» имеет в своей структуре три научных института, выполняющих заказы по внедрению в производство технологических новаций. Структурная подчиненность научных подразделений позволяет предприятию формировать научный заказ, постоянно заниматься инновационными разработками с их дальнейшим внедрением.

и развития инжиниринговых компаний продолжался, но вектор их создания изменился. Бизнес осознал доходность инжиниринговых услуг и стал создавать подобные структуры, привлекая профессионалов, объединяя их в коллективы и подкрепляя это серьезным финансированием и юридическим сопровождением. К концу 2007 г. на рынке успешно функционировали инжиниринговые компании: ЗАО НПП «МАШПРОМ», ЗАО ТПО «Уралпром-оборудование», АО НПО «Уралчерметавтоматика» и др.

Развитие интеграционных процессов в ОПК Свердловской области. В анализируемый период продолжалась интеграция оборонных предприятий через создание холдинговых структур общероссийского значения. В результате в Российское авиационно-космическое агентство вошло ОАО «НПП «Старт», в Российское агентство по боеприпасам – ФГУП «Нижнетагильский институт испытания металлов». Ряд предприятий ОПК Свердловской области первоначально объединились в некоммерческое партнерство «Бронетанковая техника», далее на его базе начался процесс создания холдинга «Уральская бронетанковая техника» с головным предприятием ФГУП «ПО «Уралвагонзавод». Развитие интеграционных процессов в ОПК осуществлялось также через создание специализированных технологических центров на базе предприятий ОПК (Региональный центр листообработки на базе ОАО «УралНИТИ», Уральский региональный центр по производству печатных плат на ФГУП ПО «Октябрь»).

Создание региональных специализированных технологических центров в гражданском машиностроении. Особенностью большинства предприятий машиностроения в значительной мере является наличие замкнутого цикла производства, поскольку длительное время создание машиностроительных предприятий опиралось на принципы «натурального хозяйства» и шло по пути строительства самообеспечиваемых заводов. В этой связи большинство машиностроительных предприятий в Свердловской области имеют в своем составе собственные заготовительные, литейные и другие переделы, использование которых, вследствие низкой загрузки, крайне неэффективно. Для решения проблем, обусловленных наличием полного цикла производства и низким уровнем развития специализации и кооперации, в течение анализируемого периода были созданы региональные технологические центры: областные центры инструмента, оснастки, прецизионной механообработки и т. д. на базе Уральской машиностроительной корпорации «Пумори-СИЗ»; Центр литейных технологий на базе ОАО «Уралбурмаш»; Уральский лазерный инновационно-технологический центр на базе РЦЛ.

Создание и развитие промышленных технопарков. Для организации производств высокотехнологичной инновационной продукции и коммерциализации научных достижений были созданы промышленные технопарки: «Уралмашевский»; «Приборостроение» (на базе ФГУП «НПО Автоматика»,

«Высокие технологии машиностроения» (на базе УМК «Пумори-СИЗ»). Технопарки созданы на площадях промышленных предприятий и объединяют организации, специализирующиеся на опытно-конструкторских разработках и выпуске продукции для нужд крупных промышленных предприятий.

Развитие новых секторов в машиностроении. К 2008 г. в Свердловской области сформировалась и устойчиво функционирует новая отрасль – медицинское приборостроение. Если в 1998 г. на территории действовало три предприятия, выпускавших медицинскую технику, то в 2008 г. количество организаций, функционирующих в сфере производства медицинской техники и изделий медицинского назначения, составило более 40. Годовой объем выпуска медицинского оборудования, производимого предприятиями Свердловской области, возрос с 491 млн руб. в 2000 г. до 2150 млн руб. в 2007 г. В структуре медицинского приборостроения представлены специализированные предприятия по выпуску медицинской техники; предприятия оборонно-промышленного комплекса и гражданского машиностроения; малые и инновационные предприятия.

Этап III – 2007–2012 гг.

Размещение важнейших объектов модернизации и нового строительства в промышленности в этот период определялось действием следующих факторов.

- **Формирование и развитие инфраструктуры индустрии высоких технологий** путем создания центров коллективного пользования уникальными технологиями и оборудованием, промышленных технопарков, региональных специализированных технологических центров. На территории Свердловской области функционируют четыре научно-внедренческих («ТЕХНОМЕТ» – «Энергосберегающие технологии в металлургии и машиностроении», Инновационно-технологический центр «Академический», Уральский горно-промышленный научно-технологический парк «ИнтелНедра», «Уральский лесной технопарк») и 6 промышленных парков («Высокие технологии машиностроения», «Управляющая компания Технологического парка «Приборостроение», «Аверон», «Высокогорский», «Заречный», химический парк «Тагил»). Среди прочих объектов инновационной инфраструктуры в настоящий момент зарегистрировано 3 центра трансфера технологий и 21 центр коллективного пользования, созданных преимущественно на базе УрО РАН и УрФУ, 10 региональных промышленных центров: Уральский региональный центр по производству печатных плат, Региональный центр листообработки, Уральский лазерный инновационно-технологический центр, Центр литейных технологий, 6 центров на базе Уральской машиностроительной корпорации «Пумори-СИЗ». Кроме того, в настоящее время на предприятиях области создаются еще 4 технологических центра: Центр по производству гидроцилиндров, Центр литья из высокопрочного чугуна, Центр термообработки, Центр гальваники и покрытий.

- Развитие кооперационного взаимодействия (отраслевого, межотраслевого) предприятий и организаций области, интеграция производства с наукой на основе реализации Программы развития кооперации на территории Свердловской области до 2020 г., утвержденной постановлением правительства Свердловской области от 06.04.2009 г. № 374.

- Укрепление взаимодействия между промышленными предприятиями, отраслевыми научно-исследовательскими и проектными организациями в целях ускорения коммерциализации научно-технической продукции.

- Формирование элементов nanoиндустрии в промышленном комплексе. В настоящее время в Свердловской области разработкой и внедрением нанотехнологий занимаются порядка 30 научно-производственных и промышленных предприятий, в т. ч. крупнейшие промышленные предприятия – ОАО «Уральский электрохимический комбинат, ОАО «НПК «Уралвагонзавод», ОАО «ПО «Уральский оптико-механический завод»; блок малых и средних инновационных предприятий, активно взаимодействующих с научными организациями и вузами региона (среди них ЗАО «УралИнтех», ЗАО «РЭЛТЕК», ООО «НПП «Гаммамет» и др.). В разработках участвуют 6 институтов УрО РАН (физики металлов, электрофизики, машиноведения, органического синтеза, высокотемпературной электрохимии, металлургии, химии твердого тела) и 4 вуза – УрФУ, УрГЭУ, УЛТУ, Уральская медицинская академия.

- Начало нового этапа корпоративного развития – сочетание корпоративных вертикальных иерархий с функционированием плоских сетевых структур, этому в определенной степени способствовало динамичное развитие промышленного сервиса, трансформирующегося в промышленные услуги. В анализируемом периоде возросла доля промышленной деятельности с горизонтальными контрактами в следующих отраслях: машиностроении, в т. ч. медицинском приборостроении, в фармацевтической промышленности, химической промышленности. В секторе вертикальных контрактов (металлургия) также появились сетевые плоские структуры.

- Формирование современных форм организации промышленного производства, таких как кластеры. В настоящее время на территории Свердловской области на различных стадиях формирования находятся до десятка кластеров.

Действие указанных факторов в определенной степени изменяет характер развития и размещения производительных сил в регионе, при этом степень их влияния определяется в том числе отраслевыми особенностями.

Металлургический комплекс. Мировой финансовый кризис 2008 г. и связанное с этим падение спроса и цен на металлы, прежде всего на зарубежных рынках, куда поставляется до 50–70% производимой в области металлургической продукции, негативно сказались на финансово-экономическом положении отрасли: в 2009 г. произошло резкое падение производства метал-

лопродукции (до 25–30%). Следует отметить, что, несмотря на последствия кризиса, оказавшие негативное влияние на развитие отрасли, в период 2007–2012 гг. в металлургическом комплексе Свердловской области проявился ряд положительных тенденций, среди которых – увеличение доли продукции высоких переделов; модернизация производственного оборудования в соответствии с мировыми разработками; внедрение энергосберегающих и экологических технологий; укрепление минерально-сырьевой базы, в том числе за счет освоения техногенных месторождений; организационно-структурное развитие и повышение качества менеджмента.

В черной металлургии произошли положительные структурные изменения: с закрытием мартеновских производств вся сталь на металлургических предприятиях Свердловской области выплавляется современными кислородно-конвертерным и электросталеплавильным способами; 100% металла обрабатывается в агрегатах внепечной обработки и разливается в МНЛЗ. В последние годы на всех трубных предприятиях реализованы и идет реализация крупномасштабных проектов, направленных на расширение сортамента выпускаемой продукции, снижение ее себестоимости, повышение качественных характеристик стальных труб, а также на увеличение объемов их выпуска.

В цветной металлургии наибольшие темпы развития наблюдались на предприятиях, выпускающих продукцию глубокой переработки: в алюминиевой промышленности – ОАО «Каменск-Уральский металлургический завод» и ОАО «Уральская фольга»; в медной промышленности – ЗАО СП «Катур-Инвест», ОАО «Ревдинский завод ОЦМ». Введены новые мощности по производству продукции высоких переделов на предприятиях медной отрасли УГМК, в ООО «Чкаловский» закончено строительство на промышленной площадке ОАО «КУМЗ» завода по производству крупных плит, открыт новый комплекс по производству латунного проката в ОАО «Каменск-Уральский завод ОЦМ». В цветной металлургии появилось новое направление – создание производства по выпуску магния. Реализация проекта строительства магниевого завода в г. Асбесте Свердловской области позволит создать высокоэффективное промышленное производство магния, конкурентоспособное на мировом рынке.

Достиженные в металлургическом комплексе результаты обусловлены активной инвестиционной и инновационной политикой предприятий. Для ускорения внедрения новых технологий в производство создан и работает Уральский объединенный научно-исследовательский и проектно-конструкторский центр металлургии, объединяющий 17 организаций Уральского региона.

Анализируя ситуацию в металлургическом комплексе в современный период, можно выделить следующие тренды в развитии и размещении объектов нового строительства и модернизации.

Развитие вертикальных и горизонтальных холдинговых структур. Так, например, ОАО «Ключевский завод ферросплавов» стало структурным подразделением ОАО УК «Росспецсплав», ОАО «Серовский завод ферросплавов» вошло в состав Евразийской корпорации природных ресурсов (ENRG).

Включение вертикальных и горизонтальных холдинговых структур в плоские сетевые структуры на территории Свердловской области [1].

Машиностроительный комплекс. В период 2007–2012 гг. совокупный объем инвестиций в основной капитал машиностроительного комплекса Свердловской области в действующих ценах составил почти 40 млрд руб., в результате в машиностроительном комплексе стали формироваться современные инновационные производства. Однако это касается в первую очередь предприятий ОПК, на который приходится основной объем инвестиций (около 60%), из них 80% составляют инвестиции для реализации проектов пяти крупнейших предприятий – ОАО «НПК «Уралвагонзавод», ОАО «Уралтрансмаш», ОАО «Машиностроительный завод им. Калинина», ОАО «Уральский электрохимический комбинат», ФГУП «Комбинат «Электрохимприбор». На большинстве машиностроительных предприятий Свердловской области не произошло кардинальных изменений в решении вопросов технического перевооружения и технологической модернизации производства. Значительная часть организаций отрасли испытывает серьезные финансовые затруднения, дефицит собственных финансовых ресурсов жестко лимитирует инвестиционную и инновационную деятельность предприятий. Удалось лишь частично преодолеть наиболее значимые составляющие системной проблемы – технологическую отсталость производства в отраслях гражданского машиностроения, техническое отставание и недостаточную конкурентоспособность выпускаемой продукции.

В 2007–2012 гг. в региональном машиностроительном комплексе получили дальнейшее развитие процессы интеграции оборонных предприятий через развитие действующих и создание новых холдинговых структур общероссийского значения. В результате к настоящему времени 30 из 38 предприятий и организаций ОПК¹ входят в состав вертикально интегрированных структур федерального уровня.

Параллельно с процессами интеграции в машиностроительном комплексе получила дальнейшее развитие дезинтеграция в результате реструктуризации крупных машиностроительных компаний и вывода непрофильных активов. В отдельных сегментах отрасли появились качественно новые предприятия – малые предприятия и небольшие исследовательские и инжини-

¹ На территории Свердловской области осуществляют производственно-хозяйственную деятельность 27 промышленных предприятий оборонно-промышленного комплекса, а также 11 НИИ и ОКБ оборонной тематики.

ринговые компании, ориентированные на разработку и внедрение новых технологий и способные за счет освоения новых рыночных сегментов, внедрения современных технологий и инноваций достигать высоких результатов производственно-хозяйственной деятельности. Это послужило импульсом для динамичного развития процессов субконтрактации, аутсорсинга, франчайзинга, создания технологических центров и других элементов инновационной инфраструктуры, поскольку в машиностроительном комплексе области имеются возможности широкого кооперационного взаимодействия крупных предприятий и предприятий малого производственного и научно-производственного бизнеса.

В анализируемом периоде получило дальнейшее развитие кооперационное взаимодействие машиностроительного комплекса с предприятиями и организациями области. По характеру и интенсивности производственных связей с поставщиками и потребителями машиностроение классифицируется как отрасль с широким кругом поставщиков и весьма разветвленными связями по готовой продукции при большой доле внутриотраслевого оборота. Все это, в сочетании с высоким уровнем диверсифицированности машиностроительного комплекса области, предопределяет возможность формирования отраслевых кластеров как одной из современных форм организации промышленности.

В процессе создания находится кластер железнодорожного машиностроения, который формируется на базе совместного российско-германского предприятия «Уральские локомотивы». Цель создания кластера – организация производства современного подвижного состава для железнодорожного транспорта. Ядром кластера является совместное российско-германское предприятие ООО «Уральские локомотивы». На предприятии разработан новый грузовой двухсекционный электровоз типа 2ЭС10 («Гранит») и организовано его производство, также будет локализовано производство пассажирских поездов серии Desiro Rus, которые получили российское название «Ласточка». Основными производителями комплектующих для электропоездов «Ласточка», так же как и для локомотивов 2ЭС10, станут три российских предприятия: алюминиевые панели кузова будет изготавливать Каменск-Уральский металлургический завод (Свердловская область)¹, двигатели – ООО «Электропривод» (Санкт-Петербург), а колесные пары – Выксунский металлургический завод (Нижегородская область). В кооперационных поставках комплектующих компонентов будут задействованы более 80 предприятий российской промышленности, связанных взаимной цепочкой участия в проекте мирового уровня. Кроме того, на предприятиях Сверд-

¹ В России до последнего времени не было такого производства. Более того, это третий завод в мире по выпуску такой продукции. Один работает в Швейцарии, другой – в Китае.

ловской области возможна организация производства электрооборудования для поездов Desiro, микропроцессорных систем управления локомотивом, систем измерения токов и напряжений двигателей и контактной сети, систем диагностики температуры шунтов и сопротивления изоляции тяговых двигателей, приборов управления током возбуждения генераторов и зарядки и др. Кластер формируется, его структура дополняется новыми элементами: в Верхней Пышме предполагается размещение совместного предприятия – инжинирингового центра, который будет отвечать за разработку электропоездов типа «Ласточка» (Desiro-RUS); подписано соответствующее соглашение между ОАО «РЖД» и концерном «Сименс АГ»; подписаны соглашения «Сименс АГ» с Уральским государственным университетом путей сообщения о совместных исследованиях систем энергосбережения и автоматики для железных дорог и о подготовке кадров для инжинирингового центра.

В среднесрочной перспективе имеются потенциальные возможности для формирования еще нескольких инновационных кластеров в машиностроительном комплексе: нефтегазового оборудования на базе ОАО «Уралмашзавод», кластера производителей электротехнического и энергетического оборудования, медицинского приборостроения, станко-инструментального.

Таким образом, одним из важнейших трендов размещения объектов нового строительства и модернизации в машиностроительном комплексе на период 2007–2012 гг. является *развитие кластерных форм организации и функционирования промышленных предприятий*. Основной особенностью развития металлургического комплекса старопромышленного региона является постепенное укрупнение предприятий за счет формирования все более сложных интеграционных структур. На сегодняшнем этапе развития металлургические предприятия получают экономическую выгоду от укрепления своего монопольного положения, однако данная ситуация может в дальнейшем повлиять на снижение конкуренции в отраслях и на территориях. Анализ трендов размещения позволяет сформулировать основные направления развития, которые позволят нивелировать вышперечисленные негативные тенденции и создать задел для формирования точек роста в металлургии на период до 2030 г.

В машиностроительном комплексе действуют разнонаправленные векторы развития: с одной стороны, интеграция, когда предприятия стремятся к укрупнению, особенно в ОПК, с другой – дезинтеграция производства с созданием большого количества малых и средних предприятий. Такая двойственность является общемировой тенденцией, которая сохранится на ближайший период развития экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демьяненко А.Н., Изотов Д.А., Демьяненко Н.А., Украинский В.Н. «Кластеры», «ТПК», «полоса роста» в российских научных журналах // Пространственная экономика. 2011. № 1. С. 93–196.
2. Клейнер Г. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 4–28.
3. Макарова И.В., Максимов А.Д. Ступени лидерства: стратегические ориентиры технологической модернизации промышленности регионов России // Креативная экономика. 2012. № 5. С. 59–65.
4. Мельников А.Е. Теоретико-методологические подходы к обеспечению устойчивого развития региона // Журнал экономической теории. 2011. № 3. С. 198–201.
5. Программа развития кооперации на территории Свердловской области до 2020 г. / под ред. акад. РАН Татаркина А.И., Гредина А.Л. Екатеринбург: Правительство Свердловской области, Институт экономики УрО РАН, 2009. 380 с.
6. Сафина Э.Б. Цепные реакции в локальном экономическом пространстве: направленность, рефлексивность, взаимосвязи // Проблемы современной экономики. 2012. № 1 (45). С. 147–150.
7. Татаркин А.И., Дорошенко С.В. Регион как саморазвивающаяся социально-экономическая система: переход через кризис // Экономика региона. 2011. № 1. С. 15–23.
8. Третьяк О.А., Румянцева М.Н. Сетевые формы межфирменной кооперации: подходы к объяснению феномена // Российский журнал менеджмента. 2003. № 2. С. 25–50.
9. Щедровицкий П.Г., Княгинина В.Н. Территориальная проекция промышленной политики в России: кто оплатит издержки глобализации // Современная национальная промышленная политика России. Вып. 2 (региональный аспект). URL: <http://www.shkr.ru> (дата обращения: август 2013).

PECULIARITIES OF THE SPATIAL DISTRIBUTION OF PRODUCTIVE FORCES IN THE OLD-INDUSTRIAL AREA

A.I. Tatarkin, I.V. Makarova, A.P. Petrov, L.M. Averina

Tatarkin Alexander Ivanovich – Doctor of Economics, Professor, Academician of RAS, Director. Institute of economy UB RAS, 29 Moskovskaya Street, Yekaterinburg, Russia; 620014. E-mail: ai_tatarkin@mail.ru.

Makarova Irina Valeryevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Sector Head. Institute of economy UB RAS, 29 Moskovskaya Street, Yekaterinburg, Russia; 620014. E-mail: k511@mail.ru.

Petrov Alexander Petrovich – Ph.D. in Economics, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Member of Committee on Public Health. 2 Georgievsky per., Moscow, Russia, 103265. E-mail: apetrov@duma.gov.ru.

Averina Lidiya Mikhaylovna – Leading Economist. Institute of economy UB RAS, 29 Moskovskaya Street, Yekaterinburg, Russia; 620014. E-mail: laverina@mail.ru.

On the example of Sverdlovsk region the authors analyze the distribution of the most important objects of modernization and new construction in the old-industrial area. Considered complexes have three stages of adaptation to changing business circumstances. For each identified phase the authors define the main trends of accommodation and key factors. The study characterizes the metallurgy industry in the following way: the first stage needs point modernization to improve product quality and acquisition of assets of other enterprises in the framework of a unified technological chain for the strengthening of the mineral resources base; the second stage involves the implementation of technical re-equipment programs and production modernization, new construction on reclaimed areas and production diversification; the third stage includes the development of holding companies. For engineering complex the authors consider following: the 1st phase involves the establishment of new manufactures to equip financially viable sectors of the economy and creation of innovative production at defense enterprises within the framework of conversion programs; the 2nd phase needs the restructuring of large machine-building companies; the enhancing of interaction between large and small enterprises of the complex; the formation of engineering companies; the development of integration processes in the defense industry; the establishment of specialized regional technological centers; creation and development of industrial parks; development of new sectors in mechanical engineering; and the 3rd phase includes the development of cluster forms of organization and functioning of industrial enterprises.

Keywords: Old industrial region, metallurgical complex, machine-building complex, objects of modernization and new construction, feature of placement, Sverdlovsk region.

REFERENCES

1. Demyanenko A. N., Izotov D. A., Demyanenko N. A., Ukrainsky V. N. «Clusters», «TPC», «Growth Poles» in Russia's Science Journals. *Prostranstvennaya Ekonomika – Spatial Economics*, 2011, no. 1, pp. 93–196. (In Russian).
2. Kleiner G. System Economics as a Platform for Development of Modern Economic Theory. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2013, no. 6, pp. 4–28. (In Russian).
3. Makarova I.V., Maksimov A.D. Strategic Guidelines of Technologic Modernization of Russian Regions Industry. *Kreativnaya Ekonomika* [Creative Economy], 2012, no. 5, pp. 59–65. (In Russian).
4. Melnikov A.E. Theoretical-Methodological Approaches to Ensuring Sustainable Development of the Region. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii* [Journal of Economic Theory], 2011, no. 3, pp. 198 – 201. (In Russian).
5. *The program of Development of Cooperation on the Territory of Sverdlovsk Region up to 2020*. Edited by A.I. Tatarin, A.L. Gredin. Ekateriburg: The Government of Sverdlovsk Territory, The Institute of Economics of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009, 380 p. (In Russian).
6. Safina E. B. Chain Reactions in the Local Economic Space: Direction, Reflexivity, Mutual Relations. *Problemy Sovremennoy Ekonomiki – Problems of Modern Economics*, 2013, no. 1 (45), pp. 147–150. (In Russian).
7. Tatarin A.I., Doroshenko S.V.. The Region as a Self-Developing Socio-Economic System: the Crossing of the Crisis. *Ekonomika regiona* [Regional Economy], 2011, no. 1, pp. 15–23. (In Russian).
8. Tretyak O.A., Rumyantseva M N. Network Forms of Inter-Firm Cooperation: Approaches to Explanation of the Phenomena. *Rossiyskiy Zhurnal Menedzhmenta – Russian Management Journal*, 2003, no.2, pp. 25–50. (In Russian).
9. Shchedrovskiy P.G., Knyaginina V.N. Territorial Projection of Industrial Policy of Russia: Who will Pay the Costs of Globalization. *Modern National Industrial Policy of Russia*. Vol. 2 (regional aspect). Available at: <http://www.shkp.ru> (accessed August 2013). (In Russian).

УДК 314:911:332.1

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Е.О. Колбина, С.Н. Найден

Колбина Екатерина Олеговна – кандидат экономических наук, научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: skripnikk@gmail.com.

Найден Светлана Николаевна – доктор экономических наук, доцент, заведующая отделом. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: nayden@ecrin.ru.

В статье исследуются процессы урбанизации, происходящие в результате миграций между городами различного ранга. В качестве теоретического бэкграунда в работе рассмотрены классические теории размещения, подходы новой экономической географии, теории стадийной и дифференциальной урбанизации, а также принципы расселения в условиях плановой экономики. Показано, что формирование и эволюция городов могут определяться не только рыночными и инфраструктурными факторами, но и пространственными особенностями уже сложившейся системы расселения. В качестве примера в работе рассматривается система расселения Дальнего Востока с более детальным анализом эволюции городов одного из его регионов – Хабаровского края. Анализ проведен в терминах теории дифференциальной урбанизации. Показано, что урбанизационные процессы на Дальнем Востоке, в условиях значительной дифференциации пространства и неоднородности концентрации населения, продолжают разворачиваться на стадии доминирования крупных городов.

Урбанизация, эволюция, города, миграция, размещение населения, система расселения, теории урбанизации, Дальний Восток, Хабаровский край.

ВВЕДЕНИЕ

Урбанизация¹ – перераспределение населения из сельской местности в пользу городов посредством миграции – с середины XX в. стала характерным явлением, протекающим с той или иной скоростью во всех государствах мира, которая к 1970-м гг. в развитых странах (Западной Европы и США) достигла своего максимума при доле городского населения в 75%, в то время

© Колбина Е.О., Найден С.Н., 2013

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №13-12-27003.

¹ Под урбанизацией в статье понимается рост числа городов и доли городского населения, а также распространение городских принципов организации социальной жизни [3, с. 306].

как в развивающихся странах этот процесс только начался и продолжает активно разворачиваться [25, с. 71–72].

Урбанизация в России в условиях политических и экономических шоков первой половины, направленных миграций и массовых перемещений населения второй половины XX в., финансовых и производственных кризисов начала XXI в. представляет значительный исследовательский интерес с точки зрения соответствия реально происходящих процессов теоретическим концепциям, общемировым тенденциям, этапам и стадиям эволюции урбанизации.

Если исследования современных процессов урбанизации европейской части России представлены достаточно широко [17; 25; 26; 30], Восточной Сибири – уже появляются [11; 12; 29], то изучение этого явления на Дальнем Востоке находится за рамками анализа, хотя в период плановой экономики проблемам дальневосточных городов уделялось достаточно внимания [1; 18; 28; 34]. Актуальность таких исследований в настоящее время обусловлена сменой условий функционирования экономики, государственными приоритетами в сфере миграционной политики, особенностями освоения и заселения на разных этапах социально-экономического развития.

Учитывая, что общепризнанной особенностью дальневосточной миграции последние 20 лет считается «западный дрейф», объемы которого действительно значительны (табл. 1), миграции, которые происходят внутри Дальнего Востока и их влияние на изменение пространственного размещения населения, остаются за рамками исследований.

Таблица 1

Миграционное сальдо межрегиональной миграции в разрезе макрорегионов России в 1991–2010 гг., тыс. чел.

Годы	Европейская часть*	Урал		Сибирь		Дальний Восток в обмене со всеми макрорегионами
		в обмене с европейской частью	в обмене с Сибирью и Дальним Востоком	в обмене с европейской частью и Уралом	в обмене с Дальним Востоком	
1991–1995	514,2	–94,6	30,1	–130,4	63,8	–383,1
1996–2000	415,2	–47,5	38,2	–164,2	45,0	–286,7
2001–2005	274,1	–37,1	23,9	–139,9	6,3	–127,3
2006–2011	477,8	–55,1	29,3	–194,7	17,3	–158,6
1991–2011	1604,7	–234,3	121,5	–629,2	132,4	–955,7

Примечание: * Центральный, Северо-Западный, Южный, Приволжский, Северо-Кавказский федеральные округа.

Источники: рассчитано по: [5; 31, с. 51].

Вместе с тем, перспективы развития городов во многом определяют и перспективы развития всего Дальнего Востока, которое в силу объективных пространственно-географических факторов должно и будет опираться на совокупность экономических центров [35, с. 671–675], элементами которой являются населенные пункты разного ранга.

Определенные представления о вариантах дальнейшей эволюции дальневосточных городов могут дать теории урбанизации. Однако, учитывая особенности Дальнего Востока (значительная убыль населения, исчерпание сельского миграционного потенциала, а также исторически сложившаяся разреженность элементов системы расселения, в основе которой не только естественно сформировавшиеся поселения, но и города в районах нового освоения, заложенные в рамках плановой модели экономики), возникает вопрос о том, насколько реально происходящие процессы укладываются в теоретические концепции.

УРБАНИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ БЭКГРАУНД

С момента появления первых теорий размещения городам отводится важная роль в социально-экономическом развитии территории. При этом с течением времени сами города, как и подходы к определению их функциональности, заметно эволюционировали: от «города-места» концентрации населения и единственного рынка сбыта И. фон Тюнена [2, с. 569], «городов-районов» О. Боуштедта [36, с. 83–85], включающих ядро, пригородную, окрестную и периферийную зоны, «городов-полей» Дж. Фридмана и Дж. Миллера, объединяющих «города-районы», до, наконец, «систем городов» [40, с. 122, 127–131], представляющих собой группировки взаимосвязанных поселений различного ранга.

В настоящее время общей теории, которая бы описывала эволюцию урбанизации, и причины, ее обуславливающие, нет. Тем не менее, существует ряд теорий, рассматривающих этот процесс в разных аспектах. Во-первых, существуют теории, которые описывают формирование городов с точки зрения влияния рыночных условий, определяющих концентрацию населения и бизнеса в пространстве (например, подходы новой экономической географии). Во-вторых, есть концепции, которые рассматривают этапы развития городов во времени, исследуя изменения в направлениях миграции населения и подробно не останавливаясь на факторах, запускающих эти процессы (теории стадийной и дифференциальной урбанизации). В-третьих, процессы урбанизации могут формироваться под воздействием внеэкономических факторов, например, в теории плановой экономики. Однако в основе всех этих концепций заложены идеи классических теорий размещения.

Классические теории размещения. Еще в работе И. фон Тюнена место концентрации населения совпадало с единственным рынком сбыта, находящимся в «центральной городе». В теории В. Кристаллера миграция из села в город объяснялась потребностью сельских жителей пользоваться благами «центрального места» более высокого ранга, т. е. населенного пункта большего размера и способного предоставить более широкий набор социально-экономических благ. В модели А. Вебера на базе сопоставления величины издержек на транспортировку и труд показана целесообразность отклонения размещения промышленного производства от центров добычи к центрам концентрации рабочей силы и потребителей, т. е. впервые рассмотрены условия и причины агломерационных процессов [2, с. 569–579].

В теории А. Лёша оптимизирована система совместного размещения населения и производства через уменьшение протяженности транспортных сетей и, как следствие, сокращение издержек на перемещение факторов производства, готовой продукции и строительство дорог [19, с. 96–98]. Разбросанную в пространстве «кристаллеровскую» сеть многочисленных центров потребления и торговых зон производителей А. Лёш систематизировал так, чтобы большее количество центров потребления и производства совпадало. Тогда ни одно поселение не было бы лишено доступа к любому благу, так как находилось бы в пределах торговой зоны каждого товара. В результате, если в модели В. Кристаллера населению для удовлетворения своих потребностей приходилось бы совершать миграции, то в схеме А. Лёша оно могло получить любое благо в пределах одного района без перемещения в другой (это касается не только товаров и услуг, но и занятости). Производитель, в свою очередь, имел бы возможность продать любой товар (в том числе получить рабочую силу), не покидая границ своего местоположения. Таким образом, экономический смысл появления территорий с плотным заселением и высокой концентрацией производства заключается в оптимизации пространственной доступности рынков.

Подходы новой экономической географии. Новая экономическая география, которая в настоящее время выступает «мейнстримом» в исследованиях размещения факторов производства, по сути, объясняет условия становления и развития городов в тех же терминах, с той лишь разницей, что агломерационные и урбанизационные процессы здесь рассматриваются параллельно [43]. Как отмечал американский географ Ч. Харрис, район, численность населения которого изначально выше, обладает более высоким «рыночным потенциалом», что приводит к концентрации бизнеса [46]. Данный факт, как далее рассуждает П. Кругман, дает возможность производителям получать лучший доступ к рынкам (труда, капитала, информации, инфраструктуры и т. п.) и оптимизировать свою деятельность за счет экономии на масштабе [49, с. 166–167]. В

случае низких транспортных затрат рынок сбыта еще более увеличится и выйдет за пределы своей территории. Это позволяет фирмам поддерживать более высокий уровень заработной платы, чем в районах с меньшей численностью населения, за счет роста продаж и, соответственно, прибыли. Кроме того, покупательная способность здесь будет выше вследствие более широкого доступа к товарам и услугам. В результате район продолжит привлекать население и будет развиваться более быстрыми темпами.

Такая взаимообусловленность пространственного размещения фирм и потребителей, как показывает в своих работах М. Фуджита, является основой агломерационных процессов, формирующих города и городские системы [42, с. 134–137]. Базовым фактором существования таких систем М. Фуджита определяет преимущества кооперации производства в одном месте, которые могут зависеть от ресурсных, транспортных, коммуникационных или технологических преимуществ одного района над другим. Это, в свою очередь, обеспечивает населению большую полезность от проживания в крупном городе и способствует миграции в его направлении.

Э. Хэлпмэн рассматривает принципы пространственного размещения населения не только в свете транспортных затрат и начального уровня заселенности, но и с точки зрения потребительских предпочтений, а также сравнительной полезности от проживания на той или иной территории. Э. Хэлпмэн, в противовес П. Кругману, показывает, что агломерационные процессы могут быть тем сильнее, чем выше транспортные издержки, если для индивида предпочтительнее доступ к дифференцированному рынку более заселенных районов, чем доступ к дешевому жилью в районах с низкой плотностью населения и меньшей вариабельностью торгуемых товаров [47, с. 8–13]. В то же время отсутствие высоких транспортных издержек обеспечивает доступ к любому товару в любом месте, поэтому часть населения из плотно заселенного района предпочтет переместиться в менее заселенный для экономии расходов на жилье. Таким образом, Э. Хэлпмэн отмечает, что различия в потребностях людей и уровнях эластичности замещения товаров обуславливают несколько вариантов равновесного размещения населения в пространстве при одинаковых экономических условиях. В определенной мере данный подход перекликается с работами социологов, объясняющих миграции из мегаполисов в пригороды, малые города и обратно с позиций возрастных циклов и различных поведенческих схем [41; 51].

Теория дифференциальной урбанизации. Теорией, описывающей урбанизацию с позиции общих закономерностей ее эволюции, является теория дифференциальной урбанизации, которая базируется на теории стадийной урбанизации. В их основе заложен принцип последовательной смены определенных этапов, в рамках которых происходит чередование доминирования

населенных пунктов разного ранга, которое определяется направлениями и объемами миграций.

Критерием ранжирования городов является численность населения, которая исследователями часто рассматривается в качестве комплексного показателя уровня социально-экономического развития поселения [14, с. 440–444; 50, с. 50]. Границы интервалов этого критерия на разных исторических отрезках, конечно, не могут быть одинаковыми, т. к. размеры городов зависят от общемировой численности населения, уровня развития транспорта, технологий и т. п. факторов [44, с. 166–167].

Основатель теории классической стадийной урбанизации Дж. Джибс [45, с. 119–129] выделяет пять этапов, в рамках которых развивается данный процесс. На первом этапе появление особой общественной прослойки мастеровых, торговцев, государственных служащих обусловило появление городского населения, предъявляющего спрос на часть произведенной крестьянами продукции в обмен на свои товары или услуги [48]. Рост продуктивности сельского хозяйства, в свою очередь, поддержал существование не только сельских, но и городских жителей, концентрация которых определяла место удобного и выгодного обмена товаров и услуг. На втором этапе развитие транспортной сети и транспортных технологий обеспечило доставку большего объема сельскохозяйственных излишков на рынки, т. е. в города, что повысило качество городской жизни и стимулировало миграцию из сельской местности. Далее, на третьем этапе прирост городского населения начинает опережать прирост сельского не только за счет миграции, но и вследствие естественного прироста, т. к. село покидает в основном молодежь в репродуктивном возрасте. В результате к четвертому этапу миграционный потенциал сел резко снижается и обслуживающие их небольшие города теряют часть своих функций, что стимулирует миграции из них в крупные центры, которые продолжают расти. Данная стадия продлится до тех пор, пока дальнейшее развитие транспортной сети и технологий не запустит обратный процесс – деконцентрации, т. е. отток населения из больших городов в малые и пригород, в которых оно сможет получать тот же уровень доступа к рынкам, что и в большом городе.

Классическая теория Дж. Джибса не описывает одновременное развитие городов разных размеров, которое определяется миграцией населения между ними. Когда в развитых странах в середине 1970-х гг. наметились первые признаки деконцентрации населения крупных городов, достигнувших максимума своего роста, появилась теория дифференциальной урбанизации, в которой процесс урбанизации представлен переходом моноцентрической системы расселения с доминированием крупного города к полицентрической системе, посредством непрерывных миграций между городами различного ранга [44, с. 160–164].

В общем виде концепция дифференциальной урбанизации включает три стадии (рис. 1). Первая (наиболее продолжительная) предполагает доминирование крупного города (одного или нескольких, в зависимости от объекта анализа), который изначально обладает высоким агломерационным потенциалом, обуславливающим концентрацию фирм и потребителей в его границах. Данная стадия начинается с быстрого роста крупного города, который аккумулирует основную часть всех мигрантов (меж- и внутрирегиональных). Далее крупный город достигает максимума своих размеров; в пределах его влияния начинаются субурбанизационные процессы и формируется пригородное пространство. В результате складывается моноцентрическая система с многочисленными взаимосвязанными поселениями, тяготеющими к крупному городу, которая в общей системе расселения будет доминировать экономически и пространственно. К концу первой стадии сформировавшаяся система с доминирующим крупным городом уже не успевает адаптироваться к наплыву мигрантов. В результате во время второй стадии средние города также начинают получать свою долю миграционного прироста, притом, что крупный город все еще продолжает расти. Формируется более сложная система расселения – полицентрическая, предполагающая помимо крупного города еще несколько центров тяготения меньшего масштаба. На третьей стадии высокая концентрация населения в крупном и средних городах приводит к росту ренты и удорожанию проживания [15, с. 129–130], что стимулирует миграционный отток из них в малые города.

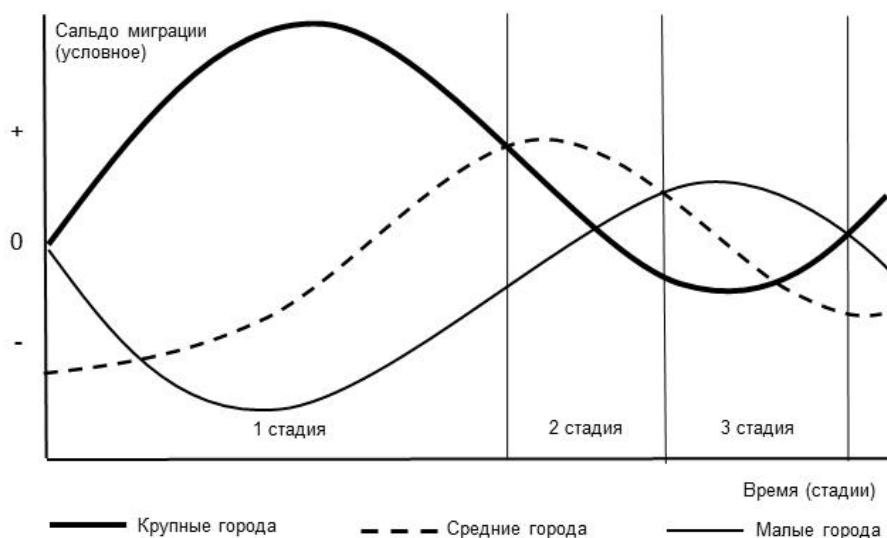

Рис. 1. Стадии урбанизационных процессов в рамках теории дифференциальной урбанизации

Источник: [44, с. 165].

Конец третьей стадии, как показано на рисунке 1, завершает первый цикл процесса урбанизации, в результате которого формируется достаточно устойчивая полицентрическая городская система, включающая элементы различного ранга, рассредоточенные в пространстве. Предполагается, что последующие циклы будут протекать в рамках тех же стадий, однако с меньшей интенсивностью миграций, что обусловлено сокращением пространственных различий и, как следствие, снижением миграционной мотивации населения.

Таким образом, в теориях стадийной и дифференциальной урбанизации миграции определяют характер и скорость урбанизационных процессов. Однако само по себе механическое движение населения в них также рассматривается как следствие определенных факторов. Дж. Джибс в качестве определяющих факторов рассматривал формирование товарного рынка, а также уровень развития инфраструктуры. По сути, эти же причины являются базовыми и в классических теориях размещения, и в современных работах в рамках идей новой экономической географии.

Теория плановой экономики. Особого внимания заслуживают процессы урбанизации, обусловленные внеэкономическими факторами. Например, в рамках теории плановой экономики города являются базовым элементом промышленной системы, а стимулируемые государством миграции обеспечивают ее потребности в рабочей силе [16, с. 122–127; 39, с. 266]. В идеале формируется единая система расселения, обусловленная территориальной организацией экономики, с четкой дифференциацией поселений по размеру, функциям, уровню развития социальной инфраструктуры, при которой условие концентрации потребителей, производителей и инфраструктуры в одном месте могло не соблюдаться. Поэтому формирование городов разного ранга и размера в рамках такого подхода может происходить одновременно, а не последовательно [36, с. 93], как в теории дифференциальной урбанизации.

Современная система расселения России, пространственная конфигурация и размер ее элементов во многом определялись принципами плановой экономики. Переход к рыночной модели и последовавшие за этим социально-экономические и пространственные трансформации дали толчок меж- и внутрирегиональным миграциям, направление которых в настоящее время определяет эволюцию российских городов, которую можно рассматривать в рамках теории дифференциальной урбанизации [25, с. 71–86].

СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Современные процессы урбанизации, которые происходят на Дальнем Востоке России, во многом определяются условиями и характеристиками исторически сложившейся здесь системы расселения, которая определялась

государственными приоритетами в отношении данной территории. Обеспечение геополитических и военно-стратегических целей обусловило формирование военных поселений, из которых впоследствии в результате массовых переселений в рамках колонизации выросли первые значимые города: Благовещенск, Владивосток, Николаевск-на-Амуре, Хабаровск [13, с. 159], а также транспортно и экономически связанные с ними более мелкие поселения. В городах концентрировались население, производство (мукомольное, пивоваренное, винодельческое, масложировое, судоремонтное, строительных материалов и т. д.), торговля (продуктами сельского хозяйства, промышленности и промыслов), формировались базы снабжения и пункты вербовки рабочей силы для удаленных предприятий.

В условиях проводимой политики промышленной индустриализации и укрепления обороноспособности страны был сформирован совершенно новый каркас расселения, в результате чего появились различные по размеру и функциям поселения, рассредоточенные по территории Дальнего Востока, особенно в зоне севера¹, численность которых поддерживалась стимулируемыми государством миграциями. К началу 1990-х гг. в населенных пунктах зоны севера, занимающей 95% площади Дальнего Востока, проживало более 40% численности². При этом пространственное размещение данных поселений характеризовалось высокой степенью фрагментарности, а также низким уровнем взаимодействия с экономическими центрами более освоенной и заселенной южной зоны [35, с. 682–684], что во многом определялось их монофункциональностью, а также фактической неразвитостью транспортной инфраструктуры севера (рис. 2). Несмотря на меры государственного стимулирования привлечения мигрантов в районы нового освоения, развитая южная зона, площадь которой составляет всего 5% территории Дальнего Востока, продолжала оставаться местом концентрации основного населения.

Переход к рыночной экономике для Дальнего Востока стал причиной разрушения межотраслевых и межрегиональных производственных связей, что в период 1990-х гг. привело к резкому сокращению спроса на промышленную продукцию, ухудшению социально-экономической ситуации, снижению уровня жизни во всех населенных пунктах и ликвидации некоторых из них. Только в одной Якутии в 1990–2000-х гг. исчезло не менее 40 поселений по причинам трудностей снабжения, дороговизны поддержания инфраструктуры или реструктуризации отрасли. Все это стимулировало устойчивые мигра-

¹ Существует несколько примеров зонирования Дальнего Востока. В данном случае под зонами севера и юга понимаются территории, выделенные в рамках макроэкономического зонирования, в основу которого заложены не административные границы субъектов РФ, а совокупность параметров, описывающих взаимообусловленность природных и экономических характеристик различных зон Дальнего Востока [4].

² Рассчитано по: [6; 7; 8].

ции населения Дальнего Востока не только на запад страны, но и в пределах макрорегиона: с его северных территорий в южные, из сельской местности — в города. В результате в период с 1989—2010 гг. северные территории потеряли более 1,1 млн чел., или 33% своей численности, а концентрация населения в региональных центрах Дальнего Востока выросла с 29 до 35%¹.

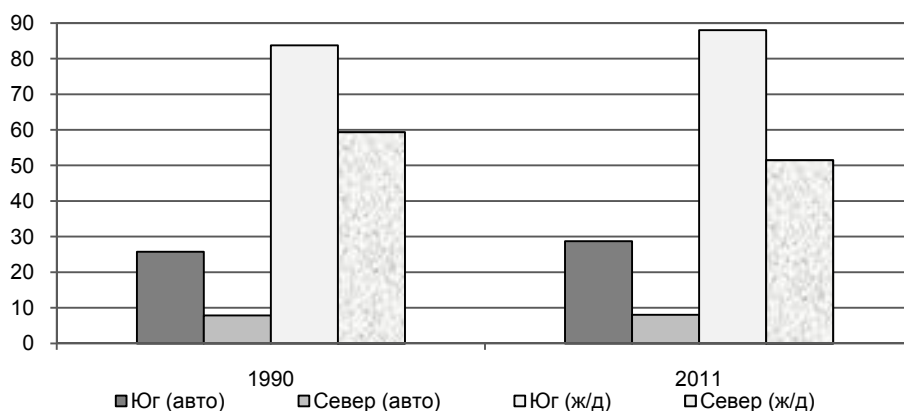

Рис. 2. Плотность дорог общего пользования (авто — км на 1 тыс. км² территории; ж/д — км на 10 тыс. км² территории)²

Источник: рассчитано по [32].

В настоящее время доля городского населения³ Дальнего Востока, фиксируемая статистикой, составляет 75% [32]. Формально к горожанам относятся жители населенных пунктов, имеющих административный статус города или поселка городского типа. Однако не все городские поселения являются таковыми по параметрам численности или социально-экономическим характеристикам. На Дальнем Востоке в 50 из 66 городов проживает менее 15 тыс. чел.: в 16 из них — менее 10 тыс., в 6 — менее 5 тыс. чел.⁴ [33]. Поэтому в работах, посвященных процессам урбанизации, группировки городов часто не соответствуют официально принятым классификациям.

В данном исследовании к крупным (большим) отнесены города с численностью более 250 тыс. чел.; к средним — с численностью от 50 до 250 тыс. чел.; соответственно к малым — с численностью менее 50 тыс. чел.

¹ Рассчитано по: [6; 7; 8; 9; 10].

² Из-за отсутствия районной статистики по данным показателям к северным территориям отнесены регионы: Чукотский автономный округ, Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области, Республика Саха (Якутия).

³ Население, проживающее в городах или поселках городского типа, имеющих соответствующий административный статус.

⁴ Что не соответствует численности населения даже поселка городского типа.

[25, с. 75]. Так как в настоящее время в России не существует формального минимума для присвоения населенному пункту статуса города¹, нижней границей для малого города взято значение в 12 тыс. чел., которое было принято в период плановой экономики [28, с. 36].

Таким образом, на Дальнем Востоке только 40 городов соответствуют выделенным критериям (табл. 2, рис. 3), а реально городским можно считать только 63% населения макрорегиона.

Рис. 3. Пространственное размещение малых, средних и крупных городов Дальнего Востока²

¹ Данный вопрос решается на уровне субъектов РФ.

² Карта составлена В.Д. Хижняком, научным сотрудником лаборатории экономической картографии Института экономических исследований ДВО РАН.

Таблица 2

**Группировка городов Дальнего Востока
по критериям теории дифференциальной урбанизации**

Регион	Число населенных пунктов, имеющих формальный статус города	Города, соответствующие критериям теории дифференциальной урбанизации			Доля городского населения региона, % (статистическая/расчетная)
		малые	средние	крупные	
Республика Саха (Якутия)	13	Мирный Алдан Ленск Удачный	Нерюнгри	Якутск	64/44
Камчатский край	3	Вилючинск Елизово	Петропавловск-Камчатский		77/75
Приморский край	12	Б. Камень Дальнегорск Дальнереченск Лесозаводск Партизанск Спасск-Дальний Фокино	Арсеньев Артем Находка Уссурийск	Владивосток	76/70
Хабаровский край	7	Амурск Бикин Николаевск-на-Амуре Советская Гавань	Комсомольск-на-Амуре	Хабаровск	81/76
Амурская область	9	Зея Свободный Тында Шимановск	Благовещенск		67/53
Магаданская область	2		Магадан		95/61
Сахалинская область	15	Корсаков Оха Поронайск Холмск	Южно-Сахалинск		80/57
Еврейская автономная область	2		Биробиджан		67/43
Чукотский автономный округ	3	Анадырь			64/25
Всего по округу	66	25	11	3	75/63

Примечания: в расчетной доле городского населения учитывались населенные пункты, соответствующие выделенным критериям.

Источники: [6; 7; 8; 9; 10; 33].

Основной характеристикой малых городов Дальнего Востока является небольшой набор социально-экономических функций. Северные города этой группы отличаются сравнительно невысокой транспортной доступностью, часто являются монофункциональными, фокусируясь на добывающих видах деятельности, отраслях местного значения или выполнении административных задач. Малые города южной зоны, как правило, имеют более развитую социальную инфраструктуру, располагаются в непосредственной близости от основных транспортных коридоров и более крупных городов, имеют несколько отраслей специализации, среди которых можно выделить транспортную, пищевую, лесную, обрабатывающую, добывающую.

Группа средних городов включает региональные центры (в основном северные), промышленные города (например, г. Комсомольск-на-Амуре в Хабаровском крае) или города, расположенные вблизи региональных центров и использующие их инфраструктурный потенциал (например, г. Артем в пригородной зоне Владивостока). Важным фактором развития таких городов является обрабатывающая промышленность, топливная, электроэнергетика и торговля. Значительная концентрация населения в границах этих городов обуславливает развитие пищевой промышленности, строительства и производства строительных материалов. Все южные города данной группы отличаются от северных хорошей транспортной доступностью и более диверсифицированной экономикой.

Крупные города Дальнего Востока – это три региональных центра, два из которых расположены в южной зоне (Владивосток и Хабаровск), один – в северной (Якутск). Владивосток и Хабаровск характеризуются высокой дифференциацией выполняемых ими функций, являются транспортно-логистическими узлами, центрами концентрации экономической активности, социальной, культурной и образовательной деятельности. Якутск в данной группе стоит особняком, т. к. в силу своего расположения, транспортных и природных особенностей он находится в гораздо менее заселенном и освоенном пространстве. Однако в своей зоне он является, безусловно, доминирующим городом, в котором располагается административный аппарат всех добывающих предприятий Якутии.

Таким образом, ввиду значительной дифференциации по степени освоенности территории, плотности расселения и транспортной сети городская система Дальнего Востока является крайне неоднородной с точки зрения пространственного размещения ее элементов, их транспортной доступности, демографического, социального и экономического потенциала развития.

В качестве примера процессов урбанизации, происходящих на Дальнем Востоке, можно рассматривать эволюцию городов Хабаровского края, выбор которого обусловлен тем, что его по многим параметрам можно считать «модельным» регионом Дальнего Востока. Во-первых, территория Хабаровского края начала осваиваться одной из первых, пройдя колонизацию конца XIX –

начала XX в., индустриальное развитие советского периода и современные экономические трансформации. В настоящий момент территория края относится как к южной, так и к северной зоне; в регионе преобладает постоянное население; система расселения сформирована и достаточно устойчива во времени.

Во-вторых, характер сложившейся системы городов края достаточно хорошо соответствует пространственной конфигурации и социально-экономическим характеристикам элементов системы городов Дальнего Востока. Более 75% населения Хабаровского края проживает в городах разных размеров и рангов¹. Здесь явно прослеживается «осевое» размещение поселений вдоль основных транспортных магистралей, что обеспечивает возможность тесных социально-экономических взаимодействий. Концентрация городов в Хабаровском крае, по сравнению с Приморским, невысокая, при этом районы южной зоны заселены достаточно плотно, северной — разреженно. Так же как и в целом для Дальнего Востока, для Хабаровского края в настоящее время характерно исчерпание миграционного потенциала села, поэтому значительная доля миграций внутри региона проходит по схемам «город — город». В силу того, что только теория дифференциальной урбанизации описывает эволюцию городов в пространстве и во времени, то ее можно рассматривать в качестве базы для анализа реальных процессов.

ПРОЦЕССЫ УРБАНИЗАЦИИ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ

Процессы урбанизации в Хабаровском крае начались еще в середине XIX в., т. е. с момента его активного освоения. Одними из первых были заложены Николаевский пост и близлежащие поселения Нижнего Амура. Николаевск-на-Амуре, благодаря своему выгодному геополитическому и экономическому положению, уже в середине XIX в. стал важным морским портом и торгово-промышленным центром всего Дальнего Востока [28, с. 7]. В результате регулируемых государством миграций населения с запада страны в конце XIX в. по темпам роста населения он занимал первое место среди всех других поселений края. Если в 1854 г. его численность составляла 25 военнослужащих, то в 1857 г. в городе уже проживало 1,5 тыс. чел., а в 1864 г. — 4 тыс. Однако Николаевску-на-Амуре не суждено было стать доминирующим городом Хабаровского края. В 1871—1880 гг., в связи с переводом главной военно-морской базы во Владивосток, а областных учреждений — в Хабаровск, Николаевск-на-Амуре утратил свое административное и воен-

¹ Критерием отнесения города к крупному (большому), среднему и малому взята современная шкала ранжирования, применяемая в теории дифференциальной урбанизации. Несмотря на то, что численность населения городов края изменялась, однако их размеры относительно друг друга и функциональность оставались одинаковыми. Это позволяет предполагать, что в течение рассматриваемого периода их статус оставался неизменным.

ное значение. Это привело к перераспределению населения с севера края в Хабаровск и его окрестности, что к 1881 г. вдвое сократило численность жителей Николаевска-на-Амуре.

В конце XIX в. началась масштабная колонизация южной зоны Дальнего Востока. Несмотря на ее сельскохозяйственную направленность, население, прибывавшее на территорию современного Хабаровского края, практически сразу стало концентрироваться в городских центрах. К 1926 г. доля городского населения в крае достигала почти 50% (рис. 4), тогда как в целом для России того времени она не превышала 30%.

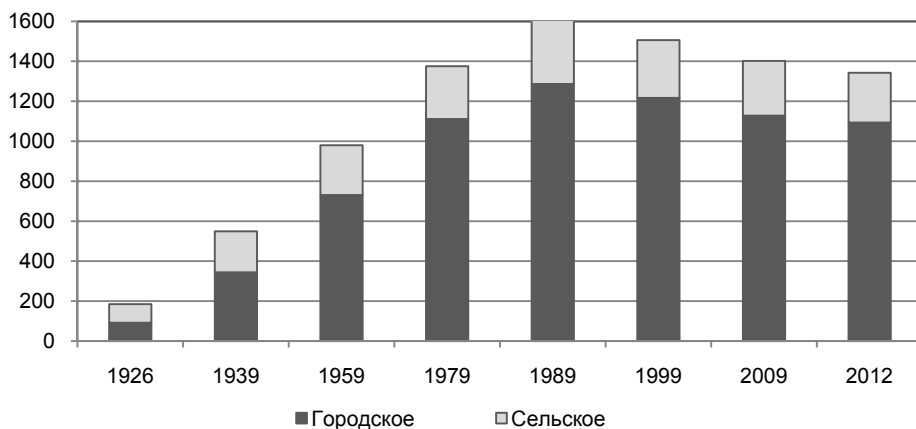

Рис. 4. Динамика городского и сельского населения Хабаровского края, тыс. чел.

Источники: здесь и далее в рисунках 5–7 рассчитано по: [20; 21; 23; 24; 28; 34; 37].

Высокий уровень урбанизации территории Хабаровского края, в отличие от заселявшихся в то же время территорий Амурской области и Приморского края, объяснялся следующими причинами. Во-первых, стратегические задачи обусловили создание здесь военных постов и административных центров, достаточно автономных и удаленных друг от друга. Во-вторых, пересечение транспортных путей на территории края способствовало развитию торгово-промышленной деятельности, что привело к быстрому становлению городов, располагавшихся вдоль этих магистралей.

Формирование крупного города (Хабаровска) в определенной мере связано с расположением в нем в 1884 г. областных учреждений Приамурского генерал-губернаторства. «Близость власти» способствовала тому, что здесь начали концентрироваться транспортные и торговые компании, основные пункты вербовки рабочих и строителей, базы снабжения приисковых районов. В результате вплоть до 1939 г. Хабаровск не имел конкурентов по приросту численности населения среди других городов (табл. 3, рис. 5).

Таблица 3

Численность населения городов Хабаровского края, тыс. чел.

Год	Крупный город (Хабаровск)	Средний город (Комсомольск- на-Амуре)	Малые города			
			Николаевск- на-Амуре	Советская Гавань	Бикин	Амурск
1857	0,0	0,0	1,5	0,0	0,0	0,0
1864	1,1	0,0	5,5	0,0	0,0	0,0
1913	52,0	0,0	5,3	0,0	1,1	0,0
1926	73,5	0,0	7,4	0,2	9,6	0,0
1932	89,5	6,0	13,0	6,7	12,8	0,0
1939	207,0	71,0	17,3	11,8	15,0	0,0
1959	322,7	177,0	30,9	37,4	19,0	3,5
1970	435,3	217,5	31,5	30,0	17,2	24,0
1980	544,8	273,5	34,3	30,6	17,4	43,6
1990	608,9	319,9	36,8	35,1	18,9	58,4
2000	609,4	291,6	31,4	30,9	18,1	52,3
2010	580,7	259,8	24,5	28,4	18,8	45,3
2013	593,6	258,0	21,4	26,6	16,6	41,7

Источники: рассчитано по: [20; 21; 23; 24; 28; 34; 37].

Рис. 5. Прирост численности населения в городах Хабаровского края, тыс. чел.

Индустриализация советского периода, активно развернувшаяся в 1930-е гг. [22, с. 153–156], обусловила появление нового промышленного города — Комсомольска-на-Амуре, который благодаря внешней для региона

миграции населения с запада страны менее чем за два года стал вторым по численности, обогнав Советскую Гавань и Николаевск-на-Амуре, существовавшие на тот момент уже более 70 лет. Набирающий промышленный вес средний город Комсомольск-на-Амуре, а также новые малые города, такие как Бикин и Амурск, которые образовались благодаря заложенным здесь промышленным предприятиям, начали оттягивать от Хабаровска мигрантов, прибывающих из центра России, и расти быстрыми темпами вплоть до 1970-х гг., пока миграционный приток с запада страны не сократился (*рис. 5*).

Можно предположить, что данное обстоятельство в рамках теории дифференциальной урбанизации соответствует переходу от первой стадии (доминирования крупного города) ко второй (росту средних и малых городов) (см. *рис. 1*). Однако, несмотря на формальные признаки перехода, в реальности малые города и средний город, даже учитывая более высокий уровень цены труда, продолжали отдавать Хабаровску свое население в силу более развитой инфраструктуры и сформировавшегося дифференцированного товарного рынка [1, с. 75; 18]. В результате прирост численности населения Хабаровска оказался выше, что сохранило его позицию доминирующего города, несмотря на то, что поток внешних мигрантов с Запада и достаточно высокий естественный прирост позволили среднему и малым городам, замещающая выбывающий контингент, не терять своей численности и расти одновременно с крупным городом вплоть до середины 1990-х гг. (см. *табл. 3; рис. 5*).

К началу кризисного 1990 г. миграционное сальдо Хабаровского края с регионами европейской части России и Сибири стало стабильно отрицательным. В результате уже к 1995 г. практически все городские и сельские населенные пункты (кроме крупного города) показали отрицательный прирост населения. Численность Хабаровска также во многом определялась внешними миграциями, однако в абсолютном выражении вплоть до начала 2000-х гг. она продолжала расти за счет миграции из населенных пунктов края и Дальнего Востока. За 1991–2012 гг. доля Хабаровска в общей численности населения края выросла с 38 до 44%: основная убыль населения произошла в среднем и малых городах, промышленная специализация которых не позволила им быстро приспособиться к новым условиям рыночной экономики и обеспечить прежний уровень занятости.

В настоящее время в Хабаровске формируется основной спрос на рабочую силу (48% всех занятых), концентрируется значительная доля оборота розничной торговли (63%) и практически весь массив строящегося в крае жилья (88,5%). Региональный центр продолжает аккумулировать большую часть миграционного потока: более 50% прибывающих из-за пределов региона и около 40% внутрирегиональных мигрантов. Таким образом, крупный город на фоне снижения значимости всех остальных населенных пун-

ктов края продолжает сохранять доминирующую позицию, что характерно для первой стадии процессов урбанизации (рис. 6). Косвенным доказательством этого также является наметившаяся в границах влияния крупного города субурбанизация, т. е. процесс быстрого социально-экономического развития пригородной зоны. Территория Хабаровского района, непосредственно примыкающая к Хабаровску, в последние годы имеет стабильный положительный миграционный баланс и сравнительно высокие темпы роста своей локальной экономики. В настоящее время население его пригорода (зона часовой доступности)¹ составляет 11% от численности регионального центра и 5% краевой численности [10; 27]. Прирост в сельских поселениях, непосредственно примыкающих к границе города, с 2006 по 2012 г. составил 6–7% даже в условиях стабильно низкой рождаемости и высокой смертности.

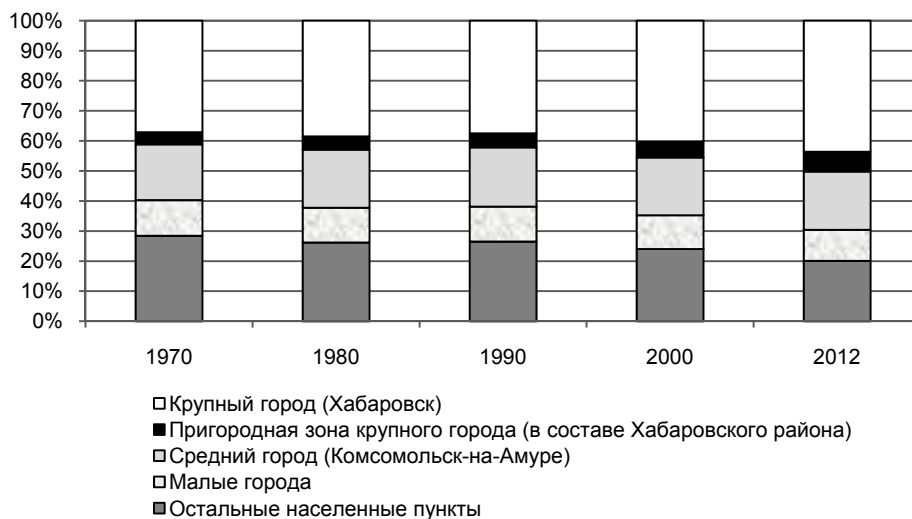

Рис. 6. Распределение численности населения Хабаровского края по населенным пунктам

Проведенный анализ свидетельствует, что, несмотря на регулируемые государством миграции, направленные на поддержание численности населения в промышленных малых и средних городах региона в период плановой экономики, а также массовый миграционный отток населения в период экономических трансформаций, реальные урбанизационные процессы Хабаровского края продолжали развиваться в рамках первой стадии с до-

¹ Единого подхода к временной границе пригородных зон нет. В данном случае взята величина, наиболее часто встречающаяся в исследованиях [38, с. 47–51].

минированием крупного города. Как показано на рисунке 7 (а, б), сальдо миграции Хабаровска, с некоторыми отступлениями от тренда, оставалось положительным, в то время как средний город и малые города в целом имеют отрицательное сальдо.

Рис. 7. Сальдо миграции в населенных пунктах Хабаровского края, тыс. чел.

Примечание: значительный рост показателя сальдо миграции в 2011 г. объясняется изменениями в методике учета, которая с этого года включает трудовых мигрантов.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в процессе стимулируемых государством миграций в период плановой экономики в крае успела сформироваться устойчивая система расселения, в основе которой не один, а несколько городов. Несмотря на явное доминирование крупного города, назвать данную систему моноцентрической нельзя, т. к. существующие средний и малые го-

рода в условиях сравнительной удаленности от регионального центра и пространственной неоднородности территории региона остаются локальными центрами концентрации населения, выступая опорой для обрабатывающего, добывающего и транзитного секторов не только Хабаровского края, но и всего Дальнего Востока.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существующие теории урбанизации описывают эволюцию городов в зависимости от различных факторов. Важнейшими среди них выступают рыночный потенциал и транспортная инфраструктура, которые позволяют запустить процесс концентрации населения и бизнеса в одном месте, что приводит к формированию городов, определяет их размер и перспективы развития. Эволюция городов может рассматриваться как процесс последовательной смены определенных стадий, каждая из которых характеризуется доминированием городов разного ранга, обусловленным изменением направлений миграционных движений населения.

Однако, как и все теории, данные концепции анализируют урбанизацию в сильно упрощенном, идеальном пространстве, для которого характерны гомогенность географических и инфраструктурных параметров. Тестирование данных концепций на примере реальных объектов происходит на уровне отдельных стран или некоторой их совокупности. В результате все города агрегируются в большие группы, которые впоследствии анализируются, что полностью убирает из поля зрения исследователя пространственные особенности конфигурации системы расселения, т. е. размещения ее элементов относительно друг друга, объектов инфраструктуры и рынков. Вместе с тем проведенное исследование показывает, что пространственная неоднородность оказывает значительное влияние на векторы всех социально-экономических процессов, в т. ч. урбанизационных, отклоняя реальное направление их развития от ожидаемых трендов и временных интервалов существующих теорий.

Так, эволюция городов Дальнего Востока, в целом укладываясь в теорию дифференциальной урбанизации, в рамках которой рост одних городов происходит за счет других, имеет свою специфику, обусловленную особенностями исторически сложившейся здесь системы размещения объектов промышленности и населения относительно рынков и транспортных магистралей. Данная система является полицентрической, достаточно устойчивой во времени и характеризуется значительной неоднородностью, во-первых, своих элементов, во-вторых, пространства, в котором они находятся. Города Дальнего Востока сильно дифференцированы по размеру, транспортной доступности, уровню развития экономики и социальной инфраструктуры, степени

освоенности и заселенности окружающей их территории. Это естественным образом обуславливает концентрацию населения в крупных городах за счет внутренних миграций, что характерно не только для периода плановой экономики, но и для современного этапа, несмотря на диаметрально противоположные подходы государственной политики к вопросам регулирования расселенческих систем. Это позволяет утверждать, что эволюция урбанизационных процессов на Дальнем Востоке разворачивается в рамках первого этапа с доминированием крупных городов. Вместе с тем средние и малые города, являясь элементами промышленного и транспортного секторов Дальнего Востока, продолжают оставаться локальными центрами концентрации населения, несмотря на стабильный миграционный отток.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белкин Е.В., Шереги Ф.Э.* Формирование населения в зоне БАМа. М.: Мысль, 1985. 149 с.
2. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. 687 с.
3. *Вишневский А.Г.* Избранные демографические труды. Т. 2. Экономическая география. Анализ демографических процессов. М.: Наука, 2005. 381 с.
4. *Вишневский Д.С., Демьяненко А.Н.* Макроэкономическое зонирование как метод регионального стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 6–31.
5. Внутривосточная миграция по территориям прибытия и выбытия («шахматка» по федеральным округам). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 16.10.2013).
6. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 21.10.2013).
7. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность сельского населения РСФСР, жителей сельских населенных пунктов, районных центров по полу. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg3.php Последнее обращение (дата обращения: 21.10.2013).
8. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 21.10.2013).
9. Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, районов, городских поселений, сельских населенных пунктов – райцентров и сельских населенных пунктов с населением 3 тысячи и более человек. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13> (дата обращения: 21.10.2013).
10. Всероссийская перепись населения 2010 г. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, районов, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов – районных центров и сельских населенных пунктов с населением 3 тысячи человек и более. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 21.10.2013).

11. Григоричев К.В. «Село городского типа»: миграционные метаморфозы пригорода // Местные сообщества, местная власть и мигранты Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / под ред. В.И. Дятлова. Иркутск: Отгиск, 2012. С. 422–446.
12. Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Отгиск, 2013. 248 с.
13. Демьяненко А.Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с.
14. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М., 1966. 660 с.
15. Изотов Д.А. Новая экономическая география: границы возможностей // Пространственная экономика, 2013. С. 123–160.
16. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М., 1969. 335 с.
17. Лаппо Г.М., Полян П.М. Результаты урбанизации в России к концу XX века // Мир России. 1999. Т. 8. № 4. С. 22–34.
18. Леденев М.И., Сентерев В.А. Социально-экономические условия формирования и движения трудовых ресурсов в зоне БАМ // Формирование и использование трудовых ресурсов промышленных центров зоны БАМ. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. С. 18–42.
19. Леш А. Природа экономических районов // Пространственная экономика. 2006. № 3. С. 92–103.
20. Механическое движение населения Хабаровского края: стат. сб. Хабаровскстат, 1977–1989 гг.
21. Миграция населения Хабаровского края: стат. сб. Хабаровскстат, 1990–2012 гг.
22. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. 848 с.
23. Народное хозяйство Хабаровского края / ЦСУ РСФСР. Статистическое управление Хабаровского края, 1957–1989 гг.
24. Население Хабаровского края по городам поселкам городского типа и сельским населенным пунктам (1926–1970 гг.). Хабаровскстат, 1971. 116 с.
25. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков / отв. ред. А.Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.
26. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2 (28). С. 42–57.
27. Оценка численности населения по муниципальным образованиям на начало 2013 г. URL: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/resources/ddf099804f46dcad8a05dfe1000af5d8/Числ_2013.htm (дата обращения: 22.11.2013).
28. Пензин И.Д. Хабаровский край: Население. Города. Культура. Хабаровск, 1988. 128 с.
29. Победин А.А. Проблемы развития екатеринбургской городской агломерации // Муниципалитет: экономика и управление. 2012. № 2. URL: <http://municipal.uara.ru> (дата обращения: 11.11.2013).
30. Полян П.М., Селиванова Т.И. Городские агломерации России и новые тенденции эволюции их сети (1989–2002 гг.) // Известия РАН. Сер. геогр. 2007. № 5. С. 18–26.
31. Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской. М.: ИТ «АдамантЪ», 2009. 412 с.
32. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 г. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 21.10.2013).

33. Регионы России. Социально-экономические показатели городов. 2012 г. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 21.10.2013).
34. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 167 с.
35. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
36. Хорев Б.С. Проблемы городов. Экономико-географическое исследование городского расселения в СССР. М.: Мысль, 1971. 413 с.
37. Численность населения Хабаровского края: стат. бюллетень. Хабаровскстат, 1990–2012 гг.
38. Шитова Ю.Ю. Маятниковая трудовая миграция в Подмосковье: комплексный социально-экономический анализ. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 188 с.
39. Шнипер Р.И. Регион: экономические методы управления. Новосибирск: Наука, 1991. 330 с.
40. Ягельский А. География населения. М.: Прогресс, 1980. 384 с.
41. Beshers J.M., Nishiura E.N. A Theory of Internal Migration Differentials // *Social Forces*. 1961. Vol. 39. № 3. Pp. 214–218.
42. Fujita M. *Urban Economic Theory: Land Use and City Size*. Cambridge University Press, 1989. 380 p.
43. Fujita M., Thisse J.-F. *Economics of Agglomeration: Cities, Industrial Location, and Globalization*. Cambridge University Press, 2002. 528 p.
44. Geyer H.S., Kontuly T. A Theoretical Foundation of the Concept of Differential Urbanization // *International Regional Science Review*. 1993. Vol. 5. № 2. Pp. 157–177.
45. Gibbs J. The Evolution of Population Concentration // *Economic Geography*. 1963. № 2. Pp. 119–129.
46. Harris C.D. The Market as a Factor in the Localization of Production // *Annals of the Associations of American Geographers*. 1954. № 44. Pp. 315–348.
47. Helpman E. The Size of Regions. Working Paper № 14–95. The Foerder Institute of Economic Research, 1995. 25 p.
48. Kingsley D. The Origin and Growth of Urbanization in the World // *American Journal of Sociology*. 1955. Vol. 60. № 5. Pp. 429–437.
49. Krugman P. Space: The Final Frontier // *The Journal of Economic Perspectives*. 1998. Vol. 12. № 2. Pp. 161–174.
50. Lee E.S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. Vol. 3. № 1. Pp. 47–57.
51. Schlottmann A.M., Herzog Jr. H.W. Career and Geographic Mobility Interactions: Implications for the Age Selectivity of Migration // *The Journal of Human Resources*. 1984. Vol. 19. № 1. Pp. 72–86.

THE EVOLUTION OF URBANIZATION PROCESSES IN THE RUSSIAN FAR EAST

E.O. Kolbina, S.N. Nayden

Kolbina Ekaterina Olegovna – Ph. D. in Economics, Research Fellow. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: skripnikk@gmail.com.

Nayden Svetlana Nikolaevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Division Head. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: nayden@ecrin.ru.

The article examines the urbanization processes occurring as a result of migration between cities of various rank. Theoretical background of the work includes the classical theory of accommodation, approaches of New Economic Geography, theory of step and differential urbanization, as well as principles of settlement in a planned economy. Authors show that formation and evolution of cities can be defined not only by the market and infrastructural factors, causing the concentration of population in one place, but also by the spatial characteristics of already established settlement system, which elements' configuration relative to each other and economic objects can significantly reject the development direction of cities from expected trends and time intervals of the existing theories. As an example, this paper considers the settlement system of the Russian Far East with a more detailed analysis of the cities' evolution of one of its regions - Khabarovsk Krai. Analysis employs the terms of differential urbanization theory which requires a certain sequence of domination stages of cities of various ranks as a result of changes in direction and the volume of migration. The article shows that despite the long history and repeated changes of political and economic courses of development of the macro-region as well as polycentric settlement system (including urban centers of different size, functions and socio-economic orientation) formed in the period of planned economy, urbanization processes in the Russian Far East, which is characterized by significant spatial differentiation and heterogeneity of population distribution, continue to unfold during the stage of large cities' domination.

Keywords: urbanization, evolution, cities, migration, population distribution, settlement system, urbanization theories, the Russian Far East, Khabarovsk Krai.

REFERENCES

1. Belkin E.V., Sheregi F.E. *Formation of Population in the Area of BAM*. Moscow, 1985, 149 p. (In Russian).
2. Blaug M. *Economic Theory in Retrospect*. Moscow, 1994, 687 p. (In Russian).
3. Vishnevskiy A. *Selected Demographic Works*. Vol. 2. Economic Demography. The Analysis of Demography Processes. Moscow, 2005, 381 p. (In Russian).
4. Vishnevskiy D.S., Demyanenko A.N. Macroeconomic Zoning as a Method of Strategic Analysis: the Russian Far East. *Prostranstvennaya Ekonomika – Spatial Economics*, 2010, no. 4, pp. 6–31. (In Russian).
5. *Russian Internal Migration Net in the Context of Federal Districts*. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed 16 October 2013). (In Russian).
6. *All-Union Population Census of 1989, Number of Urban Population of the RSFSR, its Territorial Units, Settlements and Urban Areas by Gender*. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (accessed 21 October 2013). (In Russian).
7. *All-Union Population Census of 1989, the Number of the Rural Population of the RSFSR, the Inhabitants of Rural Settlements and District Centres by Gender*. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg3.php (accessed 21 October 2013). (In Russian).
8. *All-Union Population Census of 1989 the Population of the USSR, the RSFSR and its Territorial Units by Gender*. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (accessed 21 October 2013). (In Russian).
9. *All-Russia Population census of 2002. Population of Russia, Federal Districts, RF Subjects, Districts, Urban Settlements, Rural Settlements - Regional Centers and Rural Settlements with a Population of 3 thousand people and more*. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13> (accessed 21 October 2013). (In Russian).
10. *All-Russia Population census of 2010. Population of Russia, Federal Districts, RF Subjects, Districts, Urban Settlements, Rural Settlements – Regional Centers and Rural Settlements with a Population of 3 thousand people and more*. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 21 October 2013). (In Russian).

11. Grigorichev K.V. «The Village of Urban Type»: Migration Metamorphosis of Suburb. *Local communities, local authorities and labour migrants of Siberia on the border of XIX–XX and XX–XXI centuries*. Edited by V.I. Dyatlov. Irkutsk, 2012, pp. 422–446. (In Russian).
12. Grigorichev K.V. *At the Shadow of the Big City: Social Space of Suburb*. Irkutsk, 2013, 248 p.
13. Demyanenko A.N. *Territorial Set-Up of the Economy in the Russian Far East*. Vladivostok, 2003, 284 p. (In Russian).
14. Isard W. *Methods of Regional Analysis: Introduction to Regional Science*. Moscow, 1966, 660 p. (In Russian).
15. Izotov D.A. New Economic Geography: the Possibilities and Restrictions. *Prostranstvennaya Ekonomika – Spatial Economics*, 2013, no. , pp. 123–160. (In Russian).
16. Kolosovskiy N.N. *Fundamentals of Economic Zoning*. Moscow, 335 p. (In Russian).
17. Lappo G.M., Polyaniy P.M. The Results of Urbanization in Russia by the End of the XX Century. *World of Russia*, 1999, vol. 8, no. 4, pp. 22–34. (In Russian).
18. Ledenev M.I., Senterev V.A. Socio-Economic Conditions of Formation and Movement of Labor Resources in the Area of BAM. *Formation and Using of Labor Resources Industrial Centers of the BAM Area*. Vladivostok, 1983, pp. 18–42. (In Russian).
19. Lusch A. The Nature of Economic Regions. *Prostranstvennaya Ekonomika – Spatial Economics*, 2006, no. 3, pp. 96–98. (In Russian).
20. *Mechanical Movement of the Population of Khabarovsk Territory: statistical collection*. Khabarovsk, 1977–1989 гг. (In Russian).
21. *Migration of the population of the Khabarovsk Territory: statistical collection*. Khabarovsk, 1990–2012. (In Russian).
22. Minakir P.A. *Regions' Economics. Russian Far East*. Moscow, 2006, 848 p. (In Russian).
23. *National Economy of the Khabarovsk Territory*. Central Statistical Department of the RSFSR. Statistical Office of the Khabarovsk Territory, 1957–1989. (In Russian).
24. *The Population of Khabarovsk Territory at Cities, Settlements of City Type and Rural Settlements (1926–1970)*. Khabarovsk, 1971, 116 p. (In Russian).
25. Nefyodova T.G., Treivish A.I. The Theory of «Differential Urbanization» and Hierarchy of Cities in Russia at the Turn of the XXI Century. *The Problems of Urbanization at the Turn of the Centuries*. Edited by A.G. Makhrova. Smolensk, 2002, pp. 71–86. (In Russian).
26. Nefyodova T.G., Treivish A.I. Cities and Countryside in Russia: their State and Correlation. *Regionalnye Issledovaniya* [Regional Studies], 2010, no. 2 (28), pp. 42–57. (In Russian).
27. *Estimated Population in Municipalities at the Beginning of 2012*. Available at: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/population/ (accessed 16 October 2013). (In Russian).
28. Penzin I.D. *Khabarovsk Territory: The Population. Cities. Culture*. Khabarovsk, 1988, 128 p. (In Russian).
29. Pobedin A.A. Problems of Development of The Ekaterinburg City Agglomeration. *Municipalitet: Ekonomika i Upravlenie* [Municipality: Economy and Management], 2012, no. 2. Available at: <http://municipal.uapa.ru> (accessed 11 November 2013). (In Russian).
30. Polyaniy P.M., Selivanova T.I. Urban Agglomeration of Russia and New Trends at the Evolution of their Network (1989–2002). *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya – Regional Research of Russia*, 2007, no. 5, pp. 18–26. (In Russian).
31. *Post-Soviet Transformations: Migration Reflection*. Edited by J.A. Zayonchkovskaya, G.S. Vitkovskaya. Moscow, 2009, 412 p.
32. *Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2012*. Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 21 October 2013). (In Russian).

33. *Regions of Russia. Social–Economic Indicators of Cities. 2012.* Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 21 October 2013). (In Russian).
34. Rybakovskiy L.L. *The Population of the Far East for 150 years.* Moscow, 1990, 167 p. (In Russian).
35. *The Synthesis of Scientific–Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050.* Edited by P.A. Minakir, V.I. Sergienko. Economic Research Institute FEB RAS. Vladivostok: Dal'nauka, 2011, 912 p. (In Russian).
36. Khorev B.S. *The Problems of the Cities. Economic–Geographical Study of Urban Settlement in the USSR.* Moscow, 1971, 413 p. (In Russian).
37. *The Population of the Khabarovsk Territory: statistical bulletin.* Khabarovsk, 1990–2012. (In Russian).
38. Shitova Yu.Yu. *Pendular Migration in the Moscow Suburbs: a Comprehensive Socio-Economic Analysis.* Saransk, 2009, 188 p. (In Russian).
39. Shniper R.I. *Region: Economic Methods of Management.* Novosibirsk, 1991, 330 p. (In Russian).
40. Yagelskiy A. *Population Geography.* Moscow, 1980, 384 p. (In Russian).
41. Beshers J.M., Nishiura E.N. A Theory of Internal Migration Differentials. *Social Forces*, 1961, vol. 39, no. 3, pp. 214–218.
42. Fujita M. *Urban Economic Theory: Land Use and City Size.* Cambridge University Press, 1989, 380 p.
43. Fujita M., Thisse J.-F. *Economics of Agglomeration: Cities, Industrial Location, and Globalization.* Cambridge University Press, 2002, 528 p.
44. Geyer H.S., Kontuly T. A Theoretical Foundation of the Concept of Differential Urbanization. *International Regional Science Review*, 1993, vol. 5, no. 2, pp. 157–177
45. Gibbs J. The Evolution of Population Concentration. *Economic Geography*, 1963, no.2, pp. 119–129.
46. Harris C.D. The Market as a Factor in the Localization of Production. *Annals of the Associations of American Geographers*, 1954, no. 44, pp. 315–348.
47. Helpman E. *The Size of Regions. Working Paper № 14–95.* The Foerder Institute of Economic Research, 1995, 25 p.
48. Kingsley D. The Origin and Growth of Urbanization in the World. *American Journal of Sociology*, 1955, vol. 60, no. 5, pp. 429–437.
49. Krugman P. Space: The Final Frontier. *The Journal of Economic Perspectives*, 1998, vol. 12, no. 2, pp. 161–174.
50. Lee E.S. A Theory of Migration. *Demography*, 1966, vol. 3, no. 1, pp. 47–57.
51. Schlottmann A.M., Herzog Jr. H.W. Career and Geographic Mobility Interactions: Implications for the Age Selectivity of Migration. *The Journal of Human Resources*, 1984, vol. 19, no. 1, pp. 72–86.

УДК 339.5

РЫНОК СЫРЬЕВЫХ ТОВАРОВ КИТАЯ

Д.А. Изотов

Изотов Дмитрий Александрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: izotov@ecrin.ru.

По мере увеличения масштабов китайская экономика стала испытывать дефицит в сырьевых товарах, который стал погашаться за счет импорта, ограниченного, в свою очередь, высокими мировыми ценами. Проблема наращивания физических объемов импорта сырьевых товаров стала решаться мерами микроэкономической и макроэкономической политики (ревальвация юаня к доллару США). В статье проведен анализ рынков сырьевых товаров КНР (сырая нефть, нефтепродукты, СПГ, уголь, железная руда, продукция из стали). Оценка регрессионных уравнений показала, что при прочих равных условиях ревальвация юаня способствует увеличению физического объема импорта сырьевых товаров, при этом темпы роста импорта из России в КНР будут выше, чем импорта в целом.

Импорт, ревальвация юаня, цена, сырьевые товары, рынок, нефть, нефтепродукты, СПГ, уголь, железная руда, продукция из стали, Китай, Россия.

ВВЕДЕНИЕ

В ряде исследований доказано, что главными источниками высоких темпов роста китайской экономики являются чистый экспорт и внутренние инвестиции. По мере увеличения масштабов экспорта за счет более тесного включения в международную производственную кооперацию, а также возведения объектов инфраструктуры, китайская экономика стала нуждаться в больших дополнительных объемах сырьевых товаров, обеспечение которых за счет собственного производства стало невозможным или экономически нецелесообразным. Дополнительное обеспечение китайской экономики сырьевыми товарами осуществляется за счет импорта, физические объемы которого ограничиваются высокими мировыми ценами [2; 23; 37]. Проблема наращивания физических объемов импорта сырьевых товаров стала решаться мерами микроэкономической политики, направленными на обеспечение поставок сырьевых товаров в Китай по долгосрочным договорам путем ин-

© Изотов Д.А., 2013

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 13-37-01201a2.

вестирования в зарубежные активы. Вероятно, за счет мер микроэкономической политики, которые объективно ограничены допуском в ресурсный сектор тех или иных стран, Китай обеспечивает для себя некий минимальный уровень импорта сырьевых товаров.

Параллельно с этим, для нивелирования негативного влияния высоких мировых цен, в КНР стали практиковаться методы макроэкономической политики, в первую очередь, ревальвация юаня к доллару США (далее – ревальвация юаня), которая привела к тому, что для китайских потребителей импортные сырьевые товары стали более доступными по цене, способствуя, таким образом, росту их стоимостных объемов [17; 33]. Можно предположить, что за счет мер макроэкономической политики, осуществляя ценовую дискриминацию на мировом рынке, увеличивая цену импорта относительно мировой цены, КНР увеличивает физический объем импорта сырьевых товаров.

Особое значение такого рода оценки имеют для России, поскольку КНР в долгосрочной перспективе рассматривается как емкий рынок для реализации сырьевых товаров [1; 3; 10]. Рост цен на импорт при значительном спросе со стороны КНР может способствовать росту стоимостных объемов экспорта российских сырьевых товаров в данную страну. Поскольку китайские компании не имеют широкого доступа для инвестирования в российский ресурсный сектор, можно предположить, что рост цены импорта сырьевых товаров КНР относительно мировой цены за счет ревальвации юаня способствует росту физических объемов поставок данных товарных групп из России в Китай, при этом темпы роста импорта из России в КНР могут быть выше, чем импорта в целом.

Для подтверждения данных предположений необходимо: 1) выявить характеристики рынка сырьевых товаров Китая, определив роль и место российской продукции на нем; 2) выявить факторы, оказывающие влияние на физические объемы импорта сырьевой продукции КНР.

Информационным массивом являются статистические данные по шести видам сырьевых товаров (согласно классификации SITC): нефть сырая, нефтепродукты, природный газ, уголь, железная руда и продукция из стали за пятилетний период по месяцам (2008–2012 гг.)¹ из международной базы стати-

¹ Помимо указанных шести видов, остальные сырьевые товары рассматриваться не будут ввиду их многообразия, малой стоимости, невозможности агрегирования их физических объемов.

Неоднородный массив исходной информации для расчета географической структуры физических объемов импорта в КНР приведен автором в сопоставимый вид.

Автор отдает себе отчет, что сырьевые товары поставляются в КНР как по долгосрочным, так и по разовым контрактам, цены по которым могут существенно отличаться, равно как и воздействие ревальвации юаня на физические объемы их импорта. Однако, не имея возможности разделить поставки в Китай сырьевых товаров по долгосрочным и разовым контрактам, импорт данной группы товаров рассматривается в целом.

стических данных СЕІС. Цены сырьевых товаров рассчитывались путем деления стоимостного объема на физический; среднемировые цены заимствованы из базы данных Всемирного банка. Использующиеся в качестве справочной информации физические объемы производства сырьевых товаров в КНР и мире заимствованы из баз данных British Petroleum, World Steel и СЕІС.

ХАРАКТЕРИСТИКИ РЫНКА СЫРЬЕВЫХ ТОВАРОВ КНР

За последние два десятилетия КНР стала ведущим потребителем сырьевых товаров в мире, при этом их доля в импорте увеличилась. Это происходило на фоне постепенной ревальвации юаня (рис. 1). Основными сырьевыми товарами, импортируемыми в Китай, является продукция топливно-энергетического (45% по состоянию на 2012 г.) и минерально-сырьевого комплексов (руды и металлы – 32%, из них 10% – железная руда), а также черной металлургии (5%).

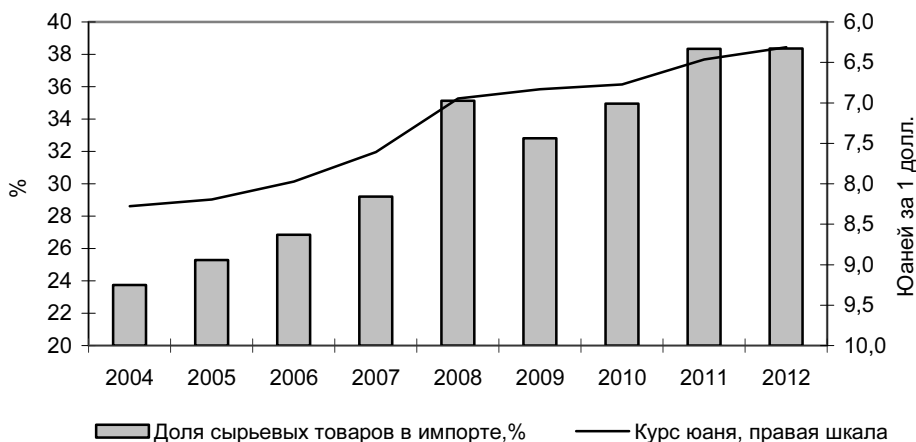

Рис. 1. Доля сырьевых товаров в импорте КНР и курс юаня к доллару США

Источник: [29].

Нефть сырая. Быстрый рост поставок нефти из-за рубежа вывел Китай на первое место в мире среди стран-импортеров данного продукта. Ввиду ограниченности производства сырой нефти в КНР значительные ее объемы поставляются из-за рубежа. По имеющимся оценкам, объемы импорта сырой нефти в КНР в перспективе будут возрастать большими темпами, чем производство нефти в Китае [18]. Импорт составляет более половины потребления сырой нефти в Китае. В соответствии с оценками [27], экспортный сектор Китая является одним из главных потребителей сырой нефти в стране (более 30% всего импорта данного продукта).

За период 2008–2012 гг. потребление сырой нефти увеличилось на 30%, физические объемы импорта – на 52%, стоимостные – на 72% (табл. 1).

За рассматриваемый период географическая структура импорта сырой нефти в КНР не изменилась. Самую большую долю в импорте нефти в Китай занимают страны Персидского залива, на которые приходится почти половина поставок. При этом Китай наращивает импорт сырой нефти из России, Казахстана и стран Латинской Америки. Доля сырой нефти из России в импорте Китая постепенно увеличивается – с 6,5% в 2008 г. до 9,1% в 2012 г. По состоянию на 2012 г. Россия занимала третье место среди стран-поставщиков сырой нефти в Китай, уступая Саудовской Аравии и Анголе.

Таблица 1

**Потребление, производство, внешняя торговля
и цены импорта сырой нефти КНР**

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012
Производство, млн т	190,4	189,5	203,0	202,9	207,5
Видимое потребление, млн т	376,0	388,2	437,7	459,4	483,7
Экспорт, млн т	5,2	5,1	2,0	2,5	2,4
Импорт, млн т	180,4	193,6	232,7	254,0	273,8
Импорт, млрд долл.	130,3	84,5	131,2	196,3	223,5
Доля КНР в мировом производстве, %	4,8	4,9	5,1	5,1	5,0
Доля КНР в мировом потреблении, %	9,4	9,9	10,8	11,3	11,7
Доля КНР в мировом импорте, %	7,8	9,2	10,5	11,4	12,0
Доля России в импорте КНР, %	6,5	7,5	6,4	7,3	9,1
Среднемировая цена, долл./т	725	462	591	778	785
Цена импорта в КНР, долл./т	722	436	564	773	816
Цена импорта в КНР из РФ, долл./т	738	431	580	822	843

Примечание: здесь и далее доли рассчитаны по физическим объемам.

Источник: рассчитано автором на основе: [5; 6; 9; 20].

Динамика цен на сырую нефть, импортируемую в КНР, связана с ценами мирового рынка [13]. К 2012 г. по сравнению с 2008 г. средняя цена сырой нефти на мировом рынке увеличилась на 8%, а цена импорта сырой нефти в КНР – на 13%, цена нефти, поставляемой в Китай из России, – на 14%. Дифференцированная динамика объясняется тем, что предпочтения Китая в импорте стали смещаться в пользу более дорогих марок нефти. Несмотря на то, что Китай является крупнейшим импортером сырой нефти в мире, его влияние на волатильность цен мирового рынка данного продукта незначительно, поскольку основную роль играют рынки других стран и организаций (США и страны ОПЕК) [7].

Нефтепродукты. Китайская экономика занимает лидирующие позиции в мире по производству, потреблению и торговле нефтепродуктами. Рынок нефтепродуктов определяется значительными мощностями в стране по переработке собственной и импортной сырой нефти; ростом цен на импортную нефть, оказывающим негативное воздействие на выпуск нефтепродуктов в КНР, которое нивелируется с помощью государственных субсидий с целью снижения цен на нефтепродукты на внутреннем рынке [12; 30; 36].

За рассматриваемый период потребление Китаем нефтепродуктов выросло на 31%, физические объемы импорта – на 13%, стоимостные – на 44%. По состоянию на 2012 г. импорт нефтепродуктов почти в 2 раза превышал объемы экспорта и компенсировал около 10% их потребления (табл. 2).

Таблица 2

**Потребление, производство, внешняя торговля
и цены импорта нефтепродуктов КНР**

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012
Производство, млн т	340,7	369	369,4	438,9	449
Видимое потребление, млн т	357,7	381,5	381,7	455,5	467,1
Экспорт, млн т	22,7	26,7	32,5	36,8	25,6
Импорт, млн т	38,9	37	36,9	40,6	43,8
Импорт, млрд долл.	25,2	17,6	21,7	32,2	36,3
Доля КНР в мировом производстве, %	9,3	10,2	11,4	12	12,3
Доля КНР в мировом потреблении, %	8,8	10,1	10,7	11,1	11,5
Доля КНР в мировом импорте, %	4,1	4	4,1	4,7	4,3
Доля России в импорте КНР, %	10,8	10,2	11,2	16	20,6
Среднемировая цена, долл./т	560	428	541	747	772
Цена импорта в КНР, долл./т	647	476	589	792	828
Цена импорта в КНР из РФ, долл./т	758	399	522	696	741

Источник: рассчитано автором на основе: [5; 6; 9; 20].

Примечание: за мировую цену нефтепродуктов принята цена на топливную нефть на рынке Сингапура.

Географическая структура импорта нефтепродуктов в КНР за рассматриваемый период времени практически не изменилась. Главными импортерами являются как ведущие страны-производители сырой нефти: Россия (21%), Венесуэла (14%), Казахстан (2,2%), так и страны, обладающие современными технологиями ее переработки: Республика Корея (25%), Сингапур (15%), Япония (5%) и Тайвань (2%) [6]. Рост физического объема импорта нефтепродуктов на китайский рынок генерируется главным образом российскими поставками, доля которых за последнее время в импорте КНР выросла почти в 2 раза, при стабильных объемах поставок из других стран. По состоянию на

2012 г. Россия занимала второе место среди стран-поставщиков нефтепродуктов в КНР.

Китай импортирует два вида данного сырьевого товара: нефтепродукты высокой степени переработки по высоким ценам из Тайваня, Японии, Республики Корея и частично Сингапура, которые выпускаются в Китае в недостаточном объеме; нефтепродукты низкой степени переработки, являющиеся близкими заменителями сырой нефти, поставляются по ценам ниже среднемировых, в том числе и из России. К 2012 г. по сравнению с 2008 г. средняя цена нефтепродуктов на мировом рынке увеличилась на 38%, цена импорта в Китай – на 28%. Цена нефтепродуктов, поставляемых в КНР из России, снизилась на 2%, что связано с особенностями таможенно-тарифного регулирования на данную продукцию на российской стороне.

Уголь. Китай является самым крупным производителем и потребителем угля в мире. В соответствии с рядом оценок [15], тенденция превышения импорта угля над экспортом для КНР является долгосрочной. За период 2008–2012 гг. потребление угля выросло на 37%, физические объемы импорта – в 7,1 раза, стоимостные – в 7,5 раза. К 2012 г. за счет импорта компенсировалось 8% потребления угля в КНР (табл. 3).

Таблица 3

Потребление, производство, внешняя торговля и цены импорта угля КНР

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012
Производство, млн т	2802	2973	3235	3516	3650
Видимое потребление, млн т	2738	2941	3219	3522	3747
Экспорт, млн т	104	158	182	178	192
Импорт, млн т	41	126	166	183	289
Импорт, млрд долл.	4	11	17	21	30
Доля КНР в мировом производстве, %	42,2	44,3	45,7	46,8	47,5
Доля КНР в мировом потреблении, %	42,1	45,4	46,5	48,5	50,2
Доля КНР в мировом импорте, %	4,1	12,2	14,7	16,3	23
Доля России в импорте КНР, %	5,2	9,4	7	5,8	7,2
Среднемировая цена, долл./т	148	79	105	126	106
Цена импорта в КНР, долл./т	87	84	102	114	103
Цена импорта в КНР из РФ, долл./т	160	87	130	149	125

Источник: рассчитано автором на основе: [5; 6; 9].

За рассматриваемый период в географической структуре импорта угля произошли некоторые изменения: резко сократилась доля Вьетнама (с 42 до 6%) при увеличении поставок из Индонезии и Австралии, совокупная доля в

импорте которых по состоянию на 2012 г. составила более 60%. Доля России в импорте угля в Китай выросла в среднем за 2009 г. до 9,4%, после чего произошло ее некоторое снижение – до 7,2% в 2012 г. По состоянию на 2012 г. Россия занимала четвертое место среди стран-поставщиков угля в КНР, уступая Индонезии, Австралии и Монголии.

Качественные характеристики угля различаются по странам-поставщикам. Импорт из Индонезии и ЮАР – энергетический уголь, Монголии, Канады и США – коксующийся уголь, других стран – сочетание этих видов углей [28].

К 2012 г. по сравнению с 2008 г. средняя цена угля на мировом рынке снизилась на 28%, цена импорта в Китай увеличилась на 18%, цена импорта в КНР из России снизилась на 22%. Рост цен импорта в КНР объясняется «эффектом низкой базы» 2008 г. как с точки зрения цены, так и физических объемов. Причинами масштабного импорта угля в Китай с 2010 г. являются: исчерпание запасов на крупнейших угольных месторождениях страны [31] и реструктуризация угольной промышленности с целью снижения отраслевых издержек [21; 24].

Природный газ. В КНР к 2020 г. ожидается двукратное превышение потребления природного газа над его производством в силу роста экологических ограничений [19]. Дефицит потребления будет компенсирован импортом [32]. Доля природного газа в производстве первичной энергии Китая может увеличиться с 3,7 до 6% [16]. Китай импортирует природный газ (трубопроводный) и сжиженный природный газ (СПГ).

Природный газ в КНР поставляется из стран Средней Азии (преимущественно из месторождений Туркменистана, эксплуатирующихся китайской компанией CNPC) на основе долгосрочного договора (30 лет) по определенным ценам и объемам [4; 8]. К 2012 г. более 50% импортируемого газа в Китай являлось трубопроводным.

Потребление импортируемого СПГ сосредоточено в наиболее развитых приморских регионах, в которых планомерно вводятся новые объекты инфраструктуры по регазификации СПГ [14; 25]. Несмотря на продолжающиеся российско-китайские переговоры по импорту в Китай газа по трубопроводу, в КНР из России пока импортируется только СПГ.

В 2008–2012 гг. потребление газа в Китае выросло на 70%, физические объемы импорта – в 8,7 раза, в том числе СПГ – в 4,5 раза, стоимостные объемы СПГ – в 9,2 раза. К 2012 г. за счет импорта компенсировалось 27,4% потребления газа в Китае, в том числе за счет импорта СПГ – 14%; на КНР приходилось 6,1% всего мирового импорта СПГ (табл. 4).

В географической структуре импорта СПГ произошли принципиальные изменения. Доля Австралии, доминировавшей в поставках СПГ на китай-

ский рынок, существенно снизилась (с 80% в середине 2000-х гг. до 25% в 2012 г.), при сохранении физического объема на уровне 3,6 млн т. Рост поставок СПГ в Китай произошел главным образом за счет Катара и Индонезии, совокупная доля которых в 2012 г. составляла 51%. Доля России в поставках СПГ на китайский рынок составляла в среднем 3%. По состоянию на 2012 г. Россия занимала шестое место среди стран-поставщиков СПГ в КНР, уступая Катару, Австралии, Индонезии, Малайзии и Йемену.

Таблица 4

**Потребление, производство, внешняя торговля
и цены импорта природного газа КНР**

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012
Производство газа, млн т	58,6	62,2	69,2	75,0	78,3
Видимое потребление газа, млн т	61,8	67,3	78,1	95,3	107,0
Экспорт газа, млн т	0,2	0,5	1,1	2,2	2,1
Импорт газа, млн т	3,3	5,5	10,0	22,5	30,3
в том числе импорт СПГ, млн т	3,3	5,5	9,4	12,2	14,7
в том числе импорт СПГ, млрд долл.	0,9	1,3	3,0	5,8	8,3
Доля КНР в мировом производстве, %	2,6	2,9	3,0	3,1	3,2
Доля КНР в мировом потреблении, %	2,7	3,0	3,4	4,0	4,3
Доля КНР в мировом импорте газа, %	1,0	1,0	1,4	3,0	4,0
Доля КНР в мировом импорте СПГ, %	2,0	3,1	4,3	5,0	6,1
Доля России в импорте СПГ в КНР, %	3,0	3,4	4,1	2,1	2,7
Цена импорта трубопроводного газа в КНР, долл./т	—	—	368	492	548
Среднемировая цена СПГ, долл./т	452	326	393	530	603
Цена импорта СПГ в КНР, долл./т	279	228	322	472	561
Цена импорта СПГ в КНР из РФ, долл./т	549	350	549	753	976

Примечание: за мировую цену принята цена на СПГ на рынке Японии. Объем газа выражен в тоннах СПГ.

Источник: рассчитано автором на основе: [5; 6; 9].

К 2012 г. по сравнению с 2008 г. на мировом рынке средняя цена СПГ увеличилась в 1,33 раза, цена импорта в Китай – в 2 раза, импорта в КНР из России – в 1,7 раза. На китайский рынок самый дешевый СПГ поставлялся из Австралии, самый дорогой – из Катара, цена на который в 2012 г. была в пять раз выше, чем у австралийского, и на 30% выше среднемировой. Цена российского СПГ превышала цену импорта СПГ Китая почти в 2 раза. Поставки СПГ в КНР осуществляются как через спотовый рынок (Катар, Россия, Йемен, Нигерия), так и на основании долгосрочных договоров по фиксированным ценам (Австралия, Индонезия и Малайзия).

Железная руда. Китай удерживает мировое лидерство в производстве, потреблении и импорте железной руды. Потребление Китаем железной руды связано главным образом с широкомасштабным вовлечением продукции металлургии в сооружение объектов инфраструктуры [11]. Спрос со стороны Китая является одним из главных факторов роста торговли железной рудой в мире [22, р. 558].

Потребление железной руды выросло на 74%, импорт – на 62%, стоимостные объемы импорта – на 61%. К 2012 г. за счет импорта компенсировалось 33% потребления железной руды в КНР. Доля Китая в мировом импорте железной руды увеличилась с 49,4% в 2008 г. до 63,7% в 2012 г. (табл. 5).

Таблица 5

**Потребление, производство,
внешняя торговля и цены импорта железной руды КНР**

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012
Производство, млн т	824	880	1070	1330	1500
Видимое потребление, млн т	1258	1505	1664	2012	2188
Экспорт, млн т	10	3	25	5	32
Импорт, млн т	444	627	619	687	720
Импорт, млрд долл.	59	50	79	112	95
Доля КНР в мировом производстве, %	37,5	39,6	41,3	45,2	43,3
Доля КНР в мировом потреблении, %	42,9	51,6	51,1	52,6	55,0
Доля КНР в мировом импорте, %	49,4	51,7	57,9	61,2	63,7
Доля России в импорте КНР, %	1,3	1,5	1,0	2,3	1,8
Среднемировая цена, долл./т	156	80	146	168	128
Цена импорта в КНР, долл./т	134	80	127	163	132
Цена импорта в КНР из РФ, долл./т	167	80	136	177	138

Источник: рассчитано автором на основе: [6; 9; 26; 35].

Структура стран-поставщиков железной руды в КНР практически не изменилась. Почти 70% импорта железной руды в Китай обеспечивали Австралия и Бразилия, доля России составляла менее 2%. По состоянию на 2012 г. Россия занимала седьмое место среди стран-поставщиков железной руды в КНР, уступая Австралии, Бразилии, ЮАР, Индии, Ирану, Украине и Канаде.

К 2012 г. по сравнению с 2008 г. средняя цена железной руды на мировом рынке сократилась на 18%, цена импорта в Китай осталась практически на прежнем уровне, цена импорта в КНР из России сократилась на 17%. Китай импортирует основной объем железной руды по ценам, максимально приближенным к мировым. Импорт железной руды из Канады, Украины и России осуществлялся по ценам, превышающим мировые. Проблему надежности поставок из-за рубежа железной руды китайские компании решают

за счет прямых капиталовложений в добычу железной руды месторождений Австралии (90% численности всех проектов, объем инвестиций – около 20 млрд долл. США), стран Латинской Америки (около 2 млрд долл.), Африки (5,6 млрд долл.) и Канады (0,4 млрд долл.). Планируется за счет этих месторождений наладить выпуск 425 млн т железной руды в год [34, р. 334].

Продукция из стали. Рост собственного производства и импорта железной руды вывел Китай на ведущее место в мире по выпуску и потреблению продукции из стали в мире. Потребление продукции из стали увеличилось на 45%, физические объемы импорта – на 20%, стоимостные остались на прежнем уровне. К 2012 г. за счет импорта компенсировалось 3% потребления продукции из стали в КНР, а объем экспорта превышает объем импорта в 3 раза. Доля Китая в мировом импорте продукции из стали сократилась с 3,7% в 2008 г. до 3,4% в 2012 г. (табл. 6).

Таблица 6

**Потребление, производство, внешняя торговля
и цены импорта продукции из стали КНР**

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012
Производство, млн т	512	577	637	683	717
Видимое потребление, млн т	468	570	611	650	680
Экспорт, млн т	59	25	43	49	54
Импорт, млн т	15	18	16	16	18
Импорт, млрд долл.	2,3	1,9	2,0	2,2	2,3
Доля КНР в мировом производстве, %	38,2	46,7	44,6	45,9	47,1
Доля КНР в мировом потреблении, %	34,9	48,5	44,2	44,5	45,7
Доля КНР в мировом импорте, %	3,7	6,8	4,5	4,1	3,4
Доля России в импорте КНР, %	1,0	8,6	1,3	0,8	0,9
Среднемировая цена, долл./т	760	486	563	630	640
Цена импорта в КНР, долл./т	152	110	122	139	131
Цена импорта в КНР из РФ, долл./т	250	50	56	57	51

Примечание: мировая цена представлена как цена на арматуру на рынке Японии.

Источник: рассчитано автором на основе: [6; 9; 26; 35].

Выделяются две группы стран-поставщиков в импорте продукции из стали. К первой группе относятся страны, корпоративный сектор которых осуществляет производственную деятельность в КНР: Япония, Республика Корея, Тайвань и Германия. Данный сектор осуществляет поставки в рамках внутрифирменной торговли той продукции из стали, которая не производится или выпускается в недостаточном объеме в КНР. Эта категория стран-поставщиков в 2012 г. обеспечивала почти 90% импорта продукции из стали в Китай. Во вторую группу входят страны-поставщики, торгующие продукци-

ей из стали через механизмы мировых рынков или двусторонних соглашений (США, страны ЕС, Россия, Казахстан и т. д.). Обращает на себя внимание тот факт, что во время кризиса 2009 г. доля импорта продукции из стали из России выросла почти до 9%, затем резко снизилась – до менее 1%.

К 2012 г. по сравнению с 2008 г. средняя цена продукции из стали на мировом рынке сократилась на 16%, цена импорта в Китай – на 14%, цена импорта в КНР из России – на 80%. Как показывает статистика, в целом в Китай импортировалась продукция из стали по цене ниже среднемировой. Самыми низкими ценами продукции из стали характеризовались поставки из Японии, Республики Корея, Тайваня, а также России и Казахстана. Низкая цена первых трех стран-поставщиков объясняется особенностями внутрифирменной торговли, остальных – спецификой контрактных поставок.

ИМПОРТ СЫРЬЕВЫХ ТОВАРОВ В КНР: РЕГРЕССИОННЫЙ АНАЛИЗ

Для оценки влияния мер макроэкономической политики на физические объемы импорта сырьевых товаров необходимо ввести показатель, отражающий динамику отношений цены импорта определенного товара к его мировой цене. Этот показатель будет пониматься как индекс цен импорта. Оценка изменения физического объема импорта КНР от динамики курса юаня будет осуществляться в два этапа. На первом этапе будет найдена зависимость между индексом цен импорта и курсом юаня к доллару США (1); на втором – между физическим объемом импорта и индексом цен импорта (2). Оценки будут получены для импорта сырьевых товаров в целом в Китай и импорта из России в КНР.

Для оценки воздействия динамики курса юаня на физический объем импорта сырьевых товаров в КНР использовались следующие уравнения:

$$\ln p_n = A_n + \alpha_1 \ln RATE_n + \alpha_2 \ln X_n + DUMMY + \varepsilon_n, \quad (1)$$

$$\ln Q_n = B_n + \beta_1 \ln p_n + \beta_2 \ln X_n + DUMMY + \varepsilon_n, \quad (2)$$

где n – товарная группа импорта; Q – физический объем импорта; p – индекс цены импорта; $RATE$ – курс юаня к доллару США; X – показатели, характеризующие внутренние цены, производство и потребление КНР; $DUMMY$ – фиктивные переменные ($M1-M12$ – месячные данные, FK – финансовый кризис, принимает значение равное единице с сентября 2008 г. по август 2009 г.); A и B – константы; α и β – значения эластичностей соответствующих регрессоров; ε – остаточный член. Стоимостные объемы и цены представлены в долларах США. Временные ряды переведены в натуральные логарифмы (\ln).

Как показывают расчеты первого этапа, ревальвация юаня действительно увеличивает индекс цен импорта (табл. 7), т. е. способствует либо росту цены импорта по отношению к мировой цене, либо поддерживает цену импорта в

случае сокращения мировой цены. Зависимость индекса цен импорта от курса юаня к доллару США наиболее значима для сырой нефти ($RATE > 2$ по модулю), наименее – для продукции из стали ($RATE < 1$ по модулю). Вероятно, в случае сырой нефти это означает, что ввиду дефицита собственных ресурсов и отсутствия близких товаров-заменителей нефти Китай вынужден поддерживать рост цен ее импорта. Для продукции из стали данная зависимость объясняется особенностями ценообразования ее импорта, осуществляемого в рамках внутрифирменной торговли.

Влияние на индекс цен импорта включенных в уравнения факторов по рассматриваемым группам товаров, кроме продукции из стали, является незначительным. Индекс цен импорта продукции из стали определяется главным образом физическими объемами данной товарной группы.

Что касается реакции индекса цен импорта сырьевых товаров в Китай из России на изменение курса юаня, то наибольшими значениями ($RATE > 2$ по модулю) характеризуются цены на уголь, сырую нефть, СПГ и железную руду, т. е. на продукцию с наименьшей добавленной стоимостью. Это приводит к тому, что Китай импортирует перечисленные сырьевые товары из России по ценам, превосходящим цены мирового рынка; при этом не создает каких-либо видимых стимулов приобретать продукцию из стали и нефтепродукты из России дороже, чем на мировом рынке, ввиду избытка данной продукции на китайском рынке.

Далее, было оценено воздействие индекса цен импорта шести сырьевых товаров на физические объемы их импорта в КНР в рамках второго этапа (табл. 8).

Как показывают расчеты, действительно, рост индекса цен импорта способствует увеличению физических объемов импорта каждой товарной группы. Однако воздействие индекса цен импорта КНР на объем импорта большинства рассматриваемых товаров является слабым ($1 < \rho$), за исключением угля.

Определяющее влияние на физические объемы импорта угля и СПГ в сторону повышения оказывает потребление электроэнергии тяжелой промышленностью КНР, нефтепродуктов – индекс цен производства; продукции из стали в сторону понижения – физический объем экспорта стали.

В соответствии с расчетами, рост индекса цен импорта способствует увеличению физических объемов импорта из России в КНР для каждого сырьевого товара. Воздействие индекса цен импорта на объем импорта большинства рассматриваемых товаров является средним ($1 < \rho < 2$), за исключением СПГ и продукции из стали. Определяющее влияние на физические объемы импорта железной руды в сторону повышения оказывает производство стали в Китае; в сторону понижения объемов импорта угля – цена экспорта угля из Китая и сезонный фактор, продукции из стали – объем китайского экспорта в Россию продукции из стали.

Таблица 7

Коэффициенты эластичности индекса цен импорта КНР в зависимости от различных факторов

Индекс цен импорта	A	RATE	QE	PE	LP	PC	CP	SP	IP	FK	M	R ²	DW
Нефть сырая (импорт в целом)	5,0	-2,41	-0,04	-	-	-	-	-	-	-	-0,02...-0,01	0,66	1,51
Нефть сырая (импорт из РФ)	5,9	-2,77	-0,05	-	-	-	-	-	-	-	-0,01...-0,02	0,70	1,72
Нефтепродукты (импорт в целом)	5,5	-1,62	-0,16	-	-	-	-	-	-	-	-0,03...-0,01	0,48	1,32
Нефтепродукты (импорт из РФ)	5,3	-1,01	-0,23	-	-	-	-	-	-	-	-0,01	0,23	1,24
Уголь (импорт в целом)	-	-1,50	-	-	-	0,44	0,3	-	-	0,01	-	0,70	1,43
Уголь (импорт из РФ)	16,9	-8,89	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,52	1,28
СПГ (импорт в целом)	-	-1,69	0,29	-	-	-	-	-	-	-0,02	-	0,44	1,59
СПГ (импорт из РФ)	-	-2,24	-	-	0,33	-	-	-	-	-	0,02	0,35	1,21
Железная руда (импорт в целом)	-	-1,94	-	-	-	-	-	0,2	-	0,03	0,01-0,02	0,58	1,28
Железная руда (импорт из РФ)	19,1	-3,52	-	-	-	-	-	-	-0,7	0,02	-	0,50	1,29
Продукция из стали (импорт в целом)	-	-0,57	-1,20	0,37	-	-	-	-	-	-	-	0,40	1,25
Продукция из стали (импорт из РФ)	-	-0,51	-	-	-	-	-	-	-	0,05	-	0,36	1,48

Примечание: $r < 10\%$ для всех регрессоров, $r < 1\%$ для регрессий в целом. A – константа, QE – объем китайского экспорта соответствующих товаров (т), PE – цена китайского экспорта соответствующих товаров (долл.), LP – производство СПГ в КНР (т), CP – производство угля в КНР (т), PC – средняя цена на коксуемый уголь в КНР (долл./т), SP – производство стали в Китае (т), IP – производство железной руды в КНР (т), M – месячные и квартальные фиктивные переменные. Для импорта СПГ расчеты велись с 2009 г., а для импорта СПГ из России – с 2011 г. Воздействие курса юаня на индекс цен импорта трубопроводного газа получилось статистически незначимым: вероятность ошибки (p-значение) намного превосходит критические значения для регрессоров и регрессий в целом. Из этого следует, что, в конечном счете, курс юаня не оказывает воздействия на физический объем импорта природного газа (по трубопроводу) в КНР. Коэффициент регрессии RATE получен с отрицательным знаком, поскольку с точки зрения эконометрических зависимостей ревальвация юаня означает уменьшение значений показателя (меньше юаней за доллар США).

Таблица 8
Коэффициенты эластичности физических объемов импорта КНР в зависимости от различных факторов

Физические объемы импорта	<i>B</i>	ρ	<i>ECH</i>	<i>QE</i>	<i>QERU</i>	<i>PE</i>	<i>SP</i>	<i>PPI</i>	<i>FK</i>	<i>M</i>	<i>R</i> ²	<i>DW</i>
Нефть сырая (импорт в целом)	16,9	0,45*	—	—	—	—	—	—	-0,01	0,003	0,33	1,77
Нефть сырая (импорт из РФ)	14,1	1,03*	—	—	—	—	—	—	—	0,08-0,13	0,30	1,30
Нефтепродукты (импорт в целом)	—	0,42****	—	—	—	—	—	3,23	—	0,02-0,05	0,39	1,56
Нефтепродукты (импорт из РФ)	12,9	1,84****	—	—	—	—	—	—	-0,05	0,02-0,03	0,35	1,42
Уголь (импорт в целом)	—	1,06*	3,03	—	—	—	—	—	—	0,20	0,76	1,21
Уголь (импорт из РФ)	40,7	1,04*	—	—	—	-3,96	—	—	—	-1,23	0,51	1,20
СПГ (импорт в целом)	—	0,75*	2,29	—	—	—	—	—	—	-0,02	0,84	1,76
СПГ (импорт из РФ)	10,9	0,26**	—	—	—	—	—	—	—	0,003	0,82	2,32
Железная руда (импорт в целом)	13,4	0,58****	—	—	—	—	0,25	—	-0,02	-0,02	0,69	1,38
Железная руда (импорт из РФ)	-20,0	1,01*	—	—	—	—	1,86	—	—	—	0,39	1,20
Продукция из стали (импорт в целом)	18,0	0,26****	—	-0,52	—	—	—	—	—	-0,10	0,33	1,27
Продукция из стали (импорт из РФ)	63,5	0,44*	—	—	-0,95**	—	—	—	—	-0,03	0,74	1,56

Примечание: $\rho < 10\%$ для всех регрессоров, $\rho < 1\%$ для регрессий в целом. *B* – константа, *ECH* – потребление электроэнергии тяжелой промышленностью КНР (кВт), *QE* – объем китайского экспорта соответствующих товаров (т), *QERU* – объем китайского экспорта в Россию соответствующих товаров (т), *PE* – цена китайского экспорта соответствующих товаров (долл.), *SP* – производство КНР стали (т), *PPI* – индекс цен производства КНР, *M* – месячные и квартальные фиктивные переменные, * – месячный лаг. Для импорта СПГ в КНР в целом расчеты велись с 2009 г., для импорта СПГ из России – с 2011 г.

На основе коэффициентов регрессий (*табл. 7–8*) были получены оценки влияния ревальвации юаня на физические объемы импорта сырьевых товаров. За анализируемый промежуток времени (2008–2012 гг.) суммарная ревальвация юаня к доллару США составила 10%, что равняется в среднем 2% в год. Исходя из предположения о сохранении данной тенденции, в качестве диапазонных значений объемов импорта сырьевых товаров в КНР были использованы значения текущей (среднегодовой) ревальвации (1 вариант) и перспективной (пятилетней) ревальвации (2 вариант) при неизменности прочих факторов (*табл. 9*).

Таблица 9

**Возможные изменения объемов импорта в Китай сырьевых товаров
в зависимости от вариантов ревальвации юаня**

Показатель	1 вариант (2%)	2 вариант (10%)
Нефть сырая (импорт в целом)	2,2	10,8
Нефть сырая (импорт из РФ)	5,7	28,5
Нефтепродукты (импорт в целом)	1,4	6,8
Нефтепродукты (импорт из РФ)	3,7	18,6
Уголь (импорт в целом)	3,2	15,9
Уголь (импорт из РФ)	18,5	92,5
СПГ (импорт в целом)	2,5	12,7
СПГ (импорт из РФ)	1,2	5,8
Железная руда (импорт в целом)	2,3	11,3
Железная руда (импорт из РФ)	7,1	35,6
Продукция из стали (импорт в целом)	0,3	1,5
Продукция из стали (импорт из РФ)	0,4	2,2

Источник: оценка автора.

В соответствии с полученными оценками можно утверждать, что ревальвация юаня в значительной степени способствует увеличению физических объемов импорта сырьевых товаров в КНР с низкой добавленной стоимостью (угля, СПГ, железной руды и сырой нефти), и незначительной – продукции с более высокой добавленной стоимостью (продукция из стали, нефтепродукты). При этом темпы роста импорта из России в КНР могут быть выше, чем импорта в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По мере увеличения масштабов китайская экономика нуждается в больших дополнительных объемах сырьевых товаров, одним из главных источников которых является импорт. Физические объемы импорта ограничиваются высокими мировыми ценами. Наибольшую зависимость китайская экономика испытывает от поставок сырой нефти, а также железной руды и угля. Проведенный анализ показал, что Китай обладает достаточными производственными мощностями для переработки сырьевых товаров, поэтому импорт товаров с более высокой добавленной стоимостью, к которым можно отнести нефтепродукты и продукцию из стали, не носит масштабного характера, по сравнению с поставками прочих сырьевых товаров. Россия является одним из основных поставщиков на китайский рынок продукции топливно-энергетического комплекса, причем объемы и доля импорта имеют тенденцию к увеличению. Проблема наращивания физических объемов импорта сырьевых товаров стала решаться мерами микроэкономической и макроэкономической политики.

Оценка регрессионных уравнений, базирующихся на данных международной статистики, показала, что при прочих равных условиях ревальвация юаня ведет к увеличению физического объема импорта сырьевых товаров. Однако определяющее влияние на физические объемы импорта угля и СПГ в сторону повышения оказывает потребление электроэнергии тяжелой промышленностью КНР, нефтепродуктов – индекс цен производства; продукции из стали в сторону понижения – физический объем экспорта стали. Ревальвация юаня способствует росту физических объемов импорта из России в Китай сырьевых товаров с низкой добавленной стоимостью (уголь, сырая нефть, железная руда), при этом темпы роста импорта из России в КНР будут выше, чем импорта в целом.

На основе расчетов были доказаны предположения о влиянии мер макроэкономической политики КНР на изменение физических объемов импорта сырьевых товаров КНР. Однако вектор этих изменений определяется видом и страной происхождения товара, а также конъюнктурными факторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Изотов Д.А.* Внешнеторговое сотрудничество России с Восточной Азией // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 9. С. 24–40.
2. *Изотов Д.А.* Северо-Восток Китая в условиях мирового кризиса // Экономика региона. 2010. № 4. С. 229–234.
3. *Коржубаев А.Г.* Взаимно дополнить друг друга // Нефть России. 2011. № 4. С. 108–111.

4. *Adibi S.* Development Constraints Limit Turkmen Gas Export Options // *Oil & Gas Journal*. 2010. Vol. 108. № 15. Pp. 25–30.
5. BP Statistical Review of World Energy June 2013. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/statistical-review/statistical_review_of_world_energy_2013.pdf (дата обращения: сентябрь 2013).
6. CEIC Data. URL: <http://www.ceicdata.com/> (дата обращения: август 2013).
7. *Chen K.C., Chen S., Wu L.* Price Causal Relations Between China and the World Oil Markets // *Global Finance Journal*. 2009. Vol. 20. № 2. Pp. 107–118.
8. Country Analysis Briefs. Turkmenistan. 2012. URL: <http://www.eia.gov/countries/analysisbriefs/cabs/Turkmenistan/pdf.pdf> (дата обращения: сентябрь 2013).
9. Global Economic Monitor (GEM) Commodities. URL: <http://databank.worldbank.org/data/home.aspx> (дата обращения: октябрь 2013).
10. *Izotov D.A.* RMB Appreciation and Trade between Russia and China // *US/China Public Administration*. 2012. Vol. 9. № 11. Pp.1311–1325.
11. *Kaplinsky R.* Revising the Revisited Terms of Trade: Will China Make a Difference? // *World Development*. 2006. Vol. 34. № 6. Pp. 981–995.
12. *Leung G.* China's Oil Use, 1990–2008 // *Energy Policy*. 2010. Vol. 38. № 2. Pp. 932–944.
13. *Li R., Leung G.* The Integration of China into the World Crude Oil Market since 1998 // *Energy Policy*. 2011. Vol. 39. № 9. Pp. 5159–5166.
14. *Li Y., Bai F.* A Policy Study Examining the Use of Imported LNG for Gas-Fired Power Generation on the Southeast Coast of China // *Energy Policy*. 2010. Vol. 38. № 2. Pp. 896–901.
15. *Lin B., Liu J., Yang Y.* Impact of Carbon Intensity and Energy Security Constraints on China's Coal Import // *Energy Policy*. 2012. Vol. 48. Pp. 137–147.
16. *Lin B., Wang T.* Forecasting Natural Gas Supply in China: Production Peak and Import Trends // *Energy Policy*. 2012. Vol. 49. Pp. 225–233.
17. *Liou M., Peng S., Yang C.* RMB Revaluation and China's Trade: Does RMB Have Limited Effect on China's Surplus? China Trade Research Group Working Paper Series. Working Paper 2012–001. URL: <http://econ.ccu.edu.tw/graduate/20120423.pdf> (дата обращения: август 2013).
18. *Ma L., Fu F., Li Z., Liu P.* Oil Development in China: Current Status and Future Trends // *Energy Policy*. 2012. Vol. 45. Pp. 43–53.
19. *Nan Y., Gao Y.* Statistical and Econometric Analysis of the Impact of China's Energy, Environment on the Economic Development // *Energy Procedia*. 2011. Vol. 39. Pp. 2358–2362.
20. OPEC Annual Statistical Bulletin 2013. URL: http://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB2013.pdf (дата обращения: август 2013).
21. *Peng W.* Coal Sector Reform and its Implications for the Power Sector in China // *Resources Policy*. 2011. Vol. 36. № 1. Pp. 60–71.
22. *Pustov A., Malanichev A., Khabotilov I.* Long-term Iron Ore Price Modeling: Marginal Costs Vs. Incentive Price // *Resources Policy*. 2013. Vol. 38. № 4. Pp. 558–567.
23. *Roberts I., Rush A.* Understanding China's Demand for Resource Imports // *China Economic Review*. 2012. Vol. 23. № 3. Pp. 566–579.
24. *Shen L., Gao T., Cheng X.* China's Coal Policy since 1979: A Brief Overview // *Energy Policy*. 2012. Vol. 40. Pp. 274–281.
25. *Shi G., Jing Y., Wang S., Zhang X.* Development Status of Liquefied Natural Gas Industry in China // *Energy Policy*. 2010. Vol. 38. Pp. 7457–7465.
26. Steel Statistical Yearbook 2012. Economics committee, Brussels, 2012. URL:

<http://www.worldsteel.org/dms/internetDocumentList/bookshop/Steel-Statistical-Yearbook-2012/document/Steel%20Statistical%20Yearbook%202012.pdf> (дата обращения: август 2013).

27. *Tang X., Zhang B., Feng L., Snowden S., Höök M.* Net Oil Exports Embodied in China's International Trade: An Input-Output Analysis // *Energy*. 2012. Vol. 48. № 1. Pp. 464–471.

28. *Trüby J.* Strategic Behaviour in International Metallurgical Coal Markets // *Energy Economics*. 2013. Vol. 36. Pp. 147–157.

29. UNCTADstat. URL: <http://unctadstat.unctad.org/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: август 2013).

30. *Walls W.D.* Petroleum Refining Industry in China // *Energy Policy*. 2010. Vol. 38. Pp. 2110–2115.

31. *Wang J., Feng L., Tverberg G.E.* An Analysis of China's Coal Supply and its Impact on China's Future Economic Growth // *Energy Policy*. 2013. Vol. 57. Pp. 542–551.

32. *Wang J., Feng L., Zhao L., Snowden S.* China's Natural Gas: Resources, Production and its Impacts // *Energy Policy*. 2013. Vol. 55. Pp. 690–698.

33. *Whalley J., Wang L.* The Impacts of Renminbi Appreciation on Trade Flows and reserve Accumulation in a Monetary Trade Model // *Economic Modelling*. 2011. Vol. 28. Pp. 614–621.

34. *Wilson J.D.* Chinese Resource Security Policies and the Restructuring of the Asia-Pacific Iron ore Market // *Resources Policy*. 2012. Vol. 37. № 3. Pp. 331–339.

35. World Steel in Figures 2013. URL: <http://www.worldsteel.org/dms/internetDocumentList/bookshop/Word-Steel-in-Figures-2013/document/World%20Steel%20in%20Figures%202013.pdf> (дата обращения: август 2013).

36. *Zhang C., Chen X.* The Impact of Global Oil Price Shocks on China's Bulk Commodity Markets and Fundamental Industries // *Energy Policy*. 2013. <http://dx.doi.org/10.1016/j.enpol.2013.09.067>.

37. *Zhang Q.* The Impact of International Oil Price Fluctuation on China's Economy // *Energy Procedia*. 2011. Vol. 5. Pp. 1360–1364.

RAW MATERIALS MARKET OF CHINA

Izotov D.A.

Izotov Dmitry Alexandrovich – Ph.D. in Economics, Senior Research Fellow. The Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: izotov@ecrin.ru.

Deficit of raw materials is becoming an important concern for the Chinese economy as it continues to grow. This deficit is amended with imports, which – in their own turn – are limited by the high level of global prices. The build-up issue of raw materials imports is going to solve by the measures of monetary policy (RMB's revaluation against the USD). Analysis of China's market of raw materials reveals that the largest increase in the physical volume of imports is concentrated in crude oil, LNG, iron ore and coal. As for Russia, its supplies and share in total Chinese imports of raw materials tend to increase. Author employs regression equations based on international statistics data to show that RMB's revaluation, *ceteris paribus*, increases physical volumes of raw materials imports. However, the main factor of coal and LNG imports growth is energy consumption by Chinese heavy industry; imports of oil products – producers' prices; meanwhile imports of steel products tend to decrease

with the growth of steel exports. RMB's revaluation increases physical volumes of imports of low value added raw materials from Russia (coal, crude oil, iron ore).

Keywords: import, RMB's revaluation, price, crude oil, oil products, LNG, coal, iron ore, steel, China, Russia.

REFERENCES

1. Izotov D.A. Russia's Trade and Economic Cooperation with the Countries of East Asia. *Rossiyskiy Vneshneekonomicheskii Vestnik* [Russian Foreign Economy Bulletin], 2013, no. 9, pp. 24–40. (In Russian).
2. Izotov D.A. Northeast China's Economy under the World Financial Crisis. *Ekonomika regiona* [Regional Economy], 2010, no. 4, pp. 229–234. (In Russian).
3. Korzhubayev A.G. Mutually Complement Each Other. *Neft Rossii* [Oil of Russia], 2011, no. 4, pp.108–111. (In Russian).
4. Adibi S. Development Constraints Limit Turkmen Gas Export Options. *Oil & Gas Journal*, 2010, vol. 108, no. 15, pp. 25–30.
5. *BP Statistical Review of World Energy June 2013*. Available at: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/statistical-review/statistical_review_of_world_energy_2013.pdf (accessed September 2013).
6. *CEIC Data*. Available at: <http://www.ceicdata.com/> (accessed August 2013).
7. Chen K.C., Chen S., Wu L. Price causal relations between China and the world oil markets. *Global Finance Journal*, 2009, vol. 20, no. 2, pp. 107–118.
8. *Country Analysis Briefs. Turkmenistan. 2012*. Available at: <http://www.eia.gov/countries/analysisbriefs/cabs/Turkmenistan/pdf.pdf> (accessed September 2013).
9. *Global Economic Monitor (GEM) Commodities*. Available at: <http://databank.worldbank.org/data/home.aspx> (accessed October 2013).
10. Izotov D.A. RMB Appreciation and Trade between Russia and China. *US/China Public Administration*, 2012, vol. 9, no. 11, pp.1311–1325.
11. Kaplinsky R. Revising the Revisited Terms of Trade: Will China Make a Difference? *World Development*, 2006, vol. 34, no. 6, pp. 981–995.
12. Leung G. China's Oil Use, 1990–2008. *Energy Policy*, 2010, vol. 38, no. 2, pp. 932–944.
13. Li R., Leung G. The Integration of China into the World Crude Oil Market since 1998. *Energy Policy*, 2011, vol. 39, no. 9, pp. 5159–5166.
14. Li Y., Bai F. A Policy Study Examining the Use of Imported LNG for Gas-Fired Power Generation on the Southeast Coast of China. *Energy Policy*, 2010, vol. 38, no. 2, pp. 896–901.
14. Lin B., Liu J., Yang Y. Impact of Carbon Intensity and Energy Security Constraints on China's Coal Import. *Energy Policy*, 2012, vol. 48, pp. 137–147.
16. Lin B., Wang T. Forecasting Natural Gas Supply in China: Production Peak and Import Trends. *Energy Policy*, 2012, vol. 49, pp. 225–233.
17. Liou M., Peng S., Yang C. *RMB Revaluation and China's Trade: Does RMB Have Limited Effect on China's Surplus?* China Trade Research Group Working Paper Series. Working Paper 2012–001. Available at: <http://econ.ccu.edu.tw/graduate/20120423.pdf> (accessed August 2013).
18. Ma L., Fu F., Li Z., Liu P. Oil Development in China: Current Status and Future Trends. *Energy Policy*, 2012, vol. 45, pp. 43–53.
19. Nan Y., Gao Y. Statistical and Econometric Analysis of the Impact of China's Energy, Environment on the Economic Development. *Energy Procedia*, 2011, vol. 39, pp. 2358–2362.

20. *OPEC Annual Statistical Bulletin 2013*. Available at: http://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB2013.pdf (accessed August 2013).
21. Peng W. Coal Sector Reform and its Implications for the Power Sector in China. *Resources Policy*, 2011, vol. 36, no. 1, pp. 60–71.
22. Pustov A., Malanichev A., Khobotilov I. Long-term Iron Ore Price Modeling: Marginal Costs Vs. Incentive Price. *Resources Policy*, 2013, vol. 38, no. 4, pp. 558–567.
23. Roberts I., Rush A. Understanding China's Demand for Resource Imports. *China Economic Review*, 2012, vol. 23, no. 3, pp. 566–579.
24. Shen L., Gao T., Cheng X. China's Coal Policy since 1979: A Brief Overview. *Energy Policy*, 2012, vol. 40, pp. 274–281.
25. Shi G., Jing Y., Wang S., Zhang X. Development Status of Liquefied Natural Gas Industry in China. *Energy Policy*, 2010, vol. 38, pp. 7457–7465.
26. *Steel Statistical Yearbook 2012*. Economics committee, Brussels, 2012. Available at: <http://www.worldsteel.org/dms/internetDocumentList/bookshop/Steel-Statistical-Yearbook-2012/document/Steel%20Statistical%20Yearbook%202012.pdf> (accessed August 2013).
27. Tang X., Zhang B., Feng L., Snowden S., Hуuk M. Net Oil Exports Embodied in China's International Trade: An Input–Output Analysis. *Energy*, 2012, vol. 48, no. 1, pp. 464–471.
28. Trüby J. Strategic Behaviour in International Metallurgical Coal Markets. *Energy Economics*, 2013, vol. 36, pp. 147–157.
29. *UNCTADstat*. Available at: <http://unctadstat.unctad.org/ReportFolders/reportFolders.aspx> (accessed August 2013).
30. Walls W.D. Petroleum Refining Industry in China. *Energy Policy*, 2010, vol. 38, pp. 2110–2115.
31. Wang J., Feng L., Tverberg G.E. An analysis of China's Coal Supply and its Impact on China's Future Economic Growth. *Energy Policy*, 2013, vol. 57, pp. 542–551.
32. Wang J., Feng L., Zhao L., Snowden S. China's Natural Gas: Resources, Production and its Impacts. *Energy Policy*, 2013, vol. 55, pp. 690–698.
33. Whalley J., Wang L. The Impacts of Renminbi Appreciation on Trade Flows and reserve Accumulation in a Monetary Trade Model. *Economic Modelling*, 2011, vol. 28, pp. 614–621.
34. Wilson J.D. Chinese Resource Security Policies and the Restructuring of the Asia-Pacific Iron ore Market. *Resources Policy*, 2012, vol. 37, no. 3, pp. 331–339.
35. *World Steel in figures 2013*. Available at: <http://www.worldsteel.org/dms/internetDocumentList/bookshop/Word-Steel-in-Figures-2013/document/World%20Steel%20in%20Figures%202013.pdf> (accessed August 2013).
36. Zhang C., Chen X. The Impact of Global Oil Price Shocks on China's Bulk Commodity Markets and Fundamental Industries. *Energy Policy*, 2013. Available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.enpol.2013.09.067>.
37. Zhang Q. The Impact of International Oil Price Fluctuation on China's Economy. *Energy Procedia*, 2011, vol. 5, pp. 1360–1364.

УДК 338.45 :620.9 (571.5)

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ СТРУКТУРЫ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО БАЛАНСА (на примере Байкальского региона)

Б.Г. Санеев, А.Д. Соколов, С.Ю. Музычук, Р.И. Музычук

Санеев Борис Григорьевич – доктор технических наук, профессор, заместитель директора Института систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН, ул. Лермонтова, 130, Иркутск, Россия, 664033. E-mail: bg_saneev@isem.sei.irk.ru.

Соколов Александр Данилович – доктор технических наук, доцент, заведующий лабораторией, Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН, ул. Лермонтова, 130, Иркутск, Россия, 664033. E-mail: sokolov@isem.sei.irk.ru.

Музычук Светлана Юрьевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН, ул. Лермонтова, 130, Иркутск, Россия, 664033. E-mail: muz@isem.sei.irk.ru.

Музычук Роман Игоревич – ведущий инженер, Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН, ул. Лермонтова, 130, Иркутск, Россия, 664033. E-mail: rmuz@isem.sei.irk.ru.

Приведен методический подход к оценке показателей энергоэффективности экономики региона на основе топливно-энергетического баланса (ТЭБ). Методический подход опробован на примере Байкальского региона. Прогнозные оценки основаны на допущениях и ограничениях инновационного сценария развития региона. Структурные изменения ТЭБ Байкальского региона, прогнозируемые на период до 2030 г., приведут к значительному улучшению показателей энергоэффективности экономики: энергоемкость ВРП за период 2010–2030 гг. снизится в 1,5 раза, электро- и теплоемкость – в 1,9 раза, на 3–5 п. п. увеличатся коэффициенты полезного использования топливно-энергетических ресурсов, что позволит за период до 2030 г. сэкономить около 20 млн т у. т. (около 210 млрд руб. в ценах 2011 г.).

Методический подход, энергоэффективность, экономика, энергопотребление, топливно-энергетический комплекс, топливно-энергетический баланс, Байкальский регион.

© Санеев Б.Г., Соколов А.Д., Музычук С.Ю., Музычук Р.И., 2013
Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РФФИ № 12-08-98023-р_сибирь_a.

ВВЕДЕНИЕ

Экономика России отличается высокой энергоемкостью, которая в 2,5 раза выше среднемирового уровня и в 2,5–3,5 раза выше, чем в развитых странах [5], что свидетельствует о низкой эффективности использования в стране топливно-энергетических ресурсов (ТЭР).

В последние годы большое внимание уделяется повышению энергоэффективности российской экономики, на это направлены многие директивные документы федерального уровня [12; 16], в которых поставлена задача снижения уровня энергоемкости ВВП России к 2020–2030 гг. не менее чем на 40% по сравнению с современным уровнем, что может быть достигнуто за счет формирования рациональной структуры топливно-энергетического баланса (ТЭБ). Топливо-энергетические балансы дают наиболее полную и целостную информацию о состоянии топливно-энергетического комплекса (ТЭК) региона, объединяют балансы производства и потребления отдельных видов топливно-энергетических ресурсов. На основе топливно-энергетических балансов определяются показатели энергоэффективности экономики.

Методический подход к системной оценке показателей энергоэффективности экономики региона на основе топливно-энергетических балансов разработан в ИСЭМ СО РАН [14]. В соответствии с этим подходом сформированные прогнозные ТЭБ анализируются, и на их основе оценивается эффективность использования энергоресурсов на стадии производства, преобразования и их конечного потребления, выполняются стоимостные оценки, с помощью которых можно выявить различные структурные и ценовые диспропорции в развитии ТЭК региона, влияющие на энергоэффективность экономики.

Объектом настоящих исследований является ТЭК Байкальского региона и оценка влияния изменения структуры ТЭБ на энергоэффективность его экономики в перспективе до 2030 г. Три субъекта Российской Федерации – Республика Бурятия, Забайкальский край и Иркутская область, находящиеся в границах Байкальской природной территории, образуют Байкальский регион [11].

Топливо-энергетический комплекс, как основа экономики, играет важнейшую роль в обеспечении необходимых условий для осуществления хозяйственной деятельности. Однако показатели энергоэффективности экономики Байкальского региона в настоящее время находятся на низком уровне, и для того, чтобы их улучшить, необходимо значительно изменить структуру топливно-энергетического баланса, ориентированного в основном на уголь.

В перспективе структурные изменения топливно-энергетического балан-

са, происходящие при развитии ТЭК Байкальского региона, будут направлены на:

- увеличение доли нефти и газа в приходной части баланса;
- снижение доли угля, нефтепродуктов и увеличение доли газа в расходной части баланса;
- увеличение объемов переработки угля, нефти, газа.

Изменения структуры ТЭБ окажут значительное влияние на социально-экономическое развитие Байкальского региона за счет более эффективного и рационального использования топливно-энергетических ресурсов.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО БАЛАНСА РЕГИОНА

В последнее время многими российскими и зарубежными учеными (А.А. Макаров, И.А. Башмаков, А.С. Некрасов, Б.Г. Баранник, Н.В. Калинина, С.П. Филиппов, И.П. Мамий, Е.С. Андрющенко, В.Н. Чурашев, Е.В. Любимова и др.) проводятся исследования, направленные на развитие теории топливно-энергетических балансов и ее практическое применение для разных стран и регионов [1–4; 6–8; 10; 15; 17].

Методология прогнозирования развития ТЭК и формирования ТЭБ региона, ранее разработанная в ИСЭМ СО РАН с непосредственным участием авторов [9, с. 59–66], была усовершенствована с учетом последних достижений в этой области и сформирован методический подход к системной оценке показателей энергоэффективности экономики восточных регионов России на основе ТЭБ. Методический подход базируется на использовании программно-вычислительного комплекса (ПВК) «ТЭБ Сибири и Дальнего Востока» [14], который состоит из двух взаимосвязанных компонент: информационно-справочной системы (ИСС) и системы моделей.

Первая компонента ПВК «ТЭБ Сибири и Дальнего Востока» – ИСС используется для повышения эффективности процесса исследования развития ТЭК регионов. Назначение ИСС как системы поддержки принятия решений – обеспечивать интерфейс доступа к данным, которые представляются в форме, определенной пользователем и удобной для анализа (таблицы, графики, диаграммы), т. е. инструментарий подготовки данных для лица, принимающего решение.

Второй компонентой ПВК «ТЭБ Сибири и Дальнего Востока» является система моделей, объединяющая модели балансов котельно-печного топлива (КПТ) и сводных топливно-энергетических балансов. Кроме того, входящей информацией для моделей баланса КПТ и ТЭБ является информация, поступающая из моделей более высокого иерархического уровня (*рис. 1*). В

случае, если приходные и расходные статьи в прогнозных моделях баланса КПП и ТЭБ не балансируются, в действие вступают обратные связи с другими моделями, и в результате выполнения одной-двух итераций статьи балансируются.

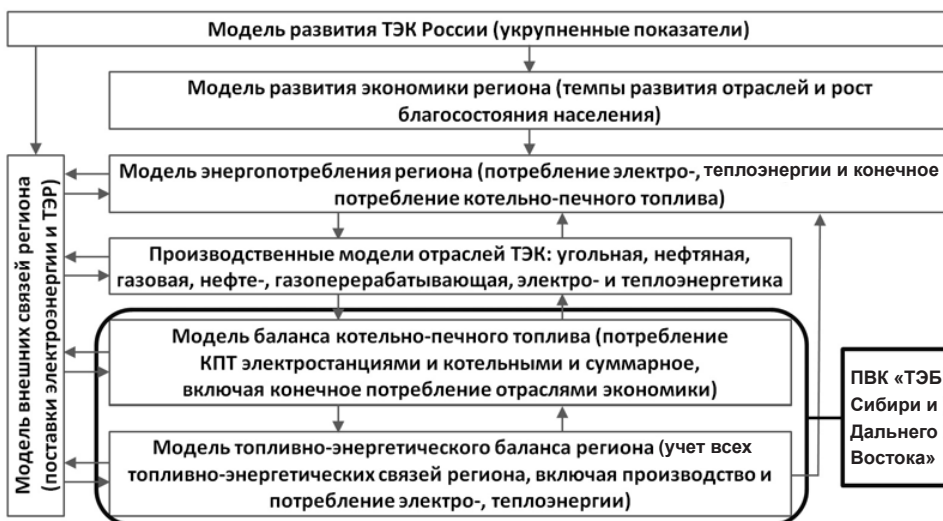

Рис. 1. Система моделей для прогнозирования развития ТЭК региона и формирования топливно-энергетических балансов

Сценарии развития ТЭК формируются в соответствии со сценариями социально-экономического развития. Каждый сценарий развития ТЭК, в зависимости от особенностей региона, может иметь несколько вариантов энергообеспечения (рис. 2).

Рис. 2. Формирование сценариев развития ТЭК

В ПВК модели ТЭБ строятся по территориально-отраслевому принципу, для регионов (субъектов РФ на востоке России) с выделением отраслей ТЭК (угольной, газовой, нефтяной, газо-, нефтеперерабатывающей и др.) и

имеют блочную структуру: производство ТЭР, их энергетическое и конечное потребление, поставки.

Блоки взаимосвязаны между собой матрицей удельных расходов топлива на производство энергоносителей. Удельные расходы топлива для производства электро-, теплоэнергии на тепловых электростанциях (ТЭС) и котельных на перспективу рассчитываются с учетом внедрения инновационных, наукоемких решений, а также возможного перевода ряда энергогенерирующих источников с угля на более высококачественные виды топлива (в первую очередь на природный газ). Прогнозный расход КПП в конечном потреблении определяется с учетом прогноза социально-экономического развития. Рассчитанные расходы КПП заносятся в соответствующие статьи топливно-энергетического баланса.

Уравнения модели описывают технологическую цепочку преобразования ТЭР от их добычи до конечного потребления (с учетом обратных связей и ресурсных ограничений), тем самым обеспечивается баланс производства и потребления каждого из их видов.

По мере получения частных монобалансов энергоресурсов подсистема формирует сводные ТЭБ региона. Наиболее предпочтительный (рациональный) сценарий выявляется на основе интегральной оценки всех критериальных показателей, путем их ранжирования.

Данные сводного ТЭБ используются и для системной оценки ключевых параметров макроэкономического развития – уровней энергообеспеченности и энергоэффективности экономики. Основным показателем энергоэффективности является удельная энергоемкость экономики, которая определяется как отношение объема первичных топливно-энергетических ресурсов, потребленных во всех производственных и непроизводственных сферах экономики региона, к величине валового регионального продукта (ВРП). Установившаяся динамика снижения энергоемкости ВРП при одновременном увеличении энергопотребления определяет тенденцию экономического роста региона. Кроме показателя энергоемкости, для анализа энергоэффективности экономики используются показатели электро- и теплоемкости ВРП. С помощью этих показателей, рассчитанных за определенный период времени, можно выявить тенденции энергоэффективности как энергетических объектов, так и экономики региона в целом, а также определить возможные резервы энергосбережения.

Разработанный инструментарий позволяет оперативно оценить эффективность использования топливно-энергетических ресурсов на основе ТЭБ. Для этого рассчитываются коэффициенты полезного использования топливно-энергетических ресурсов (КПИТЭР) для разных статей баланса: конечного потребления, процессов преобразования, электростанций и котельных,

с помощью которых можно определить возможные резервы энергосбережения. Рост этих коэффициентов свидетельствует о повышении уровня использования топливно-энергетических ресурсов.

Дополнительно к определению показателей энергоэффективности проводится стоимостная оценка ТЭБ, которая необходима для финансового анализа протекающих в экономике региона процессов и для регулирования механизмов ценообразования на региональных энергетических рынках.

Стоимостная оценка ТЭБ выполняется «наложением» фиксированных на определенный период или прогнозных цен производителей и потребителей на соответствующие статьи баланса и позволяет определить полные финансовые затраты на энергоснабжение потребителей, доходы от экспорта и расходы на приобретение топливно-энергетических ресурсов, а также выявить различные структурные и ценовые диспропорции в развитии ТЭК региона.

Сравнительный анализ показателей стоимостной оценки топливно-энергетического баланса позволяет выявить вариант развития ТЭК региона с большей экономической эффективностью: по стоимости добычи (производства) энергоресурсов; по стоимости их поставок за пределы региона; по более рациональной структуре производства электро-, теплоэнергии и конечного потребления ТЭР.

Для наиболее предпочтительного сценария определяются структура производства, ввоза, вывоза, конечного потребления топливно-энергетических ресурсов на исследуемую перспективу. Анализируются факторы, оказывающие наиболее сильное влияние на энергоэффективность экономики региона, определяется степень их влияния.

ВЛИЯНИЕ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО БАЛАНСА НА ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ ЭКОНОМИКИ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Роль Байкальского региона в важнейших макроэкономических показателях России в настоящее время невелика: вклады Байкальского региона в ВВП страны и в производство промышленной продукции составили 1,9 %, в общероссийских инвестициях – 2,1%, в основных фондах экономики – 2,8% (табл. 1).

Энергоемкость ВРП Байкальского региона в 2010 г. на 53,3% выше среднероссийской, чему способствует как более суровый климат региона, так и наличие здесь высокоэнергоемких производств и в некоторых случаях технологическое отставание объектов ТЭК.

Таблица 1

Макроэкономическая характеристика Байкальского региона, 2011 г.

Показатель	Россия	СФО	Байкаль- ский регион	Доля от России/ СФО
ВВП (ВРП)*, трлн руб.	45,2	4,1	0,8	1,9/19,5
Энергоемкость ВВП (ВРП)*, кг у. т./тыс. руб.	18,0	31,4	27,6	153,3/87,9
Объем промышленной продукции, трлн руб.	35,1	4,1	0,7	2,0/17,1
Основные фонды экономики, трлн руб.	108,0	10,3	3,1	2,8/30,1
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	10 776,8	1214,7	230,6	2,1/19,0

Примечание: * ВРП – 2010 г.

Источники: [13]; форма статистической отчетности 4-ТЭР.

Основными проблемами, ограничивающими развитие ТЭК Байкальского региона, являются:

- большая доля физически изношенного и морально устаревшего оборудования в отраслях ТЭК (48–67%);
- низкая эффективность использования топливно-энергетических ресурсов (КПИТЭР в регионе на 5–9 п. п. ниже среднероссийских показателей);
- низкие показатели энергоэффективности экономики (электроемкость ВРП Байкальского региона в 3,6 раза превышает среднероссийский уровень, теплоемкость ВРП – в 2,5 раза, энергоемкость ВРП – более чем в 1,5 раза);
- преобладание в балансе котельно-печного топлива бурого, низкокалорийного угля, что ухудшает экологию и качество жизни населения;
- низкие темпы вовлечения в хозяйственный оборот углеводородных ресурсов (уровень газификации в Байкальском регионе является крайне низким – около 6%, в то время как в среднем по России – более 63%, а в западных регионах страны еще выше);
- зависимость энергообеспечения потребителей изолированных районов от сезонного завоза энергоресурсов.

Сводный топливно-энергетический баланс позволяет получить наиболее полное представление о состоянии ТЭК Байкальского региона в 2011 г. (табл. 2).

Стоимостная оценка ТЭБ показала, что полные финансовые затраты в энергоснабжение потребителей Байкальского региона в 2011 г. составили около 185 млрд руб., доходы от экспорта – около 200 млрд руб. и расходы на приобретение топливно-энергетических ресурсов (на производство электро-, теплоэнергии) – около 40 млрд руб.

Таблица 2

Сводный топливно-энергетический баланс Байкальского региона, млн т у. т., 2011 г.

Статья баланса	Уголь и продукты переработки	Нефть и нефтепродукты	Газ и продукты переработки	Прочие виды твердого топлива	ГЭС	Электроэнергия	Теплоэнергия	Итого
Производство ТЭР	19,1	9,0	0,6	2,3	5,8			36,9
Ввоз ТЭР	1,6	14,3						15,9
Вывоз ТЭР	-4,5	-18,2				-0,3		-23,0
<i>Всего первичных ТЭР</i>	16,2	5,2	0,6	2,3	5,8	-0,3		29,8
<i>Преобразование первичной энергии</i>	-14,7	-1,0	-0,6	-2,1	-5,8	7,7	7,3	-9,2
Производство электро-, теплоэнергии на ТЭС	-12,4	-0,1		-1,3		3,1	5,3	-5,3
Производство электроэнергии на ГЭС					-5,8	5,8		
Производство теплоэнергии в котельных	-2,3	-0,4	-0,2	-0,8			2,8	-0,9
Производство теплоэнергии в электрокотельных						-0,1	0,1	-0,01
Нефтепереработка		-0,3						-0,3
Собственные нужды и потери ТЭР		-0,3	-0,5			-1,1	-0,9	-2,7
<i>Конечное потребление ТЭР</i>	-1,5	-4,2	-0,01	-0,2		-7,4	-7,3	-20,6

Источники: рассчитано по формам статистической отчетности: 1-натура, 24-энергетика, 6-ТП, 4-ТЭР, 11-ТЭР.

В результате анализа конечного потребления топливно-энергетических ресурсов и его стоимостной оценки выявлены следующие структурные и ценовые диспропорции:

- преобладающими видами ТЭР являются электро-, теплоэнергия и в меньшей степени нефтепродукты и уголь (рис. 3а), что свидетельствует о высокой электро-, теплоемкости конечного потребления;

- в стоимостной структуре преобладающим видом ТЭР являются нефтепродукты и электроэнергия и в меньшей степени – тепловая энергия. Уголь и прочие виды топлива в сумме составляют лишь 1,6% (рис. 3б). Различия обусловлены ценовыми факторами (высокие цены на нефтепродукты и более низкие цены на другие виды топливно-энергетических ресурсов), что свидетельствует в пользу приоритетности энергосбережения таких видов ТЭР, как нефтепродукты, электрическая и тепловая энергия, которые оказывают наиболее сильное влияние на стоимостную структуру конечного потребления в отраслях экономики.

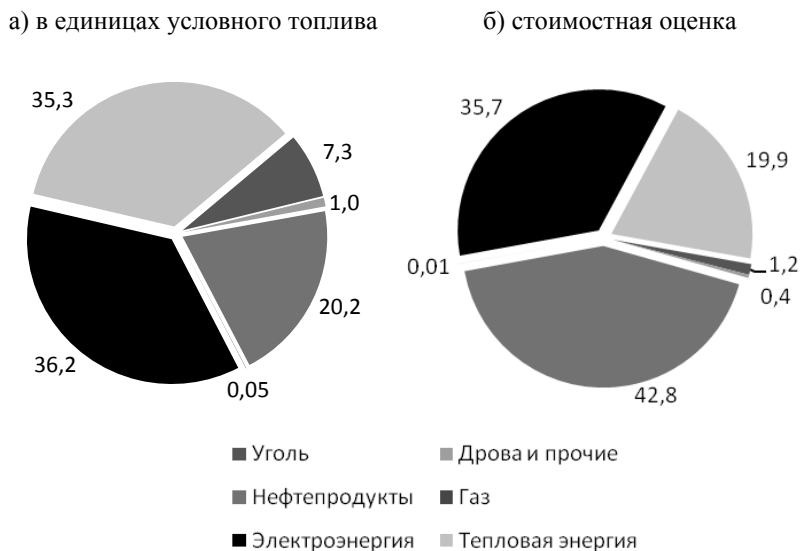

Рис. 3. Структура конечного потребления топливно-энергетических ресурсов и ее стоимостная оценка, %

Источник: рассчитано по данным таблицы 4 – Сводный ТЭБ Байкальского региона, 2011 г.

Анализ отчетного топливно-энергетического баланса Байкальского региона показал:

- несмотря на то, что производство первичных ТЭР в регионе может полностью обеспечить собственную потребность и экспортные поставки, сюда по технико-экономическим условиям завозится уголь из других регионов и нефть из Западной Сибири;
- более 65% электроэнергии в регионе производится с использованием гидроэнергии, поэтому существует большая зависимость выработки ГЭС от водного режима рек, который в разные годы может значительно изменяться;
- в структуре топливопотребления на тепловых электростанциях и котельных региона доля угля достигает 85%, а доля природного газа – менее 1%, что свидетельствует о ее нерациональности и необходимости увеличения доли высококачественных видов топлива (в первую очередь, природного газа для улучшения экологической обстановки в регионе);
- в структуре конечного потребления топливно-энергетических ресурсов суммарная доля электро-, теплоэнергии – 71,5%, в стоимостной оценке она в 1,3 раза ниже, доля нефтепродуктов, напротив, в 2,1 раза выше, что характеризует существующие в экономике ценовые и тарифные диспропорции, которые в перспективе необходимо сглаживать.

Одним из важнейших условий перехода Байкальского региона к устойчивому социально-экономическому развитию является рост энергоэффек-

тивности экономики. Особая роль в решении этой задачи отводится ТЭК в части улучшения структуры топливно-энергетического баланса.

Развитие экономики и ТЭК Байкальского региона предположительно будет проходить в три этапа:

- этап 1 (2013–2015 гг.) – ресурсно-инвестиционное развитие, предполагает преодоление последствий кризиса и наращивание объемов добычи (производства) ТЭР для перспективного развития экономики;
- этап 2 (2016–2020 гг.) – инвестиционно-инновационное обновление, предполагает продолжение реализации масштабных проектов, направленных на ускоренную модернизацию материально-технической и технологической базы ТЭК Байкальского региона;
- этап 3 (2021–2030 гг.) – инновационное развитие, предполагает получение экономического эффекта от применения новых наукоемких технологий, оборудования и принципов функционирования как самого ТЭК, так и смежных с ним отраслей.

Основные показатели развития ТЭК на период до 2030 г., соответствующие инновационному сценарию социально-экономического развития Байкальского региона, с учетом межрегиональных и экспортных поставок, приведены в таблице 3.

Таблица 3

Динамика производства (добычи) ТЭР в Байкальском регионе

Топливо-энергетический ресурс	2011	Этап 1	Этап 2	Этап 3
Электроэнергия, млрд кВт·ч	72,4	75–80	90–105	110–150
в том числе ГЭС	46,9	47–48	49–50	51–52
Тепловая энергия, млн Гкал	62,9	65–67	70–75	80–85
Уголь, млн т	34,8	37–39	40–45	45–55
Нефть, млн т	6,6	9–10	11–16	11–17
Нефтепереработка, млн т	9,8	10–11	10–12	10–12
Природный газ, всего млрд м ³	0,6	1–2	9–14	10–35

Примечание: нижняя граница диапазона соответствует базовому сценарию развития ТЭК, верхняя – инновационному.

Источники: 2011 г. – формы статистической отчетности: 1-натура, 24-энергетика, 6-ТП. Прогноз (этапы 1–3) – оценки авторов.

Перспективное развитие Байкальского региона предусматривает широкомасштабное освоение на его территории минерально-сырьевой ресурсной базы, которое будет происходить в соответствии с принципами межрегиональной кооперации по направлениям: газификация региона, добыча и переработка минерального сырья, производство и передача электроэнергии, а также развитие туризма в прибайкальской зоне и др.

За период 2011–2030 гг., при реализации инновационного сценария развития экономики и ТЭК, произойдут значительные изменения в структуре ТЭБ Байкальского региона. В приходной части баланса значительно увеличится суммарная доля углеводородов (нефти и природного газа) собственного производства: с 26% в настоящее время до 64% в перспективе (рис. 4). При этом за период 2011–2030 гг. доля угля в структуре добычи (производства) ТЭР снизится на 23 п. п., доля возобновляемых энергоресурсов, к которым относится гидроэнергия, – на 10 п. п.

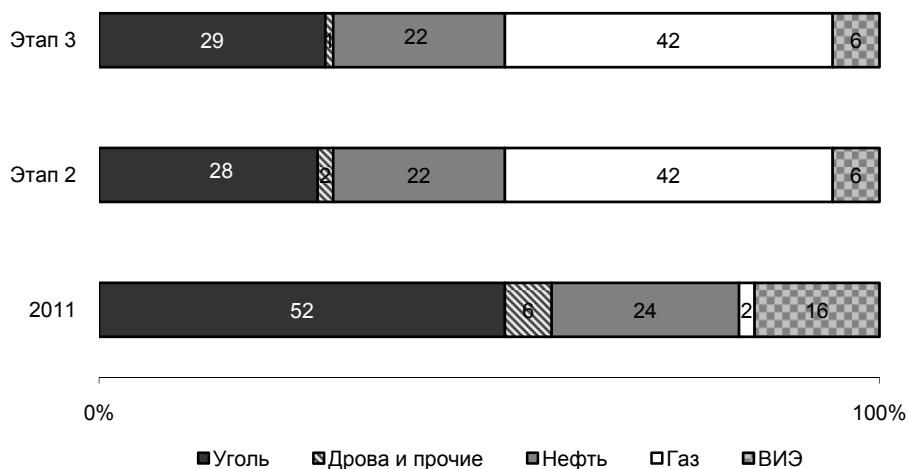

Рис. 4. Структура производства первичных топливно-энергетических ресурсов

Источник: расчеты авторов.

Приходная часть ТЭБ региона в исследуемой перспективе будет продолжать пополняться за счет поставок нефти из Западной Сибири и небольших объемов ввоза угля, однако их доля снизится в два раза – с 30% в 2011 г. до 15% в 2030 г.

В структуре поставок (экспорта) ТЭР из Байкальского региона произойдут также существенные изменения в сторону снижения доли угля и увеличения доли углеводородов. С 2011 по 2030 г. суммарная доля нефти, нефтепродуктов и природного газа увеличится на 8 п. п., доля угля снизится на 15 п. п., при этом наиболее значимо увеличится доля природного газа – на 46 п. п. (рис. 5).

Вследствие вовлечения в баланс природного газа существенно изменится и структура конечного потребления ТЭР: его доля увеличится на 18 п. п., а доля нефтепродуктов сократится на 8 п. п. Также снизятся доли угля, тепловой и электрической энергии на 3–4 п. п. (рис. 6).

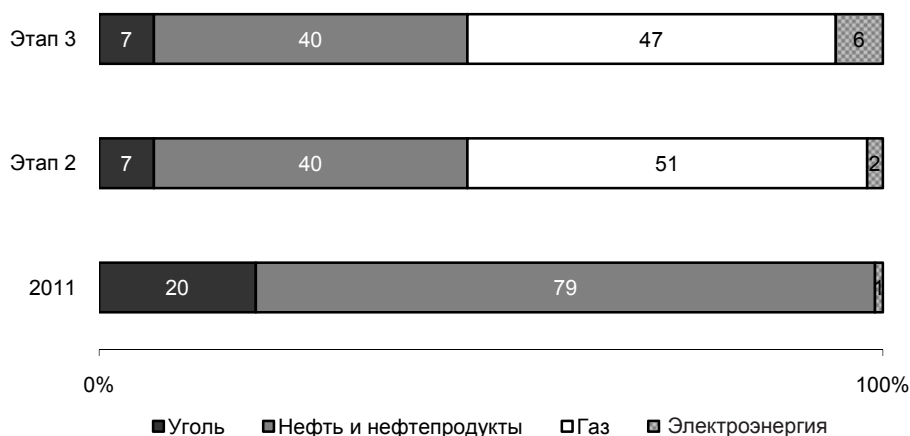

Рис. 5. Структура вывоза топливно-энергетических ресурсов

Источник: расчеты авторов.

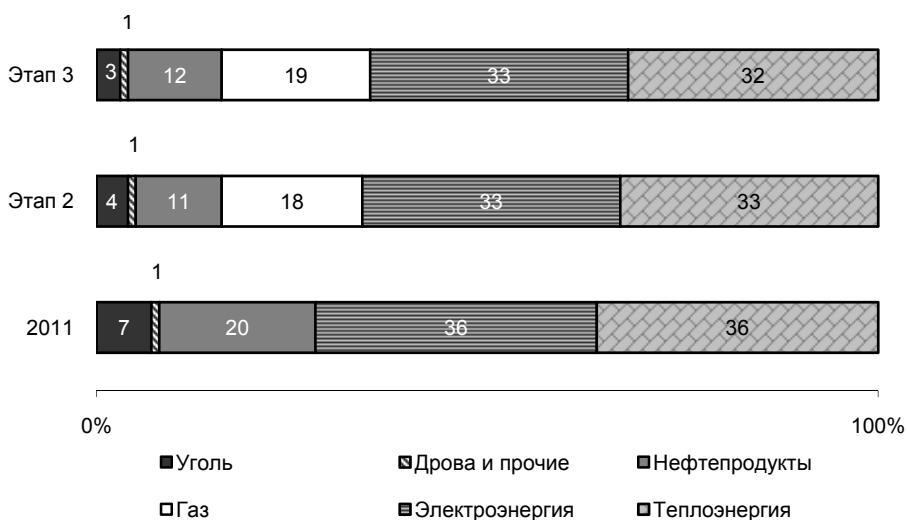

Рис. 6. Структура конечного потребления топливно-энергетических ресурсов

Источник: расчеты авторов.

Таким образом, как видно из рисунков 5–7, наиболее сильное влияние на структурные изменения топливно-энергетического баланса окажет крупномасштабное освоение в Байкальском регионе углеводородных ресурсов. Это приведет к изменениям структуры не только в приходной части ТЭБ, но и повлечет за собой изменения и в расходной части, а именно структуры вывоза и конечного потребления топливно-энергетических ресурсов.

На основе топливно-энергетических балансов выполнена системная оценка показателей энергоэффективности экономики Байкальского региона (рис. 7).

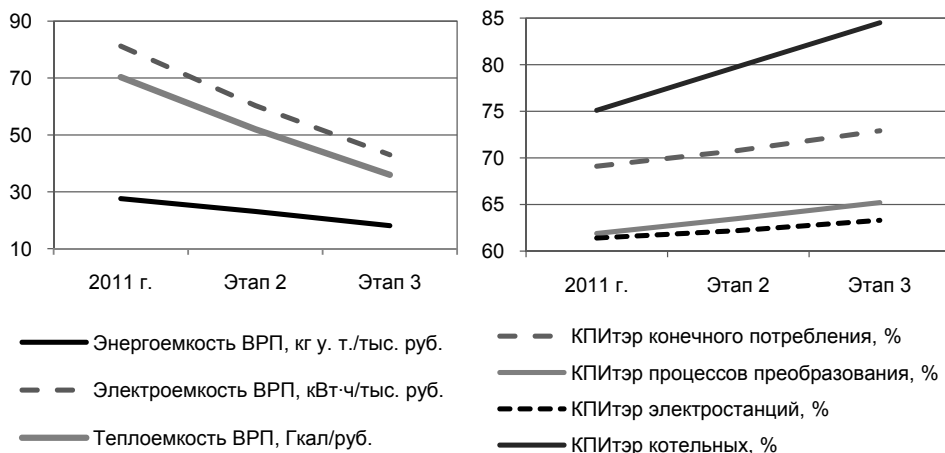

Рис. 7. Системная оценка показателей энергоэффективности Байкальского региона

Источник: расчеты авторов.

Структурные изменения ТЭБ Байкальского региона, прогнозируемые на период до 2030 г., приведут к значительному улучшению показателей энергоэффективности экономики: энергоемкость ВРП за период 2010–2030 гг. снизится в 1,5 раза, электро- и теплоемкость – в 1,9 раза, на 3–5 п. п. увеличатся коэффициенты полезного использования ТЭР, что позволит за период до 2030 г. сэкономить около 20 млн т у. т. топлива (около 210 млрд руб. в ценах 2011 г.).

Развитие ТЭК Байкальского региона по инновационному сценарию приведет к значительным структурным сдвигам в топливно-энергетическом балансе. Совершенствование структуры ТЭБ за счет улучшения использования топливно-энергетических ресурсов, роста доли газа, снижения доли угля и нефтепродуктов позволит существенно повысить энергоэффективность экономики Байкальского региона, значительно повышая конкурентоспособность производимой продукции и качество жизни населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С использованием разработанного методического подхода выполнены следующие исследования:

- рассчитан отчетный топливно-энергетический баланс Байкальского

региона и на его основе проведен системный анализ современного состояния ТЭК, выявлены основные проблемы и направления развития комплекса, способствующие росту энергоэффективности экономики;

- на основе прогноза социально-экономического развития рассчитаны перспективные (2020 г., 2030 г.) топливно-энергетические балансы Байкальского региона, учитывающие мероприятия, направленные на совершенствование структуры ТЭБ;

- определены структурные изменения приходной и расходной частей отчетного и перспективных балансов;

- выявлены наиболее значимые факторы, влияющие на структуру ТЭБ региона: рост добычи и поставок (экспорта) углеводородных ресурсов (в первую очередь природного газа), перевод на газ ряда энергогенерирующих источников (в основном мелких котельных), производство в регионе продукции с высокой степенью передела (нефтехимическое, газохимическое и другие производства), рост газификации потребителей (в первую очередь населения), частичный перевод автотранспорта на газовое топливо;

- выполнена системная оценка показателей энергоэффективности экономики на основе топливно-энергетических балансов (энерго-, электро-, теплоемкость ВРП, коэффициенты полезного использования ТЭР тепловых электростанций, котельных, процессов преобразования и конечного потребления);

- показано, что прогнозируемые к 2030 г. структурные изменения ТЭБ Байкальского региона приведут к значительному улучшению по сравнению с 2010–2011 гг. показателей энергоэффективности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андрющенко Е.С.* Теоретические подходы к формированию оптимальных топливно-энергетических балансов // Экономика и управление. 2012. № 1. С. 87–93. URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/EkUpr/2012_1/index.htm (дата обращения: 17.06.2013).

2. *Баранник Б.Г., Калинина Н.В., Абрамов Ю.В., Трибуналов С.Н.* Исследование проблем формирования перспективного топливно-энергетического баланса региона (на примере Мурманской области). Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2010. 86 с.

3. *Башмаков И.А.* Топливо-энергетический баланс как инструмент анализа, прогноза и индикативного планирования развития энергетики // Энергетическая политика. 2007. Вып. 2. С. 16–25.

4. *Гашо Е.Г., Репецкая Е.В.* Энергоэффективность как основа стратегии развития региона // Энергосбережение. 2010. № 5. С. 22–25. URL: http://www.expert.energsovet.ru/pages/files/49energsober_2010.pdf (дата обращения: 17.06.2013).

5. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Раз-

дел 5.1. Энергоэффективность в России. URL: <http://www.protown.ru/information/hide/7938.html> (дата обращения: 17.06.2013).

6. *Любимова Е.В.* Моделирование региональных топливных и энергетических балансов с учетом нескольких методик их построения для исследования сценариев развития // Прогнозирование и планирование – 2012: материалы I Междунар. заочной науч.-практ. конф., июнь 2012 года / Отв. ред. Т.И. Межуева; Биробиджанский филиал Амурского гос. ун-та. Биробиджан, 2012. С. 80–89.

7. *Макаров А.А., Филиппов С.П., Веселов Ф.В. и др.* Модельно-информационный комплекс Scaner / Институт энергетических исследований РАН. М., 2011. 72 с. URL: http://www.eriras.ru/files/skaner_light.pdf (дата обращения: 17.06.2013).

8. *Мамий И.П., Морозов В.И.* Статистическое изучение топливно-энергетического комплекса Республики Казахстан: методология и практика / Институт экономики и права Ивана Кушнера. URL: <http://www.be5.biz/ekonomika1/r2012/3146.htm> (дата обращения: 17.06.2013).

9. Методы и модели разработки региональных энергетических программ / Отв. ред. Б.Г. Санеев; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т систем энергетики им. Л.А. Мелентьева. Новосибирск: Наука, 2003. 140 с.

10. *Некрасов А.С., Сияк Ю.В., Янпольский В.А.* Построение и анализ энергетического баланса. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Энергоатомиздат, 1984. 180 с.

11. Об охране озера Байкал: федеральный закон № 94-ФЗ от 01.05.1999 / Консультант-плюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=121962> (дата обращения: 14.06.2013).

12. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности: федеральный закон РФ № 261-ФЗ от 23.11.2009. URL: <http://www.rg.ru/2009/11/27/energodok.html> (дата обращения: 30.10.2013).

13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011. 990 с.

14. *Санеев Б.Г., Соколов А.Д., Музычук С.Ю., Музычук Р.И.* Топливо-энергетические балансы в системе комплексного исследования развития региональных ТЭК // Известия Российской академии наук. Энергетика. 2011. № 2. С. 21–35.

15. *Чурашёв В.Н., Маркова В.М.* Иерархическое моделирование прогнозных региональных ТЭБ // Методология и практика построения и использования региональных топливно-энергетических балансов / ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 2010. С. 350–390.

16. Энергетическая стратегия России на период до 2030 г.: утверждена распоряжением Правительства РФ № 1715-р от 13.11.2009. URL: <http://minenergo.gov.ru/activity/energostategy/> (дата обращения: 30.10.2013).

17. Energy Balances of OECD Countries 2011 / OECDiLibrary. (International Energy Agency). URL: http://www.oecd-ilibrary.org/energy/energy-balances-of-oecd-countries-2011_energy_bal_oecd-2011-en (дата обращения: 20.06.2013).

**METHODICAL APPROACH TO ESTIMATION
OF ENERGY EFFICIENCY PARAMETERS OF THE
ECONOMY UNDER THE STRUCTURAL CHANGES IN THE FUEL
AND ENERGY BALANCE (ON THE EXAMPLE OF BAIKAL REGION)**

B.G. Saneev, A.D. Sokolov, S.Yu. Muzychyuk, R.I. Muzychyuk

Saneev Boris Grigorievich – Doctor of Technical Sciences, Professor, Deputy Director, Melentiev Energy Systems Institute of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 130 Lermontov str., Irkutsk, Russia, 664033. E-mail: saneev@isem.sei.irk.ru.

Sokolov Alexander Daniilovich – Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Laboratory Head, Melentiev Energy Systems Institute of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 130 Lermontov str., Irkutsk, Russia, 664033. E-mail: sokolov@isem.sei.irk.ru.

Muzychyuk Svetlana Yuryevna – Ph. D. in Economics, Leading Researcher, Melentiev Energy Systems Institute of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 130 Lermontov str., Irkutsk, Russia, 664033. E-mail: muz@isem.sei.irk.ru.

Muzychyuk Roman Igorevich – Leading Engineer, Melentiev Energy Systems Institute of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 130 Lermontov str., Irkutsk, Russia, 664033. E-mail: rmuz@isem.sei.irk.ru.

The authors consider a methodical approach which allows estimating energy efficiency parameters of the region's economy using a fuel and energy balance (FEB). This approach was tested on the specific case of Baikal region. During the testing process the authors have developed ex ante and ex post FEBs and estimated energy efficiency parameters such as energy-, electro- and heat capacity of GRP, coefficients of useful utilization of fuel and energy resources and a monetary version of FEB. Forecast estimations are based on assumptions and limitations of technologically-intensive development scenario of the region. Authors show that the main factor of structural changes in the fuel and energy balance will be the large-scale development of hydrocarbon resources in Baikal region. It will cause structural changes in the composition of both the debit and credit of FEB (namely the structure of export and final consumption of fuel and energy resources). Authors assume that the forecast structural changes of the region's FEB will significantly improve energy efficiency parameters of the economy: energy capacity of GRP will decrease by 1,5 times in 2010–2030, electro and heat capacity – 1,9 times; coefficients of useful utilization of fuel and energy resources will increase by 3–5 p.p. This will save about 20 million tons of fuel equivalent (about 210 billion rubles in 2011 the prices) until 2030.

Keywords: Methodical approach, energy efficiency, economy, power consumption, fuel and energy complex, fuel and energy balance, Baikal region.

REFERENCES

1. Andryushchenko E.S. Theoretical Approaches to the Formation of Optimal Fuel and Energy Balances. *Ekonomika i Upravlenie* [Economics and Management], 2012, no. 1, pp. 87–93. Available at: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/EkUpr/2012_1/index.htm (accessed 17 June 2013). (In Russian).
2. Barannik B.G., Kalinina N.V., Abramov Yu.V., Tribunalov S.N. *Research of Problems of Formation of Prospective Fuel and Energy Balance of the Region (on the Example of the Murmansk Territory)*. Apatity, 2010, 86 p. (In Russian).
3. Bashmakov I.A. Fuel and Energy Balance as a Tool for Analysis, Forecasting and In-

dicative Planning of Power Development. *Energeticheskaya Politika* [Energy Policy], 2007, vol. 2, pp. 16–25. (In Russian).

4. Gasho E.G., Repetskaya E.V. Energy Efficiency as a Basis of Strategy of Development of the Region. *Energoberezhenie* [Energy Saving], 2010, no. 5, pp. 22–25. Available at: http://www.expert.energsovet.ru/pages/files/49energobere_2010.pdf (accessed 17 June 2013). (In Russian).

5. *The Report on Human Potential Development in the Russian Federation. Section 5.1. Energy Efficiency in Russia*. Available at: <http://www.protown.ru/information/hide/7938.html> (accessed 17 June 2013). (In Russian).

6. Lyubimova E.V. Modeling of the Regional Fuel and Energy Balances Taking into Account Several Methods of their Construction to the Study of Scenarios of Development. *Forecasting and Planning 2012: Materials of the First International Correspondence Scientific-Practical Conference*, June 2012. Edited by T.I. Mezhueva. Birobidzhan, 2012, pp. 80–89. (In Russian).

7. Makarov A.A., Filippov S.P., Veselov F.V. *Modelling Complex Scanner*. Moscow: The Energy Research Institute of the Russian Academy of Sciences, 2011, 72 p. Available at: http://www.eriras.ru/files/skaner_light.pdf (accessed 17 June 2013). (In Russian).

8. Mamiy I.P., Morozov V.I. *Statistical Study of the Fuel and Energy Complex of the Republic of Kazakhstan: Methodology and Practice*. Available at: <http://www.be5.biz/ekonomika1/r2012/3146.htm> (accessed 17 June 2013). (In Russian).

9. *Methods and Models of Development of Regional Energy Programs*. Edited by B.G. Saneev. Novosibirsk: Melentiev Energy Systems Institute of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (ESI SB RAS), 2003, 140 p. (In Russian).

10. Nekrasov A.S., Sinyak Yu.V., Yanpolskiy V.A. *Construction and Analysis of the Energy Balance*. Moscow, 1984, 180 p. (In Russian).

11. *On Protection of Lake Baikal: Federal Law № 94-FZ of 01.05.1999*. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=121962> (accessed 14 June 2013). (In Russian).

12. *On Energy Conservation and Energy Efficiency: the RF Federal Law № 261-FZ of November 23, 2009*. Available at: <http://www.rg.ru/2009/11/27/energo-dok.html> (accessed 30 October 2013). (In Russian).

13. *Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2011: the statistical collection*. Moscow, 2011, 900 p. (In Russian).

14. Saneev B.G., Sokolov A.D., Muzychuk S.Yu., Muzychuk R.I. Energy Balances in the System of Complex Studies on Development of Regional Fuel and Energy Complexes. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk. Energetika* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Energy], 2011, no. 2, pp. 21–35. (In Russian).

15. Churashev V.N., Markova V.M. Hierarchical Modeling of the Forecast of the Regional Fuel and Energy Balances. *Methodology and Practice of Development and Applying of Regional Fuel and Energy Balances*. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS, 2010, pp. 350–390. (In Russian).

16. *The Energy Strategy of Russia for the Period up to 2030: approved by Government Decree № 1715-R of November 13, 2009*. Available at: <http://minenergo.gov.ru/activity/energystrategy/> (accessed 30 October 2013). (In Russian).

17. *Energy Balances of OECD Countries 2011*. OECDiLibrary (International Energy Agency), 332 p. Available at: http://www.oecd-ilibrary.org/energy/energy-balances-of-oecd-countries-2011_energy_bal_oecd-2011-en (accessed 20 June 2013).

УДК 314:332

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ДЕФОРМАЦИИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

М.А. Грицко, Е.О. Колбина

Грицко Мария Анатольевна – кандидат экономических наук, научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: gritsko@ecrin.ru.

Колбина Екатерина Олеговна – кандидат экономических наук, научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: skripnikk@gmail.com.

На основе данных официальной статистики дана оценка результативности системы здравоохранения в разрезе федеральных округов РФ. Показано, что при более высоком уровне финансирования результативность системы здравоохранения в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) остается самой низкой в стране как по абсолютным показателям, так и по темпам их изменения. Низкая результативность объясняется наличием системы ограничений: демографических, социально-экономических и пространственных. Проведенный анализ позволяет предположить, что, во-первых, игнорирование этих ограничений формирует искаженные представления о реальной ситуации в этом сегменте экономики; во-вторых, использование единой для всех регионов модели здравоохранения приводит к снижению ценовой и пространственной доступности медицинских услуг для населения, невозможности достижения целевых показателей в сфере здоровья населения и, в конечном счете, к неэффективному использованию государственных средств.

Результативность функционирования здравоохранения, продолжительность жизни, младенческая смертность, смертность мужчин трудоспособного возраста, система ограничений, ценовая доступность, пространственная доступность.

Основной целью функционирования системы здравоохранения является улучшение показателей здоровья населения. В качестве интегральной оценки результативности ее функционирования, а также и уровня социально-экономического развития страны можно рассматривать показатель продолжительности жизни, отражающий: эффективность вложения средств, выделяемых на здравоохранение; их распределение с учетом медико-демографических

показателей; уровень соблюдения равных прав граждан на медицинскую помощь; удовлетворение потребностей населения в медицинских услугах; обеспеченность населения врачебными кадрами, средним медицинским персоналом, медицинскими учреждениями; развитие науки и внедрение научных достижений в практику здравоохранения и т. д. [5; 16].

Однако положительную траекторию изменения продолжительности жизни за последнее десятилетие, характерную для всех регионов Российской Федерации, нельзя оценивать однозначно (*табл. 1*). Несмотря на значимый рост абсолютных значений, скорость этих изменений недостаточна для достижения уровня продолжительности жизни населения развитых стран.

Таблица 1

Продолжительность жизни для обоих полов, лет

Территория	2000	2005	2011	2011/2000, %	2011–2002, лет
РФ	65,27	65,37	69,83	1,07	4,56
ЦФО	65,53	66,50	71,19	1,09	5,66
СЗФО	64,74	64,17	70,07	1,08	5,33
ЮФО	67,05	67,14	70,65	1,05	3,60
СКФО	(...)	69,93	72,62	1,05*	2,69*
ПФО	65,66	65,29	69,24	1,05	3,58
УФО	64,75	65,15	69,42	1,07	4,67
СФО	64,03	62,70	67,72	1,06	3,69
ДФО	63,87	62,18	66,36	1,04	2,49

Примечания. 1. * – изменение продолжительности жизни по округу приведено за период 2005–2011 гг. 2. Здесь и далее приняты сокращения: РФ – Российская Федерация, ЦФО – Центральный федеральный округ, СЗФО – Северо-Западный ФО, ЮФО – Южный федеральный округ, СКФО – Северо-Кавказский федеральный округ, ПФО – Приволжский федеральный округ, УФО – Уральский федеральный округ, СФО – Сибирский федеральный округ, ДФО – Дальневосточный федеральный округ.

Источник: [12].

В целом по Российской Федерации продолжительность жизни за период 2000–2011 гг. увеличилась на 4,56 года и составила 69,83 года для обоих полов. Наиболее высокое значение показателя традиционно отмечается в регионах Северного Кавказа. До выделения в отдельный федеральный округ они обеспечивали преимущество ЮФО, а затем – лидерство СКФО. Прирост показателя за рассматриваемый период в целом по РФ составил 7%, более высокое значение было отмечено в ЦФО и СЗФО, в которых продолжительность жизни увеличилась на 5,66 и 5,33 года соответственно. Среди всех федеральных округов ДФО имеет самые низкие показатели, как по величине продолжительности жизни, так и по ее абсолютным и относительным темпам изменения. За одиннадцать лет продолжительность жизни в регионе увеличилась

только на 2,49 года и составила 104% от уровня 2000 г. При этом в самом федеральном округе показатели отдельных субъектов РФ сильно дифференцированы. Только в Республике Саха (Якутия), Приморском и Хабаровском краях рост продолжительности жизни превысил средний по Дальнему Востоку уровень, а в Чукотском автономном округе показатель снизился более чем на 5 лет.

Увеличению продолжительности жизни в целом способствует рост расходов, выделяемых на финансирование здравоохранения. Несмотря на принятую в России социально-страховую модель, предполагающую одноканальное финансирование медицинской помощи в рамках гарантированного государством объема за счет средств обязательного медицинского страхования (ОМС), подавляющая часть финансовых средств (порядка 50%) поступает из бюджетов различного уровня [13; 14].

За период 2003–2012 гг. расходы консолидированных бюджетов РФ на развитие здравоохранения в среднем по стране увеличились в 5,3 раза. В субъектах РФ Дальнего Востока темпы роста были несколько ниже, за исключением Камчатского края, но вместе с тем демонстрировали положительную динамику (табл. 2).

Таблица 2

Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на здравоохранение

Территория	Млн руб.				В % от ВРП			
	2003	2005	2009	2012	2003	2005	2009	2011
Республика Саха (Якутия)	4843,9	7077,1	8574,7	17 601,2	3,64	5,32	6,45	11,38
Камчатский край	1063,5	2029,5	3797,3	7633,7	0,80	1,53	2,86	5,33
Приморский край	3320,8	4906,4	7651,5	13 273,4	2,50	3,69	5,75	10,17
Хабаровский край	3742,2	5861,1	9862,4	14 935	2,81	4,41	7,42	9,90
Амурская область	1999,5	3262	5954	9233,1	1,50	2,45	4,48	6,59
Магаданская область	1048,3	1492,6	3179,8	5377,9	0,79	1,12	2,39	3,06
Сахалинская область	2087,8	3193,9	8725,5	11 165	1,57	2,40	6,56	7,24
Еврейская автономная область	403,3	611,5	1241	1469,1	0,30	0,46	0,93	1,37
Чукотский автономный округ	827,8	1361,3	604,6	2417,8	0,62	1,02	0,45	1,52

Источник: составлено по: [4; 12].

Считается, что существует определенная взаимосвязь между удельным весом расходов на здравоохранение в ВВП/ВРП и показателями здоровья населения. В развитых странах норма финансирования здравоохранения (из всех источников), обеспечивающая повышение продолжительности жизни,

принята на уровне 10% ВВП [1, с. 8]. В 2012 г. в целом по России удельный вес расходов на здравоохранение в ВВП составил 2,7%, сократившись относительно 2010 г. на 0,5 п. п. В большинстве дальневосточных субъектов РФ этот показатель превышает среднероссийский уровень и имеет тенденцию к росту. Значительное увеличение доли расходов на здравоохранение в ВВП отмечается в Республике Саха (Якутия), Приморском и Хабаровском краях, Сахалинской области.

Основной статьей расходов консолидированных бюджетов, выделяемых на развитие здравоохранения, является выполнение Территориальной программы государственных гарантий оказания населению бесплатной медицинской помощи (ТППГ), ежегодно принимаемой на уровне субъектов РФ в соответствии с установленными в Программе государственных гарантий перечнями видов, объемов и форм предоставления бесплатной медицинской помощи [7].

Самый значительный в стране уровень расходов на выполнение территориальных программ отмечается на Дальнем Востоке, что обусловлено как более высокими нормативами предоставления услуг, так и удорожающими стоимость услуг факторами. По данным за период 2008–2012 гг., рост подушевого финансирования в целом по стране составил 1,45 раза, в ДФО – 1,56. Более высокие темпы были зафиксированы только в ЮФО. При этом увеличение финансирования ТППГ за счет средств ОМС в ДФО превысило показатели всех федеральных округов, составив 2,13 раза (табл. 3).

Таблица 3

Выполнение Территориальной программы государственных гарантий

Территория	2008		2010		2012		2012/2008	
	расходы на ТППГ	в т. ч. из средств ОМС	расходы на ТППГ	в т. ч. из средств ОМС	расходы на ТППГ	в т. ч. из средств ОМС	расходы на ТППГ	в т. ч. из средств ОМС
РФ	6312,8	2906,5	7273,6	3661,6	9133,4	5142,7	1,45	1,77
ЦФО	7714,4	3369,3	8785,6	4206,8	11 116,6	4726,5	1,44	1,40
СЗФО	7103,9	3146,5	7862,5	4163,8	9802,7	6098,7	1,38	1,94
ЮФО	4086,4	2139	5214,6	2659,7	6869,9	4160,9	1,68	1,95
СКФО	(...)	(...)	4183,9	2543,6	5100,4	3820,3	1,22*	1,50*
ПФО	4724,6	2649,5	5766,6	3381,6	7056,5	4899,1	1,49	1,85
УФО	8620,2	3114,7	9077,8	3667,4	11 805,9	6294,3	1,37	2,02
СФО	5996,5	2800	6860,4	3507,8	8476	5414	1,41	1,93
ДФО	8479,4	3584,6	10 901,6	4917,2	13 247	7627,8	1,56	2,13

Примечание: * – изменение приведено за период 2010–2012 гг.

Источник: [12].

Помимо абсолютных объемов финансирования территориальных программ и темпов их изменения, Дальний Восток также лидирует по показателям обеспеченности населения медицинской инфраструктурой и персоналом. В 2012 г. численность врачей на 10 тыс. чел. населения Дальнего Востока составила 56,2 при среднероссийской 49,1; среднего медицинского персонала – 133,3 против 106,1 по России. Обеспеченность населения больничными койками составила 112,5, что выше среднего по стране уровня на 22% [12]. Высокие показатели обеспеченности во многом обусловлены темпами сокращения населения в округе, превышающими данные по другим территориям, по сравнению с темпами сокращения численности медицинского персонала и инфраструктуры.

Таким образом, на Дальнем Востоке сложилась парадоксальная ситуация, когда высокому уровню финансовой и инфраструктурной обеспеченности соответствуют низкие показатели продолжительности жизни населения. Для объяснения этого противоречия необходимо определить систему ограничений, сдерживающую получение адекватных затраченным средствам результатов: демографических, социально-экономических и пространственных.

Демографические ограничения. Изменение продолжительности жизни как показателя, рассчитанного на основании таблиц смертности, находится в непосредственной зависимости от младенческой смертности и смертности лиц трудоспособного возраста, в особенности мужчин, оказывающих значительное сдерживающее воздействие на увеличение продолжительности жизни.

В ДФО младенческая смертность традиционно превышает среднероссийский уровень и является одной из самых высоких в стране. Единственным федеральным округом, в котором показатель выше, является СКФО, что может быть связано как с погрешностями статистического учета, так и с территориальными особенностями размещения населения, когда подавляющая часть проживает в горных селениях, медицинская помощь в которых малодоступна (табл. 4).

Таблица 4

Младенческая смертность на 1000 рождений

Территория	2000	2003	2005	2007	2009	2011	2011/2000
РФ	15,3	12,4	11,0	9,4	8,1	7,4	0,48
ЦФО	13,6	11,6	10,0	7,8	7,3	6,5	0,48
СЗФО	12,8	10,4	9,4	7,2	6,2	5,4	0,42
ЮФО	16,9	12,2	11,4	10,0	7,9	7,1	0,42
СКФО	18,2	13,3	13,0	13,5	12,7	13,0	0,71
ПФО	14,4	12,2	10,5	8,9	7,2	6,3	0,44
УФО	15,4	11,7	10,0	8,3	7,1	6,6	0,43
СФО	17,6	13,9	12,3	10,5	9,1	7,8	0,44
ДФО	18,6	15,9	13,5	12,1	10,5	9,1	0,49

Источник: [12].

За период 2000–2011 гг. сокращение младенческой смертности во всех федеральных округах составило более 50% (кроме СКФО). В ДФО снижение младенческой смертности было сравнимо со среднероссийскими темпами.

При сопоставимой с общероссийской динамикой изменения младенческой смертности ДФО опережает все федеральные округа по показателям смертности мужчин трудоспособного возраста. Если в 2000 г. показатели ДФО были ниже не только среднероссийского уровня, но и других федеральных округов (за исключением ЮФО и ПФО), то к 2011 г. смертность дальневосточных мужчин превысила среднероссийский уровень на 24%. Это означает, что наиболее значимым фактором, определяющим величину продолжительности жизни, является смертность мужчин трудоспособного возраста.

Структура причин смертности идентична для всех территорий страны, наиболее значимые из них – заболевания системы кровообращения, новообразования и внешние причины. Вместе с тем, динамика смертности мужчин трудоспособного возраста на Дальнем Востоке, единственном среди других регионов страны, отрицательная. Увеличение смертности отмечается практически по всем группам заболеваний, за исключением инфекционных и паразитарных, а также от внешних причин. Наибольший рост смертности зафиксирован по причине заболеваний системы кровообращения – 17%, органов дыхания – 16% и органов пищеварения – 61%, что значительно превышает показатели других территорий (табл. 5).

Таблица 5

**Изменение смертности мужчин трудоспособного возраста
за период 2000–2011 гг., %**

Территория	От всех причин	Инфекционные и паразитарные	Новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Внешние причины
РФ	0,81	0,90	0,98	0,92	0,84	1,42	0,60
ЦФО	0,71	0,67	0,86	0,80	0,67	1,27	0,50
СЗФО	0,76	0,98	0,96	0,84	0,71	1,53	0,54
ЮФО	0,90	0,82	1,08	1,07	1,08	1,33	0,64
СКФО	(...)	(...)	(...)	(...)	(...)	(...)	(...)
ПФО	0,90	1,11	1,03	1,02	1,01	1,74	0,67
УФО	0,82	1,32	1,11	0,96	0,82	1,63	0,59
СФО	0,90	0,97	1,13	1,06	0,99	1,32	0,71
ДФО	1,01	0,99	1,05	1,17	1,16	1,61	0,81

Источник: [12].

Таким образом, изменение уровня смертности показывает, что наиболее значительный рост отмечается по так называемым предотвратимым заболеваниям, зависящим от качества и доступности услуг, предоставляемых в рамках системы здравоохранения.

Воздействие на высокие показатели смертности населения трудоспособного возраста оказывает половозрастная структура населения Дальнего Востока. В силу особенностей заселения региона в период хозяйственного освоения удельный вес трудоспособного населения в возрастной структуре намного превышает значения других территорий страны. Несмотря на характерную для всех регионов тенденцию перераспределения удельных весов отдельных возрастных групп в пользу увеличения населения старше трудоспособного возраста, доля трудоспособного населения в ДФО остается самой высокой в стране. В разрезе полового состава населения удельный вес мужчин трудоспособного возраста также самый высокий в стране и достигает 69% (табл. 6).

Таблица 6

Изменение численности и возрастной структуры населения

Территория	Среднегодовая численность населения, тыс. чел.			Возрастная структура населения, %					
				2000			2012		
	2000	2012	прирост/ снижение	1	2	3	1	2	3
РФ	146 596,9	143 201,7	0,98	19,4	60,2	20,4	16,6	60,5	22,9
ЦФО	38 201,4	38 608,3	1,01	16,5	59,9	23,6	14,3	60,4	25,4
СЗФО	14 261,2	13 688,9	0,96	17,6	61,6	20,8	14,8	61,0	24,2
ЮФО	14 078,8	13 897,1	0,99	19,3	58,6	22,1	16,4	59,5	24,1
СКФО	8673,4	9516,8	1,10	27,3	57,2	15,5	23,9	60,5	15,6
ПФО	31 617,4	29 791,8	0,94	20,0	59,3	20,7	16,6	60,1	23,4
УФО	12 493,3	12 170,5	0,97	20,2	61,8	18,0	17,9	61,1	21,0
СФО	20 398,7	19 269,6	0,94	20,9	61,1	18,0	18,3	60,6	21,1
ДФО	6872,7	6258,7	0,91	21,0	64,2	14,8	17,8	62,3	19,9

Примечание: 1 – население моложе трудоспособного возраста; 2 – население в трудоспособном возрасте; 3 – население старше трудоспособного возраста.

Источник: [12].

Социально-экономические ограничения. На фоне существенного роста финансирования здравоохранения отмечается опережающий рост сегмента платных медицинских услуг [12; 15]. В настоящее время, несмотря на бесплатный характер медицинской помощи, предоставляемой в рамках государственных гарантий, население зачастую вынуждено оплачивать ее получение за счет личных средств в силу существующих ограничений (отсутствия специалиста, длительного ожидания записи на прием и т. д.) [6; 8]. В 2012 г. доля

расходов домохозяйств на оплату медицинских услуг составила в целом по стране 5,3%, увеличившись по сравнению с 2004 г. на 1,5 п. п. На Дальнем Востоке уровень расходов населения на оплату медицинской помощи ниже среднероссийского и составляет 4,6%. Однако однозначно оценить данный факт как показатель более низкого уровня личных расходов населения на оплату медицинских услуг вследствие удовлетворения потребительского спроса в рамках установленных государством гарантий нельзя.

В связи с тем, что в последние годы широкое распространение получил медицинский туризм, когда население Дальнего Востока предпочитает получать широкий комплекс медицинских услуг в странах Северо-Восточной Азии, можно предположить, что значительная часть денежных средств, предназначенных для получения медицинских услуг, тратится за пределами России и не попадает под статистический учет доходов и расходов домохозяйств. По оценкам экспертов, поток туристов только в Республику Корея возрастает на 10% ежегодно. При этом основная масса (70%) приезжающих в эту страну за получением высококачественной, квалифицированной медицинской помощи – это жители Дальнего Востока [3; 10; 11].

Наглядным свидетельством существующих ограничений получения медицинской помощи в рамках государственного сектора является рост объема платных медицинских услуг. В целом по стране за период 2000–2012 гг. объем рынка увеличился более чем в 12 раз. При этом на Дальнем Востоке темп роста превысил как среднероссийский, так и показатели других регионов (за исключением СЗФО) и составил практически 16 раз (табл. 7).

Таблица 7

Объем платных медицинских услуг, млн руб.

Территория	2000	2005	2010	2011	2012	2012/2000
РФ	27 448	109 756	250 474	286 058	333 895	12,16
ЦФО	9342	31 716	75 627	85 073	102 626	10,99
СЗФО	2854	14 930	36 317	42 846	47 492	16,64
ЮФО	1802	7356	18 274	21 270	24 287	13,48
СКФО	734	2320	7438	9937	11 812	16,09
ПФО	4712	18 759	49 838	55 682	64 182	13,62
УФО	2658	11 246	25 807	28 934	32 910	12,38
СФО	4303	18 542	25 457	28 347	33 987	7,90
ДФО	1042	4885	11 716	13 969	16 599	15,93

Источник: [12].

Значительному росту объемов платных медицинских услуг, помимо увеличения потребительского спроса, способствуют и ценовые факторы. Для определения ценовой доступности медицинских услуг и динамики ее из-

менений за период 2003–2011 гг. были сопоставлены данные об изменении доходов (среднедушевых, заработной платы и пенсий), стоимости условно принятого набора медицинских услуг (первичный прием врача и общий анализ крови) и покупательной способности доходов населения. Полученные в разрезе дальневосточных субъектов РФ оценки показывают, что, несмотря на более высокий уровень номинальных доходов населения, их покупательная способность, измеренная количеством условных наборов медицинских услуг, ниже, чем в среднем по России, и существенно дифференцирована внутри ДФО. Во-первых, рост стоимости условно принятого набора услуг во всех регионах Дальнего Востока превышает среднероссийский уровень. Во-вторых, в шести из девяти субъектах (Республике Саха (Якутия), Приморском крае, Амурской, Магаданской, Еврейской автономной областях и Чукотском автономном округе) рост стоимости условного набора услуг превысил рост среднедушевых доходов населения и заработной платы (за исключением Республики Саха (Якутия)). Соотношение темпов роста стоимости набора и пенсий только в двух регионах было отрицательным (Амурской области и Чукотском автономном округе). В-третьих, покупательная способность доходов населения снижается в пяти дальневосточных субъектах РФ, как по среднедушевым доходам, так и по заработной плате, тогда как в целом по стране ценовая доступность медицинских услуг увеличивается (табл. 8).

Таблица 8

Изменение ценовой доступности медицинских услуг, 2011/2003 гг., раз

Территория	Доходы			Стоимость услуг	Покупательная способность доходов		
	СДД	заработная плата	пенсии		СДД	заработная плата	пенсии
РФ	4,01	4,25	4,73	3,27	1,23	1,30	1,45
Республика Саха (Якутия)	3,11	3,51	5,21	3,32	0,94	1,06	1,57
Камчатский край	4,08	3,81	5,23	3,49	1,17	1,09	1,50
Приморский край	4,51	4,22	4,76	5,86	0,77	0,72	0,81
Хабаровский край	3,83	3,55	4,96	3,35	1,14	1,06	1,48
Амурская область	4,62	4,08	4,81	5,96	0,77	0,68	0,81
Магаданская область	3,72	4,47	5,38	4,97	0,75	0,90	1,08
Сахалинская область	4,20	4,16	5,23	3,37	1,25	1,23	1,55
Еврейская автономная область	4,07	4,24	4,71	6,88	0,59	0,62	0,68
Чукотский автономный округ	3,15	3,09	5,85	24,61	0,13	0,13	0,24

Примечание: СДД – среднедушевые денежные доходы.

Источник: рассчитано по [12].

Пространственные ограничения. Под пространственными ограничениями (пространственной доступностью) в данном исследовании понимается сочетание характеристик, определяющих доступ населения к получению своевременной медицинской помощи, к числу которых относятся: плотность населенных пунктов, плотность медицинских учреждений, плотность населения, плотность автомобильных дорог, обеспеченность населенных пунктов медицинскими учреждениями.

Формирование оптимальной сети медицинских учреждений на основе нормирования потребностей в привязке к численности населения фактически привело к далеко не оптимальным результатам с точки зрения пространственной доступности получения медицинских услуг [2].

Ситуация в ДФО, лидирующем по показателям обеспеченности населения медицинским персоналом и инфраструктурой, кардинально меняется при учете пространственных характеристик.

Плотность больничных учреждений в округе в 2012 г. составила только 0,07 на 1000 км² при среднероссийском показателе 0,36; амбулаторно-поликлинических – самая низкая в стране и составляет 0,16 и 0,97 соответственно. Снижение плотности распределения медицинских учреждений характерно для всех регионов, что вызвано общим сокращением числа медицинских учреждений. Однако ДФО лидирует по темпам ее изменения: на 50% по числу больниц на 1000 км² и на 41% по амбулаторно-поликлиническим учреждениям (табл. 9).

Таблица 9

Плотность медицинских учреждений, ед. на 1000 км²

Территория	Больничные учреждения			Амбулаторно-поликлинические учреждения		
	2005	2012	2012/2005	2005	2012	2012/2005
РФ	0,55	0,36	0,65	1,27	0,97	0,76
ЦФО	3,19	2,21	0,69	8,84	7,02	0,79
СЗФО	0,49	0,34	0,69	1,14	1,09	0,96
ЮФО	1,82	1,26	0,69	3,99	3,74	0,94
СКФО	3,11	2,21	0,71	6,97	4,37	0,63
ПФО	2,01	1,22	0,61	4,18	3,02	0,72
УФО	0,37	0,32	0,85	0,87	0,67	0,77
СФО	0,33	0,19	0,59	0,71	0,48	0,68
ДФО	0,13	0,07	0,50	0,27	0,16	0,59

Источник: рассчитано по [12].

Усугубляют снижение пространственной доступности медицинских услуг на Дальнем Востоке параметры плотности населения, населенных пунктов и автомобильных дорог. Регион среди других территорий страны остается наи-

менее заселенным. При общей плотности населения по России в 8,38 чел. на 1000 км² в ДФО она составляет 1,01 чел. на 1000 км², и при этом ежегодно снижается. Плотность населенных пунктов, измеренная как соотношение числа муниципальных образований (городских округов, поселений городского и сельского типа) с площадью территории, также снижается, что связано с проводимыми преобразованиями административно-территориального деления на уровне местного самоуправления. При высокой разреженности мест проживания плотность автомобильных дорог как связующего их элемента самая низкая в стране, причем только в ДФО протяженность автодорог в расчете на 1000 км² за период 2000–2011 гг. снизилась, в то время как по всем остальным округам увеличилась (табл. 10).

Таблица 10

Пространственные характеристики

Территория	Плотность населения, чел. на 1000 км ²			Плотность населенных пунктов*, ед. на 1000 км ²			Плотность автодорог, км на 1000 км ²		
	2005	2012	2012/2005	2005	2012	2012/2005	2000	2011	2011/2000
РФ	8,37	8,38	1,001	1,58	1,23	0,78	44	49	1,11
ЦФО	57,60	59,38	1,031	10,34	6,82	0,66	242	262	1,08
СЗФО	8,11	8,11	1,001	1,23	0,85	0,69	51	54	1,06
ЮФО	54,18	33,02	0,609	8,02	3,80	0,47	155	171	1,10
СКФО	(...)	55,85	(...)	(...)	9,38	(...)	228	356	1,56
ПФО	29,52	28,73	0,973	7,26	5,48	0,76	168	178	1,06
УФО	6,74	6,69	0,993	0,94	0,69	0,73	32	34	1,06
СФО	3,84	3,75	0,976	0,78	0,74	0,95	25	30	1,20
ДФО	1,06	1,01	0,953	0,24	0,20	0,83	7,5	7,2	0,96

Примечание. * В число населенных пунктов включались муниципальные образования: городские округа, городские и сельские поселения.

Источник: рассчитано по [12].

Фактическим результатом действующего в настоящее время подхода к определению потребностей в медицинских учреждениях исключительно с привязкой к численности населения является сворачивание сети лечебных учреждений. Темпы сокращения обеспеченности населенных пунктов медицинскими учреждениями на Дальнем Востоке превосходят показатели других территорий страны как по больничным, так и по амбулаторно-поликлиническим учреждениям (табл. 11).

В разрезе городской и сельской местности изменение пространственной доступности медицинских услуг более показательно (табл. 12).

Таблица 11

Обеспеченность медицинскими учреждениями в расчете на 1 населенный пункт

Территория	Больничные учреждения			Амбулаторно-поликлинические учреждения		
	2005	2012	2012/2005	2005	2012	2012/2005
РФ	0,35	0,29	0,83	0,81	0,79	0,97
ЦФО	0,31	0,32	1,05	0,85	1,03	1,20
СЗФО	0,40	0,40	1,00	0,93	1,29	1,39
ЮФО	0,23	0,33	1,46	0,50	0,98	1,98
СКФО	(...)	0,24	(...)	(...)	0,47	(...)
ПФО	0,28	0,22	0,81	0,58	0,55	0,96
УФО	0,40	0,46	1,16	0,93	0,97	1,05
СФО	0,42	0,26	0,62	0,91	0,65	0,71
ДФО	0,55	0,33	0,60	1,12	0,79	0,71

Источник: рассчитано по [12].

Таблица 12

Обеспеченность медицинскими учреждениями в расчете на 1 населенный пункт, в разрезе городской и сельской местности

Территория	Больничные учреждения				Амбулаторно-поликлинические учреждения			
	2010		2012		2010		2012	
	город	село	город	село	город	село	город	село
РФ	2,22	0,07	2,25	0,06	6,82	0,02	7,31	0,013
ЦФО	2,11	0,05	2,12	0,04	7,19	0,02	7,54	0,007
СЗФО	1,95	0,05	1,96	0,05	6,10	0,02	6,91	0,016
ЮФО	3,12	0,10	3,22	0,09	11,78	0,02	12,46	0,019
СКФО	3,00	0,11	2,93	0,11	9,32	0,09	8,52	0,081
ПФО	2,33	0,05	2,40	0,04	6,64	0,00	7,25	0,000
УФО	2,45	0,11	2,52	0,10	6,65	0,03	6,36	0,027
СФО	2,29	0,06	2,32	0,06	6,39	0,01	7,31	0,003
ДФО	1,52	0,09	1,58	0,08	4,21	0,02	4,70	0,009

Источник: рассчитано по [9; 12].

Полученные оценки наглядно показывают различия в обеспеченности лечебными учреждениями городских и сельских населенных пунктов. На Дальнем Востоке количество больничных учреждений в городской местности самое низкое по сравнению с другими территориями, при этом в расчете на 1 сельский населенный пункт показатели превышают среднероссийский уровень. Более контрастная ситуация между городской и сельской местностью наблюдается по числу амбулаторно-поликлинических учреждений.

При среднероссийских показателях обеспеченности городских и сельских населенных пунктов 7,31 и 0,013 соответственно, на Дальнем Востоке они составляют только 4,7 и 0,009.

Динамика изменения обеспеченности населенных пунктов медицинскими учреждениями в разрезе городской и сельской местности показывает, что на Дальнем Востоке темпы ее снижения были самые высокие в стране. Сочетание отрицательной динамики обеспеченности и изменения пространственных характеристик свидетельствует о снижении пространственной доступности медицинских услуг для населения, что наиболее сильно проявляется в сельской местности.

Проведенный анализ позволяет утверждать следующее: оценка результативности системы здравоохранения на основе официальной статистики, без учета специфики демографических, социально-экономических и пространственных характеристик регионов, дает искаженные представления о реальной ситуации в этом сегменте экономики. Наиболее остро это проявляется в регионах с высоким уровнем неоднородности экономического пространства, где возникает парадоксальная ситуация, когда высокий уровень финансирования системы здравоохранения не обеспечивает сравнимых с российским уровнем показателей здоровья населения. На основании вышеизложенного можно предположить, что использование единой для всех регионов модели здравоохранения приводит к снижению ценовой и пространственной доступности медицинских услуг для населения, невозможности достижения целевых показателей в сфере здоровья населения и, в конечном счете, неэффективности использования государственных средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аганбегян А.Г.* Как долго жить и оставаться здоровым // ЭКО. 2011. № 10. С. 5–13.
2. *Бочкарева В.К.* Реформирование здравоохранения и обеспечение равной доступности к бесплатным медицинским услугам // ЭКО. 2011. № 10. С. 13–35.
3. *Волкова Е.* Теневой рынок в госмедучреждениях и медицинский туризм тормозят развитие частной медицины Дальнего Востока. URL.: http://www.zrpress.ru/health/dalnij-vostok_08.10.2013 (дата обращения: 09.10.2013).
4. Министерство финансов Российской Федерации. URL.: <http://info.minfin.ru/foms.php> (дата обращения: 23.09.2013).
5. Оценка систем здравоохранения с позиций Всемирной организации здравоохранения // Здравоохранение. 2009. № 11. URL.: <http://www.zdrav.ru/articles/practice/detail.php?ID=76105> (дата обращения: 17.09.2013).
6. *Потапчик Е.Г., Селезнева Е.В., Шишкин С.В.* Доступность медицинской помощи для населения (по материалам мониторинга экономических процессов в здравоохранении): препринт WP8/2011/11 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 36 с.

7. Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов: утв. Постановлением Правительства РФ от 22 октября 2012 г. № 1074. URL.: <http://government.ru/docs/7594> (дата обращения: октябрь 2013).

8. *Русинова Н.Л., Панова Л.В.* Доступ к услугам здравоохранения: методологические подходы и методы измерения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4. С. 147–163.

9. Сельское здравоохранение в России в 2012 г.: стат. сб. / Министерство здравоохранения РФ. URL.: <http://www.rosminzdrav.ru/docs/mzsr/stat/47> (дата обращения: октябрь – ноябрь 2013).

10. *Смирнова А.* Путешествия за здоровьем // Travel Russian News. 2013. 22 октября. URL.: <http://www.trn-news.ru/articles/3649> (дата обращения: октябрь 2013).

11. *Тебин Н.* Медицинский туризм // Медицинская газета. URL.: <http://www.mgzt.ru/article/1961/> (дата обращения: октябрь 2013).

12. Федеральная служба государственной статистики. URL.: <http://www.gks.ru> (дата обращения: июль – сентябрь 2013).

13. *Шарабчиев Ю.Т.* Экономические модели и реформирование здравоохранения: опыт организации различных систем управления здравоохранением // Медицинские новости. 2006. № 6. С. 61–68. URL.: <http://www.mednovosti.by/journal.aspx?article=590> (дата обращения: 15.08.2013).

14. *Шейман И.М.* Теория и практика рыночных отношений в здравоохранении / Гос. ун-т – Высшая школа экономики. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 318 с.

15. *Шишкин С., Потапчик Е., Селезнева Е.* Частный сектор здравоохранения в России: состояние и перспективы развития // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 94–112.

16. World Health Organization. World Health Statistics reports. URL.: http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/en/index.html (дата обращения: сентябрь 2013).

SPATIAL DEFORMATION OF THE PUBLIC HEALTH SYSTEM EFFECTIVENESS

М.А. Gritsko, E.O. Kolbina

Gritsko Maria Anatolyevna – Ph. D. in Economics, Research Fellow. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: gritsko@ecrin.ru.

Kolbina Ekaterina Olegovna – Ph. D. in Economics, Research Fellow. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: skripnikk@gmail.com.

Using official statistics the authors assess the performance of the public health system in the context of federal districts of the Russian Federation. The study shows that despite the highest level of funding among all federal districts, effectiveness of the public health system in the Far Eastern district remains the lowest in the country, both in absolute terms and measured by rates of their changes. Low efficiency rate can be explained when various constraints are taken into account: demographic, socio-economic and spatial. Among the demographic constraints the authors point towards high mortality rate of working-age males in the region that is highest among all districts, especially in preventable diseases. Under the socio-economic limitations the authors understand low affordability of medical services for the population of almost all subjects of FEFD. Spatial constraints include low population, settlements and road network densities due to historical patterns of settlement. The analysis suggests that, firstly, ignoring the restrictions forms a distorted view of

the actual situation in this sector; and secondly, the use of a single healthcare model for all regions reduces affordability and spatial accessibility of medical services for the population, prevents achievement of public health targets and efficient use of public funds.

Keywords: The public health system effectiveness, life expectancy, infant mortality, mortality of able-bodied men, restrictions' system, affordability, spatial accessibility.

REFERENCES

1. Aganbegyan A.G. How Long to Live and to be Healthy. *Eco – Eco*, 2011, no. 10, pp. 5–13. (In Russian).
2. Bochkareva V.K. Reformation of the Health Care System and Ensuring Equal Access to Free of Charge Health Services. *Eco – Eco*, 2011, no. 10, pp. 13–35. (In Russian).
3. Volkova E. *The Shadow Market in State Medical Institutions and Medical Tourism Hamper the Development of Private Medicine in the Far East*. Available at: http://www.zrpress.ru/health/dalnij-vostok_08.10.2013 (accessed 09 October 2013). (In Russian).
4. *The Ministry of Finance of the Russian Federation*. Available at: <http://info.minfin.ru/foms.php> (accessed 23 September 2013). (In Russian).
5. Assessment of Health Systems from the Position of the World Health Organization. *Zdravookhranenie [Healthcare]*, 2009, no. 11. Available at: <http://www.zdrav.ru/articles> (accessed 17 September 2013). (In Russian).
6. Potapchik E.G., Selezneva E.V., Shishkin S.V. *Accessibility of Medical Care for the Population (Based on Monitoring of Economic Developments in Health System): Working paper WP8/2011/11*. Moscow: State University – Higher School of Economics, 2011, 36 p. (In Russian).
7. *The Programme of State Guarantees of Free Provision of Health Care in 2013 and for the Planned Period 2014 and 2015: approved by Government Resolution of 22 October 2012 № 1074*. Available at: <http://government.ru/docs/7594> (accessed October 2013). (In Russian).
8. Rusinova N.L., Panova L.V. Access to Health Care: Methodological Approaches and Basic Measures. *Zhurnal Sotsiologii i sotsialnoy Antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2002, no. 4, pp. 147–163. (In Russian).
9. *Rural Health in Russia in 2012: statistical collection*. Ministry of Health of the Russian Federation. Available at: <http://www.rosminzdrav.ru/docs/mzsr/stat/47> (accessed October–November 2013). (In Russian).
10. Smirnova A. Travels for Health. *Travel Russian News – Travel Russian News*, 2013, 22 October. Available at: <http://www.trn-news.ru/articles/3649> (accessed October 2013). (In Russian).
11. Tebin N. Medical Tourism. *Meditsinskaya Gazeta [Medical newspaper]*. Available at: <http://www.mgzt.ru/article/1961/> (accessed October 2013). (In Russian).
12. *Federal State Statistics Service*. Available at: <http://www.gks.ru> (accessed July – September 2013). (In Russian).
13. Sharabchiev Yu.T. The Economic Model and the Reform of Health Care: Experience of the Organization of Various Health-Care Management Systems. *Meditsinskie Novosti [Medical News]*, 2006, no. 6, pp. 61–68. Available at: <http://www.mednovosti.by/journal.aspx?article=590> (accessed 15 August 2013). (In Russian).
14. Sheyman I.M. *Theory and Practice of Market Relations in Healthcare*. Moscow: State University – Higher School of Economics, 2008, 318 p. (In Russian).
15. Shishkin S., Potapchik E., Selezneva E. Private Health Care Sector in Russia: Present State and Development Prospects. *Voprosy Ekonomiki [Economic Issue]*, 2013, no. 4, pp. 94–112. (In Russian).
16. *World Health Organization. World Health Statistics reports*. Available at: http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/en/index.html (accessed September 2013).

УДК 330.8

МНОГОУРОВНЕВАЯ ИЕРАРХИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ФОРМИРОВАНИЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТАКСОНОМИИ

Д.П. Фролов

Фролов Даниил Петрович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой. Волгоградский государственный университет, пр-т Университетский, 100, Волгоград, Россия, 400062. E-mail: ecodev@mail.ru.

В статье рассматриваются методологические проблемы иерархической структуризации экономического пространства. Анализ эволюции концепций многоуровневого анализа демонстрирует роль эффекта path depend-ence в доминировании двухуровневых (микро-макро) неоклассических моделей. В институциональной и эволюционной теориях постепенно активизируется применение мезоанализа и трехуровневых моделей, но конвенции в области таксономии крайне инертны. Определены методологические затруднения и возможности систематизации уровней экономического анализа с позиций эволюционного подхода, представлена модель многоуровневой таксономии экономического пространства.

Экономическое пространство, «микро-макро» дихотомия, таксономия, мезоэкономика, нано-экономика, эволюционная теория, пространственная экономика.

Сколько уровней у пространства экономики? – далеко не тривиальный вопрос для экономической науки. С ним неразрывно связан и вопрос о том, имеются ли какие-либо эвристические преимущества у определенных уровней и соответствующих им единиц анализа (индивидов, фирм, сетей, регионов и т. д.), который является неотъемлемой частью многолетних дискуссий в экономике, социологии и философии науки, идущих под лозунгом противопоставления методологического индивидуализма и холизма.

Одной из наиболее фундаментальных, «древних» конвенций в области экономики является бинарная таксономия уровней экономического пространства, предполагающая разделение на микро- и макроэкономику. Эта

дихотомия сохраняется и устойчиво воспроизводится в многочисленных учебниках и научных исследованиях, несмотря на интенсивную глобализацию, информационно-коммуникационную революцию, трансформацию системы разделения и кооперации труда. По сути небоскреб хозяйственной системы общества представляется в виде двухэтажного коттеджа. Неочевидно, есть ли смысл в таком редуцировании, или концепция уровневой иерархии экономического пространства, напротив, нуждается в целенаправленном усложнении.

С позиций теории перформативности, хозяйственная реальность глубоко укоренена в экономической теории, поэтому недооценка роли классификаций и таксономий недопустима [40, р. 9]. Различные теории и концепции относятся к разным уровням абстрагирования [77, р. 45–48], но таксономические конструкции, очевидно, относятся к высшему уровню, оказывая мощное влияние на фундаментальные и прикладные исследования, практику бизнеса и даже государственную политику. Когнитивная модель окружающего мира – это институционализированное убеждение научного сообщества, часто перерастающее в рационализированный миф и приобретающее свойства когнитивной институциональной «ловушки» [29]. Ведь «множественность логик оправдания делает неизбежными компромиссы, призванные преодолеть разногласия» [1, с. 31], ведя к эволюционному закреплению устойчивых конвенций и стереотипов концептуального и терминологического характера. Вместе с тем, «стратификация сознания определяется не языком, а деятельностью людей» [22, с. 9], что определяет необходимость переосмысления современных тенденций эволюции глобализирующейся хозяйственной системы для выработки новой, логически и методологически непротиворечивой иерархической модели структуризации экономического пространства как предмета пространственной экономики.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ «МИКРО-МАКРО» ДИХОТОМИИ

Обоснованное Дж. Кейнсом принципиальное разграничение методов микро- и макроэкономического анализа породило методологическую дихотомию, которая стала популярной после выхода в свет его «Общей теории...», получила широкое распространение (правда, не при жизни ее автора) и до сих пор остается наиболее влиятельным среди экономистов таксономическим инструментом и классификатором для учебников [46, р. 134]. Как это часто бывало в истории науки, мощная концептуальная инновация с течением времени трансформировалась в конвенционально поддерживаемую эвристику, а затем в методологическую «ловушку», все в большей степени выступающую системным ограничением дальнейшего научного прогресса.

Естественно, «микро-макро» дихотомия оказалась в наибольшей степени воспринятой адептами неоклассической теории с ее платоническим стилем познания и выраженной тенденцией к повышению уровня абстрагирования [32]. Неоклассики всегда в большей степени изучали базовые элементы экономических систем (индивидов и фирмы) изолированно, игнорируя природу и специфику их взаимосвязей путем наложения жестких и нереалистичных предположений на аналитические модели [53, р. 884]. При этом критическому анализу в неоклассических концепциях подлежат лишь частные методические проблемы агрегирования, тогда как сама «микро-макро» дихотомия, эта «священная корова» мейнстрима, не подвергается ни малейшему сомнению [94]. В частности, ставится задача обеспечения системной взаимосвязи микро- и макроанализа экономической деятельности [57, р. 799], но не более того.

Вместе с тем, и институциональная теория, всегда позиционировавшаяся в статусе гетеродоксального научного направления, явно испытывает влияние таксономического дуализма, проявляющегося в затянувшихся дискуссиях о приоритетности микроуровневых механизмов мотивации или макроуровневых регулятивных структур [35, р. 302]. С одной стороны, имеет место заикленность новой институциональной экономической теории на развитии своих микрооснований: это предполагает активное использование аналитического инструментария неоклассики, включая теории игр и рационального выбора [61, р. 328], что позволяет утверждать о возникновении симбиотической «неоклассической институциональной экономики» [50]. С другой стороны, неоднократно отмечалось, что при выявлении нелинейных связей между макроинститутами и экономическим развитием игнорируется анализ многочисленных институтов микроуровня [65, р. 551], а макрооснования институционализма выглядят более прочными, чем его микрофундамент [80, р. 255–258].

Возникает парадоксальная ситуация: хотя большинство экономистов понимают ограниченность и упрощенность «микро-макро» дихотомии, но для ее преодоления необходимы новые методологические конвенции, а их выработка и закрепление крайне сложны¹. Отбор методологических и, в частности, таксономических конвенций (как гносеологическая форма инсти-

¹ В классификаторе JEL помимо микро- (код D) и макроэкономики (E) выделяются направления международных (F), урбанистических и региональных (R) исследований, последние при этом представлены и в других областях экономического знания, например, «Организация промышленности» (L) и «Экономическое развитие, технологические изменения и рост» (O); разные направления микроанализа также «разбросаны» по многим разделам. Вообще говоря, данный классификатор имеет выраженный конгломеративный характер и является наглядным примером эволюционного «напластования» научных конвенций, в результате чего в нем «перемешаны» уровни, секторы, сферы, ресурсы и другие объекты изучения. Именно в связи с неоднородностью структуры современной экономической науки необходима унифицированная, внутренне непротиворечивая таксономическая система как концептуальная «рамка», структурирующая «рыхлый» массив разнообразных направлений научного поиска.

туционализации) происходит по критерию минимизации транзакционных издержек научных коммуникаций. В результате этого довольно причудливого процесса широкое распространение могут получить субоптимальные решения – упрощенные дефиниции и модели, некорректные термины и метафоры и т. д.

Исследователи все чаще фиксируют наличие «разрыва» микро- и макроуровней анализа во многих областях организационных наук [64, р. 421–422]. В учебниках и научных работах по стратегическому менеджменту и маркетингу контуры микросреды расплывчаты – от отношений фирмы со стейкхолдерами до границ отрасли; макросреда обобщенно трактуется как широкое поле действия на фирму разнообразных экзогенных факторов, состав которых варьируется в различных концепциях. Тем самым формируется «двоичное мышление» новых поколений экономистов, неадекватное растущему разнообразию рыночного пространства. При этом многообещающий исследовательский проект по выявлению микрооснований ресурсной теории фирмы, стратегического менеджмента и организационного анализа в целом, начатый в 2004 г., все еще относится к области невыполненных обещаний [52]. Возможно, еще больший интерес представляет анализ способов взаимодействия «микроэлементов» экономики, ведущих к возникновению новых паттернов, регулярностей и порядков на макроуровне [61, р. 331], но и эта задача пока что носит постановочный характер.

Осознавая ограниченность и тормозящие эффекты «микро-макро» дихотомии, О. Уильямсон предложил расширить таксономические границы и выделять четыре уровня предмета институциональной экономики по критерию периодичности изменений различных форм институтов – от сверхмедленных процессов социального укоренения (*embeddedness*) до сверхбыстрых механизмов непрерывной аллокации ресурсов и рыночного ценообразования [95, р. 597]. Однако большее распространение получила другая его иерархическая модель, разграничивающая институциональный, организационный и индивидуальный уровни анализа экономических явлений [97], которая с равным успехом применяется в разных областях исследований, включая социологию и менеджмент [74; 31, р. 936]. Выдвигаются идеи об универсализации этой трехуровневой схемы в рамках социальных наук, что позволит дифференцировать микро- (поведение индивидов в рамках организаций), мезо- (взаимодействие организаций) и макро- (эволюция институтов) уровни системности общества и хозяйства [68, р. 25].

В отличие от неоклассической теории с ее методологическим индивидуализмом и традиционной фокусировкой на микромасштабе, эволюционный анализ в большей степени мезоаналитичен за счет концентрации внимания на механизмах взаимодействий индивидов и фирм в рамках популяций [45].

«Мезореволюция», концептуальные основы которой (по мнению К. Допфера) были заложены Й. Шумпетером [46, р. 135], реализуется по двум направлениям, которые условно можно назвать отраслевым и институциональным. Первые концепции мезоэкономики привлекали внимание к изучению различных явлений надфирменного порядка – в том числе крупного бизнеса, отраслевых паттернов поведения компаний, сетевых форм координации на олигополистических рынках, – объединенных их «невмещаемостью» в формат стандартного микроанализа [78; 63; 82]. Отраслевой вектор развития мезоэкономики тяготеет к предметной области эволюционной экономики промышленности (*evolutionary industrial economics*) и тесно связан с институциональной теорией в контексте обоснования промышленной политики [49].

Эволюционную по духу и институциональную по сути концепцию структуризации уровней хозяйственной системы предлагают К. Допфер с соавторами, рассматривая правила в качестве элементарной единицы строения пространства общественного бытия [48, р. 407]. По их мнению, правило – более универсальная аналитическая категория по сравнению с рутинной (Р. Нельсон, С. Уинтер) и привычкой (Дж. Ходжсон). Экономика рассматривается сквозь призму трех уровней: микроуровень связан с индивидуальными носителями правил и организующими их системами, мезоуровень охватывает процессы изменения правил, макроуровень соотносится с популяционной структурой правил [47]. Несмотря на уязвимость для критики, обусловленную, в частности, недостаточно ясной и детализированной характеристикой природы правил и механизмов их изменений, мезоуровень может рассматриваться и как важная область коллективного выбора [81, р. 334], что расширяет перспективы его комплексных междисциплинарных исследований. Главной проблемой институционального направления мезоэкономики следует признать зацикленность на правилах, хотя конкурентное поведение на рынках осуществляется, по П. Бурдые, в соответствии с правилами и ролями (*rules and roles*) [39], что, как минимум, требует учета в методологии институционального мезоанализа, поскольку в том числе и «благодаря ролям индивидуальные действия институционализируются» [4, с. 111–112]. Правила и, шире, институты – лишь одно из измерений экономического пространства, не исчерпывающие его содержания; к тому же процессы изменения правил не могут замыкаться в рамках отдельного уровня, как полагает К. Допфер, напротив, они протекают на всех уровнях экономического пространства в соответствии со спецификой их субъектов, объектов, трансформаций и трансакций.

Термин «наноэкономика» впервые использовал К. Эрроу, вскользь бросивший мысль о желательности поиска наноэкономических основ как индивидуальных решений, так и возникновения институтов [34, р. 734]. Инте-

ресно, что в своей программной статье 2000 г. О. Уильямсон, давая соответствующую цитату, заменил термин *nanoeconomic* на *microanalytic* [95, р. 596], однако в докладе 2007 г. он уже дословно приводит текст К. Эрроу [96, р. 9]. Здесь опосредованно отразился быстрый прогресс нанотехнологий, в результате чего приставка «нано-» вошла в состав популярных слов и словосочетаний (*buzzwords*), что стимулировало ее использование в экономической терминологии.

Крайне высокие когнитивные и транзакционные издержки согласования таксономических конвенций приводят к появлению альтернативных позиций. Так, по мнению Дж. Фостера, наиболее релевантная конструкция для понимания многоуровневости систем – это сеть [53, р. 885]. Неоклассические рассуждения об экономике (*de facto* сложной системе, состоящий из множества разнообразных элементов и их взаимосвязей) в терминах функции полезности и производственной функции – слишком большое упрощение реальности [86]. Коннекционалистский подход рассматривает экономику и все ее компоненты как сетевые структуры связей [69], при этом рутины и компетенции фирм выступают конкретными формами проявления связей между субъектами и объектами транзакций [53, р. 886], что позволяет исследовать их с позиций сетевой теории. Возникают новые интерпретации конкуренции как процесса эволюции шумпетерианского предпринимателя от узла (*node*) до центра (*hub*) связей своего рынка; в свою очередь, чистая монополия характеризует ситуацию, когда медиатором всех рыночных связей является один центр [53, р. 887]. Но гетерархия не может заменить иерархию, поскольку выступает комплементарным способом организации систем.

Дискуссии об эволюции, как в биологической, так и в экономической науке, в основном сосредоточены на проблемах изменений, отбора и сохранения их результатов; при этом основным механизмом эволюционных преобразований представляется самоорганизация сложных систем на основе избирательных связей в рамках каждого уровня с учетом высокой степени делимости их многоуровневой структуры [70, р. 836]. Вместе с тем, четкость понимания этой структуры остается крайне низкой.

Проблемно-ориентированные прикладные исследования в большей степени испытывают влияние дефицита таксономической системности, что создает импульс теоретическим инновациям. Так, попытка выхода за рамки микроанализа в исследованиях управления человеческими ресурсами приводит к дифференциации уровней локального хозяйства, региональной среды, национальных институтов и транснационального регулирования [44, р. 484]. Более категоричен Д. Харпер, который, рассматривая многоуровневую систему прав интеллектуальной собственности, выделяет следующие уровни экономического порядка: мега- (глобальные рамки патентования), макро-

(патентные системы отдельных стран), мезо- (межфирменные пулы патентов), фокальный (портфели патентов отдельных фирм), микро- (отдельные патенты фирм и индивидов), нано- (пункты патентной формулы) [59]. Исследователи феномена мультинациональности корпораций рассматривают его в контексте пяти уровней – индивидуального, группового (командного), фирменного, отраслевого и странового [67, р. 505–511]. Однако позитивные эффекты подобных «еретических» концепций имеют крайне ограниченный характер, не выходя за пределы исследовательского поля отдельных прикладных дисциплин.

Многоуровневые таксономические концепции все еще остаются большой редкостью в западной экономической науке, поскольку мощная «аура» глубоко укорененных методологических стереотипов делает любые попытки подвергнуть сомнению «микро-макро» дихотомию крайне затруднительными. В силу действия инерционного эффекта, такого рода теоретические инновации неоднозначно воспринимаются большинством исследователей: поэтому даже в авангардных направлениях научного поиска – институциональной и эволюционной экономике – сравнительно широко используются пока только трехуровневые модели. В России же в этом смысле сложилась принципиально иная ситуация, связанная с длительным отставанием от трендов и конвенций мировой экономической науки. Неоклассическая парадигма начала активно распространяться в нашей стране только в 1990-х гг. и постоянно находилась в фокусе жесткой критики, особенно в качестве концептуальной основы либерально-рыночных реформ, что создало благоприятную среду для развития альтернативных неоклассике концепций. В результате были предложены гораздо более детализированные (по сравнению с зарубежными аналогами) варианты многоуровневой структуризации объекта и предмета экономической науки, в которых микро- и макроэкономика фигурируют наряду и в равном гносеологическом статусе с мега-, мезо-, нано- и даже миниэкономикой.

Так, Г. Клейнер реабилитировал додоферовскую интерпретацию мезоэкономики [18], которая в его расширительной трактовке охватывает промежуточные между микро- и макроуровнями объекты, в том числе рынки, бизнес-кластеры, отрасли, регионы, вертикально интегрированные комплексы, сетевые структуры, крупные корпорации и т. д. В свою очередь, Е. Попов ввел термин «миниэкономика» для характеристики уровня отношений между агентами и подразделениями в рамках предприятия [24; 25, с. 807]. Оттолкнувшись от идеи К. Эрроу, Г. Клейнер представил концепцию наноэкономики, связанную с уровнем поведения индивидуальных агентов [14]. При этом исследователи солидарны в признании целесообразности выделения отдельного макси- или мегауровня глобальных отношений и процессов [15; 26].

В концепции О. Иншакова мезоэкономическим считается любой уровень, промежуточный между двумя базовыми, что позволяет дифференцировать четыре их вида – мега/макро, макро/микро, микро/мини, мини/нано [9; 10]. В результате многоуровневая иерархия экономического пространства расширяется до девяти уровней, при этом разграничиваются сферы онто- и филогенеза. Онтогенез – процесс индивидуального воспроизводства фирмы (транзакционной формы предприятия в рыночной среде) [8] как экономического организма (особи), протекающий в рамках его внутреннего строения, на онтогенетических уровнях от нано- до микро-; филогенез – процесс популяционно-видового развития фирм в рамках своего вида (отрасли) и популяции (территориально локализованного отраслевого сообщества) на филогенетических уровнях от микро- до мега- [11].

В силу своего эвристического потенциала приведенные таксономические модели высвечивают существенные методологические проблемы в области уровневой структуризации экономического пространства.

1. *Проблема таксономического «разрыва» предмета и метода экономической науки.* Увеличение количества уровней позволяет детализировать структуру анализируемого предмета, но принципиально не меняет оппозиции методов его изучения. Методологический индивидуализм остается основой микроанализа, методологический холизм – основой макроанализа. Новые уровни (нано-, мини-, мезо-, мега-) не обладают встроенным аналитическим инструментарием: например, наноанализ содержательно ничем не отличается от традиционного микроанализа, а мегаанализ – от макроанализа. В результате ценность многоуровневых конструкций является относительной, а их значимость – преимущественно локальной.

2. *Проблема отождествления уровня (ранга) и масштаба экономических явлений.* Ранг и масштаб – понятия принципиально разные, хотя часто отождествляемые. Если ранг явления отражает степень его функционально-структурной сложности и позиционирование в иерархии, то масштаб характеризует размерность явления [13, с. 194–195]. Достаточно частое совпадение масштаба и ранга порождает иллюзию их тождества. Поэтому важно осознать относительность понятий «нано-», «микро-», «макро-» и т. п., поскольку реальные размеры (масштабы) относящихся к этим уровням явлений могут значительно варьироваться, причем эти термины параллельно используются для обозначения и уровня (ранга), и масштаба. При этом часто игнорируется, что «размерность не является комплекующей смысла» [17, с. 173] иерархической таксономии экономического пространства, поскольку таксономические модели оперируют репрезентативными единицами – индивидами, фирмами, отраслями, регионами, странами и т. д. Идея репрезентативного агента, изначально предложенная А. Маршаллом как инструмент

введения агрегированных микрооснований в макроконцепции [73, р. 8], распространяется и на аналитически выделяемые «новые» уровни экономического пространства (мини-, мезо-, мега-). Масштабирование (формирование диапазона масштабов) происходит в рамках каждого уровня: в результате явления одного ранга характеризуются разнообразием масштабов. Так, разграничиваются микро-, малые, средние, крупные и сверхкрупные предприятия, которые в целом относятся к микроуровню (репрезентативная фирма), хотя транснациональные и глобальные компании идентифицируются исследователями в качестве субъектов международной или мегаэкономики. В свою очередь, дочернее подразделение мультинациональной компании (формально относящееся к уровню миниэкономики) может многократно превосходить по масштабу отдельные предприятия (микроуровень), а с отраслями хозяйства (мезоэкономика по Г. Клейнеру) сосуществуют описанные М. Портером глобальные отрасли [43] (мегаэкономика). К макроуровню традиционно относят экономики отдельных стран (фактически по правовому критерию), хотя их масштабы различны и многие страны в экономическом смысле соответствуют регионам крупнейших стран. Поэтому при характеристике мегагородов и мегарегионов важно учитывать не только их географический, но и экономический масштаб, ведь мегастатус может иметь и небольшая территория, сконцентрировавшая в своих границах массив видов деятельности по обеспечению производства или движения глобальных потоков товаров и услуг, т. е. выполняющая воспроизводственные функции в мегамасштабе. Разнообразие рангов и масштабов субъектов и объектов экономического пространства не всегда корректно учитывается при построении «вертикальных» таксономических моделей. Расширение уровневой таксономии экономического пространства затрудняется проблематичностью точного определения единиц анализа на каждом уровне.

3. *Проблема отождествления субъектов и мест размещения бизнеса.* Микро-, мезо- и макроэкономика, а также международная и мировая экономика изучают и субъектов хозяйства (индивидов, фирмы, бизнес-группы, сети, отрасли и т. д.), и территориальные образования (кластеры, регионы, страны, международные объединения), т. е. юрисдикции — места размещения бизнеса. Нестрогие описания состава объектов анализа на различных уровнях сами по себе «не способны выстроить жизнеспособную таксономию, требуя адекватного теоретизирования» [36, р. 45]. Например, по определению Г. Клейнера, мезоэкономика включает «отрасли, рынки, регионы, крупные межотраслевые экономические комплексы, совокупности предприятий, сгруппированных по иным признакам» [19, с. 7] или, более детально, «отрасли и подотрасли народного хозяйства, ...межотраслевые вертикальные комплексы, устойчивые надотраслевые комплексы типа АПК и ВПК, ...регио-

ны, другие территориальные группы предприятий и организаций» [19, с. 9]. В результате произвольно смешиваются результаты двух принципиально разных процессов – отраслевого и территориального разделения и кооперации труда (и хозяйственной деятельности в целом), – различие которых должно лежать в основе таксономии филогенетических уровней экономического пространства.

Не случайно один из ключевых вопросов эволюционной экономики, согласно Р. Нельсону, состоит в том, каким образом происходит распределение неравномерности темпов развития между отраслями и областями (*industries and fields*) экономической деятельности [75, р. 908]. Системный анализ любого явления, выходящего за границы «микромира» хозяйства, предполагает сочетание отраслевого и пространственного аспектов. Так, национальные инновационные системы рассматриваются как композиция секторных (*sectoral*) и региональных подсистем [79, р. 771]; при этом и в практике бизнеса отраслевая и территориальная композиция видов деятельности (в частности, корпоративных исследований и разработок) значительно воздействует на достижение стратегических целей компаний [41, р. 168]. Тенденция гибридизации функциональной (отраслевой) и пространственной структуры экономических систем оказывает негативное влияние на точность и строгость таксономических моделей. Кроме того, нередко территориальное разделение труда смешивается с административно-территориальным делением стран. В частности, федеральные округа РФ часто отождествляются с макрорегионами, которые, по мнению А. Гранберга, было бы корректнее соотносить с экономическими районами [3, с. 22], что подтверждается ярко выраженной неоднородностью макрорегионов окружного типа с разрывом в несколько технологических укладов.

В теории мезоэкономики (и в экономической науке в целом) наблюдается выраженный примат регионов над городами, хотя урбанизация не менее значима, чем регионализация. В этом проявляется «фетишизация регионов», за которую часто критикуется экономическая география [90, р. 16] и регионалистика (*regional science*); во многом именно поэтому экономгеографы все большее внимание обращают на сетевые структуры, в частности, бизнес-кластеры. Вместе с тем, город остается «выпавшим» объектом стандартного экономического анализа, несмотря на серию «прорывных» теоретических исследований [42; 54; 55; 62]. Это отражает общую «неготовность экономической теории интегрировать пространственный аспект экономической динамики в канонические модели» [20, с. 7], прежде всего, в модели таксономического характера. В результате пространственная экономика остается на гетеродоксальной периферии академической экономической науки, что явно не соответствует ее потенциалу.

4. *Проблема унификации терминологии.* Неравномерность эволюции экономического пространства обуславливает высокую степень произвольности выделения и наименования его уровней. В классификациях перемешаны дольные и кратные единицы СИ («мега-», «микро-», «нано-»), пока что не установлено их однозначное соответствие, но параллельно применяются термины «мезо-» и (реже) «мини-». Существует выраженная специфика конвенциональных интерпретаций их содержания представителями разных научных направлений. Например, эволюционные экономисты обычно не следуют конвенциям неоклассической терминологии и в рамках микроэкономического анализа рассматривают фирмы, домохозяйства и поведенческие рутины, тогда как в ходе макроэкономического анализа обращаются к разделению труда и распределению знаний или динамическим отношениям между агрегированными совокупностями [46, р. 134]. В кейнсианской теории сохраняется тенденция отождествления «микроскопических» и нанооснований макроэкономики [83, р. 77]. В узком смысле «микрооснованиями» тех или иных феноменов принято считать действия и взаимодействия индивидов, которые в совокупности и формируют соответствующий феномен» [27, с. 5]; в широком же значении единицами микроанализа могут быть индивиды, домохозяйства, фирмы, сети, банки, государственные агентства и любые другие объекты, противопоставляемые странам [88].

Таким образом, таксономические конвенции в современной экономической науке крайне инертны, а соответствующие инновации нестабильны, оставляя широкое пространство для слабо верифицируемых позиций и схоластических дискуссий. Примером может служить недостаточно убедительная критика Г. Клейнером предлагаемого О. Иншаковым подхода к пониманию мезоуровней как промежуточных уровней между всеми базовыми: «Каждый мезоуровень... состоит из групп интегрированных субъектов предыдущего уровня. По нашему мнению, экономические отношения распространяются далеко не на все такие группы (скажем, взаимоотношения между профессиональными группами работников, составляющие, по Иншакову, промежуточный между нано- и мини- мезоуровень, не носят, как правило, экономического характера). Поэтому представляется [возможным] выделять один мезоуровень (между макро- и микроуровнями), а не четыре» [19, с. 15]. Однако, следуя логике Г. Клейнера, можно прийти и к необходимости отказа от выделения отраслевого уровня, поскольку отрасль – категория в большей степени аналитическая (вид экономической деятельности, представленный множеством предприятий с общей видовой принадлежностью), а отношения между отраслями как субъектами метаконкуренции происходят в формате реализации ассоциированных интересов. Экономический характер отношений профессиональных и рабочих групп агентов не означает рыночного

обмена, но предполагает разделение и кооперацию труда, выбор в условиях ограниченности ресурсов, конкуренцию, оппортунизм, лоббирование и т. д. Нуждается в дополнительной аргументации идея Г. Клейнера о том, что промежуточные институты (по терминологии В. Полтеровича) [23] также относятся к уровню мезоэкономики. Он полагает, что «промежуточный уровень развитости института часто сопрягается с промежуточностью уровня его распространности, что, по существу, и отвечает принадлежности к мезоуровню» [19, с. 9]. Продолжая эту мысль, неизбежно приходим к необходимости относить к мезоуровню и все материальные объекты и проекты, находящиеся в промежуточной стадии реализации (например, объекты незавершенного строительства и т. п.).

По большому счету, *широкому развитию многоуровневого экономического анализа препятствует лишь инерция методологических и таксономических конвенций и стереотипов*. Конечно, искусственное ускорение этого процесса неоправданно, если оно не отвечает логике и скорости научной эволюции. Вместе с тем, движение экономической науки к синтезу предполагает не только объединение кейнсианских макроэкономических идей и шumpетерианской концепции технологического развития в рамках альтернативной эволюционной парадигмы [6] или формирование общего подхода к социальному анализу в русле методологического синтеза посткейнсианства и неинституционализма [92]. Еще важнее выработка единых (или хотя бы единообразных) таксономических и терминологических конвенций, которые могли бы стать основой методологической интеграции и разрешения массива сложившихся противоречий в этой области научного познания.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ТАКСОНОМИИ И ЕЕ СЛЕДСТВИЯ

Эволюционирующий мир экономики образует многоуровневую иерархию, каждый уровень которой характеризует специфическое пространство и время протекания хозяйственных процессов. Таксономические модели экономического пространства целесообразно разрабатывать в контексте обобщенной эволюционной теории (*generalized evolutionary theory*), формирующей общие принципы и методологические рамки для изучения сложных развивающихся систем в природе и обществе. Принципиальное единство устройства биологической и социальной природы диктует необходимость рационального использования идей и концепций эволюционной биологии, хотя, вслед за Р. Нельсоном и С. Уинтером, «мы категорически отвергаем любое стремление применять биологические аналогии ради самих аналогий и даже ради прогресса в построении абстрактной эволюционной теории высокого уровня» [21, с. 31]. Вместе с тем, в экономической науке пока что

нет объективного метода таксономизации, сопоставимого с биологической систематикой.

В области биологической эволюции, где основной дихотомией является «особь – популяция», концепция многоуровневого популяционного мышления (*multilevel population thinking*) позволила совершить многочисленные прорывы, тогда как в экономике область ее применения все еще очень ограничена. Если считать фирму экономическим аналогом особи, существующей в рамках вида (отрасли), относящейся к определенному поколению (генерации) и территориальному сообществу (популяции), то следует признать фундаментальный тезис: онтогенез фирмы изоморфен онтогенезу биологических организмов.

На предельном наноуровне иерархии экономического пространства (L_1 в табл.) дискретными элементами анализа являются агенты (лат. *agens* – действие) – действующие лица новых комбинаций, субъекты (акторы) действий и деятельности в целом, которых К. Эрроу уподоблял атомам [33, р. 3]. Интегрированные по комплементарным функциям агенты, как «клетки» многоклеточного экономического организма (фирмы), формируют профессиональные и рабочие группы и команды (своеобразные «ткани»), которые являются объектами анализа на мезоуровне L_2 . Миниэкономический уровень иерархии фирмы (L_3) связан с процессами образования, трансформации, взаимодействия и ликвидации ее подразделений (органов) – относительно обособленных субструктур, специализированных для выполнения определенных функций; при этом, как и в биологии, каждый орган фирмы представляет собой структурно-функциональное объединение нескольких типов «тканей» (профессиональных и рабочих групп агентов), которые во взаимодействии обеспечивают выполнение его функций. В современных концепциях менеджмента выделяются индивидуальный, групповой (*work group*) и организационный уровни стратегических изменений [87], но обычно пропускается именно «органный» мини-уровень. На мезоуровне L_4 в фокусе экономического анализа оказываются функциональные системы фирмы (системы снабжения, производства, сбыта, управления, безопасности, обслуживания и т. д.), структурно представленные комплексами функционально комплементарных подразделений и принципиально аналогичные пищеварительной, сердечно-сосудистой, нервно-гуморальной и другим системам жизнеобеспечения биологических особей. Конечно, любая метафора с ее «мускулистым языком» – это, прежде всего, метафора. Экономическая эволюция гораздо сложнее и разнообразнее биологической; вместе с тем, у этих процессов имеются определенные сходства, что отражается в близости (но не тождественности) теоретических интерпретаций [76, р. 913].

Итак, нано-, мини- и онтогенетические мезоуровни охватывают сферы

внутренних процессов онтогенеза фирм, их индивидуального развития в процессах адаптации к меняющейся внешней среде и конструирования рыночных ниш. Микро-, макро-, мега- и филогенетические мезоуровни отражают структуру сферы филогенеза глобальной экономики, где осуществляются процессы внутри- и межвидовых взаимодействий фирм и их объединений, эволюции отраслей, межотраслевых комплексов и генераций, формируются территориальные хозяйственные сообщества разного масштаба.

Внутрифирменное разделение труда (на уровнях онтогенеза фирмы) при восхождении на уровни филогенеза глобальной экономической системы трансформируется в два взаимосвязанных, но содержательно различных процесса отраслевого и территориального (пространственного) разделения и кооперации труда и, шире, хозяйственной деятельности. Отраслевое разделение труда порождает видовое и эволюционное многообразие экономического пространства. Ключевыми объектами анализа здесь являются: отрасль как агрегированный вид экономической деятельности, представленный качественно однородной группой (видовым сообществом) фирм с идентичной или близкой специализацией; генерация как поколение функционально и технологически взаимосвязанных отраслей, реализующее смену жизненных циклов способов производства. Отрасли и генерации выступают ассоциированными субъектами многоуровневой метаконкуренции. Технологические (и хозяйственные) уклады представляют собой внешние формы проявления эволюции макро-, транснациональных и мегагенераций, а техноэкономические парадигмы – это сверхколлективные ментальные модели их агентов.

Следует отметить доминирование отраслевого подхода в современной эволюционной экономике, которое приводит к терминологическим неточностям. Так, П. Савиотти и А. Пика утверждают, что «промышленный сектор представлен популяцией фирм, производящих различные товары и услуги» [89, р. 4], а структурные сдвиги в экономике являются результатом исключительно возникновения новых, «вымирания» старых и изменения удельного веса выживших секторов (или индустрий) [89, р. 2]. Но популяция в общем эволюционном смысле – это совокупность особей одного вида, длительное время обитающих на определенной территории, или, «переводя» на язык экономики, моноотраслевое территориальное хозяйственное сообщество. Тезис «место имеет значение» (*place matters*) до сих пор не получил адекватного развития в экономической теории, хотя локализация фирм и отраслей – важная линия исследований в теории пространственной экономики, берущая начало в работах А. Маршалла [28, с. 74–77]. Однако «в рамках существующих теоретических построений в макро- и микроэкономике практически нет места для экономического пространства», в результате чего «до

сих пор нет определенности ни с тем, каково самостоятельное содержание пространственной экономики, ни с тем, каково ее место в системе экономической науки» [20, с. 11]. «Экстерриториальность» популяционного анализа в концепциях эволюционных экономистов – странная тенденция, нуждающаяся в скорейшем преодолении.

Пространственное разделение труда в контексте эволюционно-экономического подхода агрегирует: *популяции* – видовые (моноотраслевые) сообщества фирм, развивающиеся на определенной территории; *экоценозы* – многоотраслевые сообщества фирм, совместно функционирующих в определенном экономическом пространстве с достаточно однородными условиями воспроизводства (*эктопы*). Объектами анализа при этом становятся бизнес-кластеры и сети, города и агломерации (в том числе метрополисы, метроплексы, мегаполисы и др.), регионы и макрорегионы, экономические районы и зоны, страны и международные объединения, мегарегионы и мегагорода и т. д. Таким образом, онтогенез фирм логично дополняется филогенезом их популяций, генераций и экоценозов (*табл.*).

Таблица

Многоуровневая таксономия экономического пространства		
Уровни (L)	Филогенез глобальной экономики	
	Отраслевое разделение и кооперация труда	Пространственное разделение и кооперация труда
L ₉ : Мега	L ₉₁ : Мировая экономика как система мегагенераций, мегаотраслей и их комплексов	L ₉₂ : Мировая экономика как система международных объединений, мегарегионов и мегагородов
L ₈ : Мезо-4	L ₈₁ : Транснациональные отрасли, межотраслевые комплексы и генерации	L ₈₂ : Наднациональные пространственные образования (международные объединения, мегарегионы, мегагорода)
L ₇ : Макро	L ₇₁ : Национальная экономика как система отраслей, межотраслевых комплексов, моно- и межотраслевых макрогенераций	L ₇₂ : Национальная экономика как система городов, регионов и межрегиональных объединений
L ₆ : Мезо-3	L ₆₁ : Отрасли и межотраслевые комплексы субнационального масштаба	L ₆₂ : Субнациональные пространственные образования (кластеры, города, агломерации, регионы и др.)
L ₅ : Микро	Фирмы и межфирменные объединения (бизнес-группы, альянсы, сети и т. д.)	
L ₄ : Мезо-2	Производственные и сервисные функциональные системы	
L ₃ : Мини	Специализированные и универсальные подразделения	
L ₂ : Мезо-1	Профессиональные и рабочие группы, команды и сети	
L ₁ : Нано	Индивидуальные агенты	
	Онтогенез фирмы (внутрифирменное разделение и кооперация труда)	

Преимуществами предлагаемой таксономической модели являются: применение эволюционной методологии с выделением отраслей (видов), популяций, генераций и экоценозов в качестве ассоциированных метасубъектов экономической динамики и эволюции; гносеологическая дифференциация и уровневая структуризация отраслевого и территориального разделения труда; реинтеграция пространственных образований в систему экономического анализа. Конечно, экономика как сложная саморазвивающаяся система не может быть адекватно представлена в виде строгой иерархии объектов, жестко разделенных межуровневыми границами, которыми «вышестоящие уровни накладывают ограничения на нижестоящие» [95, р. 596]. Ведь наиболее фундаментальный принцип таксономизации состоит в том, что дискретные категории редко наблюдаются в реальности. Разрабатывая свою теорию градаций, А. Кинси прозорливо заметил: «Мир не делится на агнцев и козлиц» [66, р. 639]. Экономическая реальность – это континуум во всех и каждом из своих аспектов.

Поэтому особую сложность представляет системное изучение прямых и обратных межуровневых связей и отношений. Так, «под наноэкономикой подразумевается взаимодействие между индивидами, возможно и вне общей хозяйственной деятельности предприятия. То есть, наноэкономика может рассматриваться как частный случай миниэкономики» [26, с. 79], поскольку все нижестоящие уровни входят в состав вышестоящих, определяя их специфику. Под мезоэкономикой, в свою очередь, может пониматься «совокупность не только собственно социально-экономических подсистем среднего уровня экономической иерархии, но и подсистем, лежащих на более низких уровнях, в частности, предприятий и их группировок» [18, с. 11]. Хотя для каждого уровня может быть выделен репрезентативный объект анализа, но системный анализ любого уровня предполагает изучение всех выше- и нижестоящих уровней, прямо или косвенно влияющих на него. Так, многоуровневое исследование глобализации предполагает изучение не только мегагенераций и мегаотраслей, мегарегионов и мегагородов, но и мультинациональных и глобальных компаний, мегакластеров и т. д., вплоть до индивидуальных мегаакторов, т. е. всего многообразия субъектов, объектов и процессов глобального ранга и масштаба. Аналогично, «появление нового рабочего места на какой-либо одной фирме может породить длинную цепочку перемещений работников между целой группой фирм» [2, с. 7], создавая наноимпульс многоуровневым изменениям в экономике и требуя системного анализа в предлагаемой таксономической «рамке». При этом любой вышестоящий уровень может рассматриваться сквозь призму нижестоящего, и наоборот. Например, макроэкономические изменения допустимо представлять как результат конкуренции и кооперации групп влияния, коалиций (мини-анализ) или пред-

ставлять регион в качестве локальной эмерджентной системы, агрегирующей индивидуальные действия ее стейкхолдеров и конституентов (наноанализ).

Одна из основополагающих проблем экономической науки состоит в определении природы отношений между макросистемами и микроэлементами [61, р. 334]. Методологический индивидуализм игнорирует принцип несводимости качественных характеристик системы к параметрам и свойствам ее элементов: в силу действия эффекта синергии система всегда больше суммы своих элементов. В свою очередь, методологический холизм абстрагируется от того факта, что, хотя любая система определяется составом и свойствами элементов, но вывести характеристики и особенности элементов из свойств системы невозможно в силу ее эмерджентности (принцип невыводимости). Индивидуализм и холизм — два полюса экономической методологии, выбор между которыми носит искусственный характер: здесь нет дихотомии, но есть диалектика.

Иерархия глобальной экономической системы объединяет относительно «жесткие» и «мягкие» структуры, соответствующие базовым и мезоуровням. Основное внимание теоретики традиционно уделяют объектам базовых уровней в рамках «микро-макро» дихотомии, игнорируя стремительно меняющуюся реальность. Глобализация все сильнее «расшатывает» и деформирует «жесткие» институциональные структуры, определяя повышение роли мезоуровней и «мягких», пластичных, вариативных структур. Происходит размывание границ экономических систем и сред, которые становятся все более неясными и аморфными, отражая функциональную «разгрузку» базовых уровней как следствие адаптации к турбулентности неэргодичной глобализирующейся среды. Ведь чем более непредсказуема среда, тем более гибкими вынуждены становиться экономические системы и тем большую роль приобретают их «буферные» уровни.

Одним из проявлений этой тенденции является широкое распространение расширенных (*extended*) форм экономических субъектов. Так, под влиянием усложнения социальной среды современные корпорации все в большей степени становятся своего рода моральными агентами общества, а спектр их интересов включает наряду с максимизацией прибыли и доходов собственников также удовлетворение потребностей широкого круга стейкхолдеров, в том числе менеджеров, работников, потребителей, поставщиков, местного населения, различных общественных групп и государства. Институт фирмы обретает формат «расширенного предприятия» (*extended enterprise*), представляющего узловым элементом в сети взаимосвязанных внутренних и внешних стейкхолдеров, создающих, поддерживающих и расширяющих его рыночные возможности [85]. И хотя до сих пор преобладает представление о фирме как атомизированном субъекте [44, р. 487], ключевой административной

функцией в современном бизнесе становится управление портфелем связей [84, р. 39]. Наблюдаемое расширение фирмы – объективный этап эволюции этого института, связанный с интериоризацией нагнетающей давление социальной среды и трансформацией в своего рода «средовую систему» (по терминологии Г. Клейнера) [16], размытая граница которой определяется интеракционным контуром в пространстве рыночных и нерыночных взаимодействий. Именно средовые изменения определяют ключевые виды деятельности компаний, в последние десятилетия эволюционировавших от формата классической иерархии в направлении гибких, децентрализованных, сетеобразных структур [51]. Происходит постепенное смещение аналитического фокуса исследователей менеджмента с фигуры предпринимателя на предпринимательские команды, которые могут возникать внутри, вокруг и за пределами фирм (но должны изучаться в рамках миниэкономики), а также на принимающих решения командных игроков (*team agents*) [60, р. 613–614]. Эксперты относят к наиболее перспективным направлениям развития организационных наук анализ разнообразия и распределения власти в рамках внутрифирменных команд; образования и трансформации подгрупп, альянсов, сетей агентов; межгруппового поведения, конфликтов, обучения и принятия решения [93], что также относится к актуальным направлениям мини-анализа.

В свою очередь, будучи субъектами стратегических коллективных действий, города и регионы инициативно превращаются в социально ответственные мультистейкхолдерские пространственные корпорации. По аналогии с фирмами, регионы все чаще рассматриваются как функционирующие комплексы компетенций [41, р. 168], осуществляющие рыночную или «рыночнообразную» (*marketlike*) деятельность: ведь, по убеждению Й. Шумпетера, «любая социальная среда имеет специфические способы наполнения (*filling*) предпринимательской функции» [91, р. 51]. В ходе усиливающейся межтерриториальной конкуренции, сопровождающейся ростом открытости и сокращением ограничений мобильности капиталов и ресурсов, муниципальные и региональные администрации активно используют технологии маркетинга и брендинга, применяют рыночные стратегии и вынуждены быть поистине виртуозными в своих попытках соответствовать потребностям и ожиданиям многочисленных стейкхолдеров. Территории все в большей степени напоминают «фирмообразные структуры» [5, с. 254], нуждающиеся в новой модели территориального менеджмента, базирующейся на принципах управления в частном секторе [30].

Спонтанно возникающие, саморегулирующиеся пространственные образования – главный объект исследований новой экономической географии, активно развивающейся в русле эволюционной парадигмы [38; 72; 58].

Гибкие и адаптивные форматы пространственной организации экономики — кластеры, сети, города, индустриальные зоны, агломерации, региональные инновационные системы и др. — возникают как феномены макро-, мезо- и мегамасштаба, самоорганизующиеся независимо от моделей поведения, взаимодействий и мотивации мириад экономических агентов на микро- и наноуровнях (компаний, работников, потребителей и др.) [71, р. 3–4]. Поэтому справедливой критике подвергаются архаичные экономико-географические концепции, рассматривающие институции как долговечные статичные структуры [37], т. к. сами пространственные структуры и есть эволюционирующие институциональные формы организации экономического пространства [12]. В частности, кластер представляет собой форму пространственной институционализации популяционной системы фирм, поэтому его жизненный цикл допустимо анализировать как мезотраекторию [90, р. 15] в пространстве состояний.

В контексте эволюционной таксономии институционализм может рассматриваться как метанарратив, один из универсальных языков экономической науки, что связано с эндогенной природой институции как объективно необходимого фактора любой хозяйственной деятельности. Институции — виды экономической деятельности и статусные функции субъектов, объектов и процессов на всех уровнях иерархической структуры экономики [7]. Масштабы и ранги закрепленных за субъектами и объектами хозяйства функций определяют уровневую дифференциацию конкретных форм проявления институций. Например, отрасли национальной экономики как комплексы функционально однотипных производств, характеризующихся аналогичным продуктом и технологической общностью, представляют собой макроэкономические формы проявления институций. В свою очередь, макро- и мегагенерации следует понимать как поколенческие группы технологически связанных отраслевых институций (*technology-related institutions*) странового и глобального масштаба. Институциогенез (процесс формирования и развития институций) — это и есть процесс общественного (внутрифирменного, отраслевого и территориального) разделения труда и человеческой деятельности в целом, взятый в содержательном аспекте и протекающий на всех уровнях экономического пространства.

Особое значение предлагаемая таксономия имеет для передовых направлений современной экономической науки — институциональной, эволюционной и пространственной экономики, — обеспечивая продуктивную дифференциацию уровней анализа и повышение релевантности теоретического отражения объекта исследований, концептуализацию эволюционной теории в качестве «сквозной» методологии фундаментальных и прикладных дисциплин, введение пространственного аспекта в теоретические и анали-

тические модели, создание импульса выделению новых уровневых разделов и уточнения их соотношений. Интеграция метаязыка институционализма, эволюционной методологической платформы и широкой предметной сферы пространственной экономики может стать важным этапом постнеоклассического синтеза экономической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бесси К., Фавро О.* Институты и экономическая теория конвенций // Вопросы экономики. 2010. № 7. С. 12–38.
2. *Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Рыжикова З.А.* Движение рабочих мест в российской экономике: в поисках созидательного разрушения: препринт WP3/2012/03. М.: ИД ВШЭ, 2012. 45 с.
3. *Гранберг А.Г.* Макрорегионы в стратегии социально-экономического развития России // Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / под ред. акад. А.Г. Гранберга. М.: Наука, 2004. С. 7–28.
4. *Гребенников В.Г.* Ассоциации на пройденные темы // Экономическая наука современной России. 1998. № 1. С. 104–116.
5. *Демсец Х.* Еще раз о теории фирмы // Природа фирмы / под ред. О.И. Уильямсона, С. Дж. Уинтера. М.: Дело, 2001. С. 237–267.
6. *Дози Дж.* Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 31–60.
7. *Инишаков О., Фролов Д.* Эволюционная перспектива экономического институционализма // Вопросы экономики. 2010. № 9. С. 63–77.
8. *Инишаков О.В.* Предприятие и фирма: выход из заблуждений в русле эволюционной экономической теории // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 3. Экономика, экология. 2008. № 2. С. 4–15.
9. *Инишаков О.В.* Теория факторов производства в контексте экономики развития: науч. докл. на Президиуме МАОН (Москва, 29 нояб. 2002 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 92 с.
10. *Инишаков О.В.* Уровневый анализ объекта, предмета и метода экономической теории // Известия Санкт-Петербургского ун-та экономики и финансов. 2004. № 4. С. 5–19.
11. *Инишаков О.В., Белобородько А.М., Фролов Д.П.* Биржа: эволюция экономического института. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2008. 383 с.
12. *Инишаков О.В., Фролов Д.П.* Институциональность экономического пространства в концепции пространственной экономики // Пространственная экономика. 2007. № 1. С. 5–21.
13. *Карогодин Ю.Н.* Седиментационная цикличность. М.: Недра, 1980. 242 с.
14. *Клейнер Г.* Наноэкономика // Вопросы экономики. 2004. № 12. С. 70–94.
15. *Клейнер Г.Б.* Наноэкономика и теория фирмы // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. «Экономика и управление». 2004. № 2. С. 99–123.
16. *Клейнер Г.* Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. 2011. № 1. С. 89–100.
17. *Кралечкин Д.Ю., Ушаков А.С.* EuroOntology. М.: Прометей, 2001. 256 с.
18. *Мезоэкономика переходного периода: рынки, отрасли, предприятия / под ред. Г.Б. Клейнера.* М.: Наука, 2001. 515 с.

19. Мезоэкономика развития / под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. М.: Наука, 2011. 805 с.
20. *Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.
21. *Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж.* Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002. 536 с.
22. *Никитин М.В.* Об уровневой структуре языка // *Studia Linguistica XVIII*. Актуальные проблемы современного языкознания. СПб.: Политехника-сервис, 2009. С. 7–17.
23. *Полтерович В.М.* Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. 446 с.
24. *Попов Е.В.* Классификация и специализация разделов экономической науки // Общество и экономика. 2001. № 2. С. 200–207.
25. *Попов Е.В.* Миниэкономика – приоритетное направление исследований // Вестник РАН. 2004. Т. 74. № 9. С. 806–812.
26. *Попов Е.В.* Эволюция институтов миниэкономики. М.: Наука, 2007. 544 с.
27. *Тамбовцев В.Л.* Базовые понятия стратегического менеджмента: проблема микрооснований // Российский журнал менеджмента. 2010. Т. 8. № 4. С. 3–30.
28. *Украинский В.Н.* Французская пространственная экономика: от промышленных округов до полюсов конкурентоспособности // Пространственная экономика. 2011. № 3. С. 71–99.
29. *Фролов Д.* Методологический институционализм: новый взгляд на эволюцию экономической науки // Вопросы экономики. 2008. № 11. С. 90–101.
30. *Фролов Д.П.* Маркетинговый подход к управлению пространственным развитием // Пространственная экономика. 2013. № 2. С. 65–86.
31. *Aguinis H., Glavas A.* What We Know and Don't Know About Corporate Social Responsibility: A Review and Research Agenda // *Journal of Management*. 2012. Vol. 38. № 4. Pp. 932–968.
32. *Albert H., Arnold D., Maier-Rigaud F.* Model Platonism: Neoclassical economic thought in critical light // *Journal of Institutional Economics*. 2012. Vol. 8. № 3. Pp. 295–323.
33. *Arrow K.J.* Methodological Individualism and Social Knowledge // *American Economic Review*. 1994. Vol. 84. № 2. Pp. 1–9.
34. *Arrow K.* Reflections on the Essays // *Arrow and the Foundations of the Theory of Economic Policy* / ed. by G. Feiwel. London: Macmillan, 1987. 758 p.
35. *Blieth M., Hodgson G.M., Lewis O., Steinmo S.* Introduction to the Special Issue on the Evolution of Institutions // *Journal of Institutional Economics*. 2011. Vol. 7. № 3. Pp. 299–315.
36. *Boisot M., Canals A.* Data, information and knowledge: have we got it right? // *Journal of Evolutionary Economics*. 2004. Vol. 14. Pp. 43–67.
37. *Boschma R., Frenken K.* The Emerging Empirics of Evolutionary Economic Geography // *Journal of Economic Geography*. 2011. Vol. 11. № 2. Pp. 295–307.
38. *Boschma R., Frenken K.* Why is Economic Geography not an Evolutionary Science? // *Journal of Economic Geography*. 2006. Vol. 6. № 3. Pp. 273–302.
39. *Bourdieu P.* Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 224 p.
40. *Callon M.* Why Virtualism Paves the Way to Political Impotence: A Reply to Daniel Miller's Critique of the Laws of the Markets // *Economic Sociology: European Electronic Newsletter*. 2005. Vol. 6. № 2. Pp. 3–20.
41. *Cantwell J., Santangelo G.D.* The new geography of corporate research in Information and Communications Technology (ICT) // *Journal of Evolutionary Economics*. 2002. Vol. 12. Pp. 163–197.

42. *Combes P.-P., Mayer T., Thisse J.-F.* Economic Geography: The Integration of Regions and Nations. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008. 424 p.
43. Competition in Global Industries / Porter, M.E. (ed.). Boston: Harvard Business School Press, 1986. 581 p.
44. *Delbridge R., Hauptmeier M., Sengupta S.* Beyond the enterprise: Broadening the horizons of International HRM // Human Relations. 2011. Vol. 64. № 4. Pp. 483–505.
45. *Dopfer K.* The economic agent as rule maker and rule user: Homo Sapiens Oeconomicus // Journal of Evolutionary Economics. 2004. Vol. 14. Pp. 177–195.
46. *Dopfer K.* The origins of meso economics: Schumpeter's legacy and beyond // Journal of Evolutionary Economics. 2012. Vol. 22. Pp. 133–160.
47. *Dopfer K., Foster J., Potts J.* Micro-Meso-Macro // Journal of Evolutionary Economics. 2004. Vol. 14. № 3. Pp. 263–279.
48. *Dopfer K., Potts J.* Why evolutionary realism underpins evolutionary economic analysis and theory: A reply to Runde's critique // Journal of Institutional Economics. 2010. Vol. 6. № 3. Pp. 401–413.
49. *Elsner W.* An Industrial Policy Agenda 2000 and Beyond – Experience, Theory and Policy // Industrial Policies After 2000 / W. Elsner, J. Groenewegen (eds.). Boston, Dordrecht, London: Kluwer Academic Publishers, 2000. Pp. 411–486.
50. *Field A.J.* The problem with neoclassical institutional economics: A critique with special reference to the North/Thomas model of pre-1500 Europe // Explorations in Economic History. 1981. Vol. 18. № 2. Pp. 174–198.
51. *Fioretti G.* Two measures of organizational flexibility // Journal of Evolutionary Economics. 2012. Vol. 22. № 5. Pp. 957–979.
52. *Foss N.J.* Invited Editorial: Why Micro-Foundations for Resource-Based Theory Are Needed and What They May Look Like // Journal of Management. 2011. Vol. 37. № 5. Pp. 1413–1428.
53. *Foster J.* From simplistic to complex systems in economics // Cambridge Journal of Economics. 2005. Vol. 29. Pp. 873–892.
54. *Fujita M.* Urban Economic Theory. Cambridge (UK) – NY: Cambridge University Press, 1990. 366 p.
55. *Fujita M., Krugman P., Venables A.J.* The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. 367 p.
56. *Fujita M., Thisse J.-F.* Economics of Agglomeration: Cities, Industrial Location and Regional Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 466 p.
57. *Hanappi D.* Economic Action, Fields and Uncertainty // Journal of Economic Issues. 2011. Vol. XLV. № 4. Pp. 785–803.
58. Handbook of Evolutionary Economic Geography / Boschma R., Martin R.L. (eds). Chichester: Edward Elgar, 2010. 576 p.
59. *Harper D.A.* Property as a Complex Adaptive System: How Entrepreneurship Transforms Intellectual Property Structures. URL: http://econ.as.nyu.edu/docs/IO/22944/Harper_04162012.pdf (дата обращения: сентябрь 2013).
60. *Harper D.A.* Towards a theory of entrepreneurial teams // Journal of Business Venturing. 2008. Vol. 23. P. 613–626.
61. *Hedoin C.* Linking institutions to economic performance: the role of macrostructures in microexplanations // Journal of Institutional Economics. 2012. Vol. 8. № 3. Pp. 327–349.
62. *Henderson J.V.* Economic Theory and the Cities. Orlando; N.Y.: Academic Press, 1985. 269 p.
63. *Holland S.* The Market Economy. From Micro to Meso-economics. London: Weidenfeld and Nicholson, 1987. 370 p.
64. *Huselid M.A., Becker B.E.* Bridging Micro and Macro Domains: Workforce

- Differentiation and Strategic Human Resource Management // Journal of Management. 2011. Vol. 37. № 2. Pp. 421–428.
65. *Kimenyi M.S.* Institutions and development: the primacy of microanalysis // Journal of Institutional Economics. 2011. Vol. 7. № 4. Pp. 549–553.
66. *Kinsey A.C., Pomeroy W.B., Martin C.E.* Sexual Behavior in the Human Male. Philadelphia, PA: W.B. Saunders, 1948. 804 p.
67. *Kirca A.H., Hult G.T.M., Deligonul S., Perry M.Z., Cavusgil S.T.* A Multilevel Examination of the Drivers of Firm Multinationality: A Meta-Analysis // Journal of Management. 2012. Vol. 38. № 2. Pp. 502–530.
68. *Li B.* From a Micro-Macro Framework to a Micro-Meso-Macro Framework // Engineering, Development and Philosophy. American, Chinese and European Perspectives / Christensen, S.H.; Mitcham, C.; Li, B.; An, Y. (eds.). Dordrecht: Springer Science+Business Media, 2012. Pp. 23–36.
69. *Loasby B.* Knowledge, Institutions and Evolution in Economics. London: Routledge, 1999. 192 p.
70. *Loasby B.J.* Building systems // Journal of Evolutionary Economics. 2012. Vol. 22. Pp. 833–846.
71. *Martin R., Sunley P.* Forms of Emergence and the Evolution of Economic Landscapes. Papers in Evolutionary Economic Geography № 11.16. Utrecht University, 2011. 36 p.
72. *Martin R.L., Sunley P.J.* Complexity Thinking and Evolutionary Economic Geography // Journal of Economic Geography. 2007. Vol. 7. № 5. Pp. 573–602.
73. *Metcalfe J.S.* Knowledge of growth and the growth of knowledge // Journal of Evolutionary Economics. 2002. Vol. 12. № 1–2. Pp. 3–15.
74. *Nee V., Ingram P.* Embeddedness and Beyond: Institutions, Exchange, and Social Structure // The New Institutionalism in Sociology / M.C. Brinton and V. Nee (eds.). Stanford: Stanford University Press, 1998. Pp. 19–45.
75. *Nelson R.R.* On the uneven evolution of human know-how // Res Policy. 2003. Vol. 32. Pp. 900–922.
76. *Nelson R.R.* Why Schumpeter has had so little influence on today's main line economics, and why this may be changing // Journal of Evolutionary Economics. 2012. Vol. 22. Pp. 901–916.
77. *Nelson R.R., Winter S.* An evolutionary theory of economic change. Cambridge: Harvard University Press, 1982. 454 p.
78. *Ng Y.-K.* Meso-economics. A Micro-Macro Analysis. Brighton, UK: Wheatsheaf Books, 1986. 267 p.
79. *Niosi J., Hanel P., Reid S.* The international diffusion of biotechnology: the arrival of developing countries // Journal of Evolutionary Economics. 2012. Vol. 22. Pp. 767–783.
80. *Ostrom E.* Challenges and growth: the development of the interdisciplinary field of institutional analysis // Journal of Institutional Economics. 2007. Vol. 3. № 3. Pp. 239–264.
81. *Ostrom E., Basurto X.* Crafting analytical tools to study institutional change // Journal of Institutional Economics. 2011. Vol. 7. № 3. Pp. 317–343.
82. *Ozawa T.* Organizational efficiency and structural change: a meso-level analysis // Structural Change and Cooperation in the Global Economy / G. Boyd, H.J. Dunning (eds.). Cheltenham, UK; Northampton, USA: Edward Elgar, 1999. Pp. 160–190.
83. *Pessali H.F.* Nanofundamentos da macroeconomia: Keynes e o institucionalismo na Teoria Geral // Revista de Economia. 2006. Vol. 32. № 2. Pp. 63–79.
84. *Ploder M., Steiner M.* Multidimensional Networks: The Changing Character and Framework of Inter-firm Collaboration // Journal of Competitiveness. 2011. Vol. 1. № 1. Pp. 37–50.

85. *Post J.E., Preston L.E., Sachs S.* Managing the extended enterprise: The new stakeholder view // *California Management Review*. 2002. Vol. 45. № 1. Pp. 5–28.
86. *Potts J.* The New Evolutionary Microeconomics: Complexity, Competence and Adaptive Behaviour. Cheltenham: Edward Elgar, 2000. 239 p.
87. *Rafferty A.E., Jimmieson N.L., Armenakis A.A.* Change Readiness: A Multilevel Review // *Journal of Management*. 2013. Vol. 39. № 1. Pp. 110–135.
88. *Rosenzweig M.R.* Microeconomic Approaches to Development: Schooling, Learning, and Growth // *Journal of Economic Perspectives*. 2010. Vol. 24. № 3. Pp. 81–96.
89. *Saviotti P.P., Pyka A.* Economic development by the creation of new sectors // *Journal of Evolutionary Economics*. 2004. Vol. 14. Pp. 1–35.
90. *Schröder H.* Application possibilities of the micro-meso-macro framework in economic geography. *Papers in Evolutionary Economic Geography* № 11.15. Utrecht University, 2011. 28 p.
91. *Shumpeter J.A.* Economic theory and entrepreneurial history // *Explorations in Enterprise* / Aitken H.G.J. (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965. Pp. 45–64.
92. *Tauheed L.F.* A Proposed Methodological Synthesis of Post-Keynesian and Institutional Economics // *Journal of Economic Issues*. 2011. Vol. XLV. № 4. Pp. 819–837.
93. *Thatcher Sh.M.B., Patel P.C.* Group Faultlines: A Review, Integration, and Guide to Future Research // *Journal of Management*. 2012. Vol. 38. № 4. Pp. 969–1009.
94. *Walliser B.* Organizational levels and time scales in economics // *Methodology and Epistemology of Multilevel Analysis: Approaches from Different Social Sciences* / ed. by D. Courgeau. Boston, Dordrecht, London: Kluwer Academic Publishers, 2003. Pp. 157–173.
95. *Williamson O.* The New Institutional Economics: Taking Shock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*. 2000. Vol. 38. № 3. Pp. 595–613.
96. *Williamson O.E.* Pragmatic Methodology: A Sketch, with Applications to Transaction Cost Economics. URL: www.isnie.org/assets/files/papers2007/williamsonoliver.pdf.
97. *Williamson O.E.* Transaction Cost Economics and Organization Theory // *The Handbook of Economic Sociology* / ed. by N. Smelser, R. Swedberg. N.Y.: Russel Sage Foundation, 1994. Pp. 77–107.

MULTILEVEL HIERARCHY OF ECONOMIC SPACE: FORMATION OF EVOLUTIONARY TAXONOMY

D.P. Frolov

Frolov Daniil Petrovich – Doctor of Economics, Professor, Head of the Marketing and Advertising Department. Volgograd State University, 100 Universitetsky Prospekt, Volgograd, Russia, 400062. E-mail: ecodev@mail.ru

The article considers methodological problems of hierarchical structuring of economic space. The evolution survey of multilevel analysis concepts reveals a dominant role of two-level (micro-macro) neoclassical models because of the path dependence effect. In institutional and evolutionary theories the application of mesoanalysis and three-level models gradually becomes more active, but conventions in the field of taxonomy are extremely inert. The main methodological problems of a hierarchical taksonomization of economic space include the problem of taxonomical «rupture» of a

subject and a method of Economics, the problem of an identification of the level (rank) and scale of economic phenomena, the problem of an identification of subjects and business location, the problem of terminological unification. The author's hierarchical model of economic space is developed in a context of the generalized evolutionary theory on the basis of multilevel population thinking. The model offers differentiation of industrial and territorial (spatial) division and cooperation of labour and, more widely, economic activity. Branches and generation are treated as objects of the industrial analysis, population and ecocenos — objects of the spatial analysis that allows reintegration of spatial formations in the system of economic analysis. The study of mesolevels and interlevel relations is particularly important. Institutionalism can be considered as metanarrative, i.e. one of universal languages of Economics. Scales and ranks of the functions assigned to subjects and objects of transactions define level differentiation of institutions' forms in economic space.

Keywords: economic space, «micro-macro» dichotomy, taxonomy, mesoeconomics, nanoeconomics, evolutionary theory, spatial Economics.

REFERENCES

1. Bessy Ch., Favereau O. Institutions and Economics of Conventions. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2010, no. 7, pp. 12–38. (In Russian).
2. Gimpelson V. E., Kapeliushnikov R., Ryzhikova Z.A. *The Movement of Jobs in the Russian Economy: in Search of “Creative Destruction”: Working paper WP3/2012/03*. Moscow: State University – Higher School of Economics, 2012, 45 p. (In Russian).
3. Granberg A.G. Macroregions in the Strategy for Socio-Economic Development of Russia. *Strategy Macro-Regions of Russia: Methodological Approaches, Priorities and Ways of Realization*. Edited by A.G. Granberg. Moscow, 2004, pp. 7–28. (In Russian).
4. Grebennikov V.G. Associations About Passed Topics. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii* [The Economic Science of Contemporary Russia], 1998, no. 1, pp. 104–116. (In Russian).
5. Demsetz H. Еще The Theory of the Firm Revisited. *The Nature of the Firm*. Edited by O. E. Williamson, S.G. Winter. Moscow, 2001, pp. 237–267. (In Russian).
6. Dosi G. Economic Coordination and Dynamics: Some Elements of an Alternative “Evolutionary” Paradigm. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2012, no. 12, pp. 31–60. (In Russian).
7. Inshakov O.V., Frolov D.P. Economic Institutionalism: An Evolutionary Perspective. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2010, no. 9, pp. 63–77. (In Russian).
8. Inshakov O.V. Enterprise and Firm: a Way out of Delusions in the Light of Evolutionary Economic Theory. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 3. Ekonomika, Ekologiya* [Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System], 2008, no. 2, pp. 4–15. (In Russian).
9. Inshakov O.V. *Theory of Production Factors in the Context of the Economy Development* (Moscow, 29 November 2002). Volgograd, 2002, 92 p. (In Russian).
10. Inshakov O.V. Level Analysis of the Object, Subject and Method of Economic Theory. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Universiteta Ekonomiki i Finansov* [Proceedings of the St. Petersburg University of Economics and Finance], 2004, no. 4, pp. 5–19. (In Russian).
11. Inshakov O.V., Beloborodko A.M., Frolov D.P. *Exchange: the Evolution of the Economic Institute*. Volgograd, 2008, 383 p. (In Russian).
12. Inshakov O.V., Frolov D.P. Institutionality of Space in the Spatial Economics Concept. *Prostranstvennaya Ekonomika – Spatial Economics*, 2007, no. 1, pp. 5–21. (In Russian).
13. Kagorodin Yu.N. *Sedimentary Cyclicity*. Moscow, 1980, 242 p. (In Russian).
14. Kleiner G. Nanoeconomics. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2004, no. 12, pp. 70–94. (In Russian).

15. Kleiner G. Nanoeconomics and Firm's Theory. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya "Ekonomika i Upravlenie" – Proceedings of Voronezh State University. Economics and Management*, 2004, no. 2, pp. 99–123. (In Russian).
16. Kleiner G. System Resource of Economy. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2011, no. 1, pp. 89–100. (In Russian).
17. Kralechkin D.Yu., Ushakov A.S. *EuroOntology*. Moscow, 2001, 256 p. (In Russian).
18. *Meso-Economics of Transition: the Markets, Industries, Enterprises*. Edited by G.B. Kleiner. Moscow, 2001, 515 p. (In Russian).
19. *Meso-Economics development*. Edited by G.B. Kleiner. Moscow, 2011, 805 p. (In Russian).
20. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Spatial Economics: the Evolution of Approaches and Methodology. *Prostranstvennaya Ekonomika – Spatial Economics*, 2010, no. 2, pp. 6–32. (In Russian).
21. Nelson R.R., Winter S.G. *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Moscow, 2002, 536 p. (In Russian).
22. Nikitin M.V. About the Level Structure of the Language. *Studia Linguistica XVIII. Actual Problems of Modern Linguistics*. St. Petersburg, 2009, pp. 7–17. (In Russian).
23. Polterovich V.M. *Elements of Reform Theory*. Moscow, 2007, 446 p. (In Russian).
24. Popov E.V. Classification and Specialization of Sections of Economic Science. *Obshchestvo i Ekonomika* [Society and Economy], 2001, no. 2, pp. 200–207. (In Russian).
25. Popov E.V. Mini/Economy is a Priority Direction of Research. *Vestnik RAN – Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2004, vol. 74, no. 9, pp. 806–812. (In Russian).
26. Popov E.V. *The Evolution of Institutions Mini/Economy*. Moscow, 2007, 544 p. (In Russian).
27. Tambovtsev V.L. The Basic Notions of Strategic Management: Problem of Micro-Foundations. *Rossiyskiy Zhurnal Menedzhmenta – Russian Management Journal*, 2010, vol. 8, no. 4, pp. 3–30. (In Russian).
28. Ukrainsky V. N. French Spatial Economics: from Industrial Districts to Competitive Clusters. *Prostranstvennaya Ekonomika – Spatial Economics*, 2011, no. 3, pp. 71–99. (In Russian).
29. Frolov D.P. Methodological Institutionalism: A New Approach to the Evolution of Economic Science. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2008, no. 11, pp. 90–101. (In Russian).
30. Frolov D.P. Marketing Approach to Management of Spatial Development. *Prostranstvennaya Ekonomika – Spatial Economics*, 2013, no. 2, pp. 65–86. (In Russian).
31. Aguinis H., Glavas A. What We Know and Don't Know About Corporate Social Responsibility: A Review and Research Agenda. *Journal of Management*, 2012, vol. 38, no. 4, pp. 932–968.
32. Albert H., Arnold D., Maier-Rigaud F. Model Platonism: Neoclassical economic thought in critical light. *Journal of Institutional Economics*, 2012, vol. 8, no. 3, pp. 295–323.
33. Arrow K.J. Methodological Individualism and Social Knowledge. *American Economic Review*, 1994, vol. 84, no. 2, pp. 1–9.
34. Arrow K. Reflections on the Essays. *Arrow and the Foundations of the Theory of Economic Policy*. Edited by G. Feiwel. London: Macmillan, 1987, 758 p.
35. Blith M., Hodgson G.M., Lewis O., Steinmo S. Introduction to the Special Issue on the Evolution of Institutions. *Journal of Institutional Economics*, 2011, vol. 7, no. 3, pp. 299–315.
36. Boisot M., Canals A. Data, information and knowledge: have we got it right? *Journal of Evolutionary Economics*, 2004, vol. 14, pp. 43–67.
37. Boschma R., Frenken K. The Emerging Empirics of Evolutionary Economic Geography. *Journal of Economic Geography*, 2011, vol. 11, no. 2, pp. 295–307.

38. Boschma R., Frenken K. Why is Economic Geography not an Evolutionary Science? *Journal of Economic Geography*, 2006, vol. 6, no. 3, pp. 273–302.
39. Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977, 224 p.
40. Callon M. Why Virtualism Paves the Way to Political Impotence: A Reply to Daniel Miller's Critique of the Laws of the Markets. *Economic Sociology: European Electronic Newsletter*, 2005, vol. 6, no. 2, pp. 3–20.
41. Cantwell J., Santangelo G.D. The new geography of corporate research in Information and Communications Technology (ICT). *Journal of Evolutionary Economics*, 2002, vol. 12, pp. 163–197.
42. Combes P.-P., Mayer T., Thisse J.-F. *Economic Geography: The Integration of Regions and Nations*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008, 424 p.
43. *Competition in Global Industries*. Edited by M.E. Porter. Boston: Harvard Business School Press, 1986, 581 p.
44. Delbridge R., Hauptmeier M., Sengupta S. Beyond the enterprise: Broadening the horizons of International HRM. *Human Relations*, 2011, vol. 64, no. 4, pp. 483–505.
45. Dopfer K. The economic agent as rule maker and rule user: Homo Sapiens Oeconomicus. *Journal of Evolutionary Economics*, 2004, vol. 14, pp. 177–195.
46. Dopfer K. The origins of meso economics: Schumpeter's legacy and beyond. *Journal of Evolutionary Economics*, 2012, vol. 22, pp. 133–160.
47. Dopfer K., Foster J., Potts J. Micro-Meso-Macro. *Journal of Evolutionary Economics*, 2004, vol. 14, no. 3, pp. 263–279.
48. Dopfer K., Potts J. Why evolutionary realism underpins evolutionary economic analysis and theory: A reply to Runde's critique. *Journal of Institutional Economics*, 2010, vol. 6, no. 3, pp. 401–413.
49. Elsner W. *An Industrial Policy Agenda 2000 and Beyond – Experience, Theory and Policy. Industrial Policies After 2000*. Edited by W. Elsner, J. Groenewegen. Boston, Dordrecht, London: Kluwer Academic Publishers, 2000, pp. 411–486.
50. Field A.J. The problem with neoclassical institutional economics: A critique with special reference to the North/Thomas model of pre-1500 Europe. *Explorations in Economic History*, 1981, vol. 18, no. 2, pp. 174–198.
51. Fioretti G. Two measures of organizational flexibility. *Journal of Evolutionary Economics*, 2012, vol. 22, no. 5, pp. 957–979.
52. Foss N.J. Invited Editorial: Why Micro-Foundations for Resource-Based Theory Are Needed and What They May Look Like. *Journal of Management*, 2011, vol. 37, no. 5, pp. 1413–1428.
53. Foster J. From simplistic to complex systems in economics. *Cambridge Journal of Economics*, 2005, vol. 29, pp. 873–892.
54. Fujita M. *Urban Economic Theory*. Cambridge (UK) – NY: Cambridge University Press, 1990, 366 p.
55. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge, MA: MIT Press, 2001, 367 p.
56. Fujita M., Thisse J.-F. *Economics of Agglomeration: Cities, Industrial Location and Regional Growth*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 466 p.
57. Hanappi D. Economic Action, Fields and Uncertainty. *Journal of Economic Issues*, 2011, vol. XLV, no. 4, pp. 785–803.
58. *Handbook of Evolutionary Economic Geography*. Edited by R. Boschma, R.L. Martin. Chichester: Edward Elgar, 2010, 576 p.
59. Harper D.A. *Property as a Complex Adaptive System: How Entrepreneurship Transforms Intellectual Property Structures*. Available at: http://econ.as.nyu.edu/docs/IO/22944/Harper_04162012.pdf (accessed September 2013)

60. Harper D.A. Towards a theory of entrepreneurial teams. *Journal of Business Venturing*, 2008, vol. 23, pp. 613–626.
61. Hedoin C. Linking institutions to economic performance: the role of macrostructures in microexplanations. *Journal of Institutional Economics*, 2012, vol. 8, no. 3, pp. 327–349.
62. Henderson J.V. *Economic Theory and the Cities*. Orlando; N.Y.: Academic Press, 1985, 269 p.
63. Holland S. *The Market Economy. From Micro to Mesoeconomics*. London: Weidenfeld and Nicholson, 1987, 370 p.
64. Huselid M.A., Becker B.E. Bridging Micro and Macro Domains: Workforce Differentiation and Strategic Human Resource Management. *Journal of Management*, 2011, vol. 37, no. 2, pp. 421–428.
65. Kimenyi M.S. Institutions and development: the primacy of microanalysis. *Journal of Institutional Economics*, 2011, vol. 7, no. 4, pp. 549–553.
66. Kinsey A.C., Pomeroy W.B., Martin C.E. *Sexual Behavior in the Human Male*. Philadelphia, PA: W.B. Saunders, 1948, 804 p.
67. Kirca A.H., Hult G.T.M., Deligonul S., Perry M.Z., Cavusgil S.T. A Multilevel Examination of the Drivers of Firm Multinationality: A Meta-Analysis. *Journal of Management*, 2012, vol. 38, no. 2, pp. 502–530.
68. Li B. From a Micro–Macro Framework to a Micro–Meso–Macro Framework. *Engineering, Development and Philosophy. American, Chinese and European Perspectives*. Edited by S.H. Christensen, C. Mitcham, B. Li, Y. An. Dordrecht: Springer Science+Business Media, 2012, pp. 23–36.
69. Loasby B. *Knowledge, Institutions and Evolution in Economics*. London: Routledge, 1999, 192 p.
70. Loasby B.J. Building systems. *Journal of Evolutionary Economics*, 2012, vol. 22, pp. 833–846.
71. Martin R., Sunley P. *Forms of Emergence and the Evolution of Economic Landscapes*. Papers in Evolutionary Economic Geography № 11.16. Utrecht University, 2011, 36 p.
72. Martin R.L., Sunley P.J. Complexity Thinking and Evolutionary Economic Geography. *Journal of Economic Geography*, 2007, vol. 7, no. 5, pp. 573–602.
73. Metcalfe J.S. Knowledge of growth and the growth of knowledge. *Journal of Evolutionary Economics*, 2002, vol. 12, no. 1–2, pp. 3–15.
74. Nee V., Ingram P. *Embeddedness and Beyond: Institutions, Exchange, and Social Structure. The New Institutionalism in Sociology*. Edited by M.C. Brinton, V. Nee. Stanford: Stanford University Press, 1998, pp. 19–45.
75. Nelson R.R. On the uneven evolution of human know-how. *Res Policy*, 2003, vol. 32, pp. 900–922.
76. Nelson R.R. Why Schumpeter has had so little influence on today's main line economics, and why this may be changing. *Journal of Evolutionary Economics*, 2012, vol. 22, pp. 901–916.
77. Nelson R.R., Winter S. *An evolutionary theory of economic change*. Cambridge: Harvard University Press, 1982, 454 p.
78. Ng Y.-K. *Mesoeconomics. A Micro-Macro Analysis*. Brighton, UK: Wheatsheaf Books, 1986, 267 p.
79. Niosi J., Hanel P., Reid S. The international diffusion of biotechnology: the arrival of developing countries. *Journal of Evolutionary Economics*, 2012, vol. 22, pp. 767–783.
80. Ostrom E. Challenges and growth: the development of the interdisciplinary field of institutional analysis. *Journal of Institutional Economics*, 2007, vol. 3, no. 3, pp. 239–264.
81. Ostrom E., Basurto X. Crafting analytical tools to study institutional change. *Journal of Institutional Economics*, 2011, vol. 7, no. 3, pp. 317–343.

82. Ozawa T. *Organizational efficiency and structural change: a meso-level analysis. Structural Change and Cooperation in the Global Economy*. Edited by G. Boyd, H.J. Dunning. Cheltenham, UK; Northampton, USA: Edward Elgar, 1999, pp. 160–190.
83. Pessali H.F. Nanofoundations of macroeconomics: Keynes and the institutional elements in the General Theory. Nanofundamentos da macroeconomia: Keynes e o institucionalismo na Teoria Geral. *Revista de Economia*, 2006, vol. 32, no. 2, pp. 63–79. (In Portuguese).
84. Ploder M., Steiner M. Multidimensional Networks: The Changing Character and Framework of Inter-firm Collaboration. *Journal of Competitiveness*, 2011, vol. 1, no. 1, pp. 37–50.
85. Post J.E., Preston L.E., Sachs S. Managing the extended enterprise: The new stakeholder view. *California Management Review*, 2002, vol. 45, no. 1, pp. 5–28.
86. Potts J. *The New Evolutionary Microeconomics: Complexity, Competence and Adaptive Behaviour*. Cheltenham: Edward Elgar, 2000, 239 p.
87. Rafferty A.E., Jimmieson N.L., Armenakis A.A. Change Readiness: A Multilevel Review. *Journal of Management*, 2013, vol. 39, no. 1, pp. 110–135.
88. Rosenzweig M.R. Microeconomic Approaches to Development: Schooling, Learning, and Growth. *Journal of Economic Perspectives*, 2010, vol. 24, no. 3, pp. 81–96.
89. Saviotti P.P., Pyka A. Economic development by the creation of new sectors. *Journal of Evolutionary Economics*, 2004, vol. 14, pp. 1–35.
90. Schröder H. *Application possibilities of the micro-meso-macro framework in economic geography*. Papers in Evolutionary Economic Geography № 11.15. Utrecht University, 2011, 28 p.
91. Shumpeter J.A. *Economic theory and entrepreneurial history. Explorations in Enterprise*. Edited by H.G.J. Aitken. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965, pp. 45–64.
92. Tauheed L.F. A Proposed Methodological Synthesis of Post-Keynesian and Institutional Economics. *Journal of Economic Issues*, 2011, vol. XLV, no. 4, pp. 819–837.
93. Thatcher Sh.M.B., Patel P.C. Group Faultlines: A Review, Integration, and Guide to Future Research. *Journal of Management*, 2012, vol. 38, no. 4, pp. 969–1009.
94. Walliser B. *Organizational levels and time scales in economics. Methodology and Epistemology of Multilevel Analysis: Approaches from Different Social Sciences*. Edited by D. Courgeau. Boston, Dordrecht, London: Kluwer Academic Publishers, 2003, pp. 157–173.
95. Williamson O. The New Institutional Economics: Taking Shock, Looking Ahead. *Journal of Economic Literature*, 2000, vol. 38, no. 3, pp. 595–613.
96. Williamson O.E. *Pragmatic Methodology: A Sketch, with Applications to Transaction Cost Economics*. Available at: www.isnie.org/assets/files/papers2007/williamsonoliver.pdf.
97. Williamson O.E. *Transaction Cost Economics and Organization Theory. The Handbook of Economic Sociology*. Edited by N. Smelser, R. Swedberg. N.Y.: Russel Sage Foundation, 1994, pp. 77–107.

УДК 332.122

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ УСТРОЙСТВЕ НЕОБЖИТЫХ ТЕРРИТОРИЙ СИБИРСКОГО СЕВЕРА

К.Н. Миротворцев

Миротворцев Клавдий Николаевич (1880–1950) – экономикогеограф, статистик, педагог, д-р географических наук (1936), профессор (1947).

Рассматриваются проблемы экономического районирования Сибири с целью освоения, развития территории при сохранении и охране туземного населения. В силу замыкания глубокого Сибирского севера в особую специальную зону с совершенно особыми естественно-историческими условиями и физико-географическими признаками при специальных формах экономических взаимоотношений и при почти полной неосвоенности его человеком обсуждается вариант выделения его в особую административно-экономическую единицу, управляющуюся на иных государственно-правовых основаниях, чем области, проектируемые в рамках экономического районирования в южных частях с более плотным населением. Обсуждается возможность использования Северного морского пути.

Экономическое районирование, неосвоенные территории, специальная зона, естественно-исторические условия, физико-географические признаки, особая административно-экономическая единица, государственно-правовые основания, Сибирский север.

Миротворцев К.Н. Об экономическом и административном устройстве необжитых территорий Сибирского севера // Бюллетени Госплана. 1923. № 10. С. 70–79.

© Миротворцев К.Н., 2013

Настоящий вопрос возник после поездки Н.Н. Колосовского в качестве официального представителя Госплана на мартовской съезд в Новониколаевске планорганов и статбюро Сибири для рассмотрения и оценки госплановского проекта по районно-областному делению Сибири. После доклада Н.Н. Колосовского о работе съезда Западно-Сибирской секцией Госплана было вынесено постановление о необходимости проработки в Комиссии по областному строительству при Совещании ответственных руководителей вопроса об особых формах экономического и административного управления северными частями сибирских областей, соответственно с аналогичной проблемой в Северо-Восточной области, причем ответственным лицом по ведению этого вопроса был назначен К.Н. Миротворцев. Одновременно было предложено Сибплану совместно с заинтересованными губпланами осветить данный вопрос с точки зрения местных интересов и представить его в Западно-Сибирскую секцию. В настоящее время в связи с проектами Наркомнаца и Енисейского губисполкома об устройстве сибирских инородцев в Госплане образована межсекционная комиссия с представителями Западно-Сибирской, Восточно-Сибирской, Уральской, Северо-Восточной секций и Наркомнаца. Задачей Комиссии является рассмотрение и сравнение существующих проектов по настоящему вопросу и выработка основных положений намечаемой реформы с точки зрения экономического районирования. Предлагаемая статья пытается осветить данный вопрос с последней точки зрения.

Экономическое районирование, как известно, сводится к выделению определенных территориальных единиц по линии главных производственных признаков, дающих возможность наметить основную хозяйственную специализацию выделяемых областей, округов, районов и т. п. Основной предпосылкой при этом являются транспортные условия и энергетические ресурсы районов, ибо без них ничего не стоят наилучшие производственные возможности. При соблюдении вышеуказанных условий получаются оптимальные условия для возможности развития народного хозяйства выделенных территориальных единиц при наивыгоднейших формах их экономического баланса, что кратко можно выразить словами: наименьшее количество перевозок при наименьших затратах на производство и при максимальном выходе продукции.

Но не следует забывать, что все-таки главным фактором при экономическом районировании является сам человек: где его нет, там вообще немислимо никакое районирование. Невысказываемая обыкновенно, но молчаливо допускаемая предпосылка, что объектом экономического районирования является сам человек, и возможность его укрепления, развития и размножения на выделяемых экономически-специализированных территориях является как бы априорной сущностью районирования, и это позволяет проектировать экономически законченные комбинаты там, где их развитие ожидается только в отдаленном будущем, когда произойдет фактическое их освоение человеком.

В иных условиях находятся необжитые и не освоенные человеком территории Сибирского севера. Самые естественно-исторические условия его глубоко отличны от смежных южных областей и территорий. Вся широкая, граничащая с севера с Северным Ледовитым океаном полоса занята бесплодной, безлесной и болотистой тундрой, представляющей в большинстве случаев отложения новейших морских осадков. На этой тундре немислимо никакое земледелие и никакие формы интенсивного хозяйства. Освоить ее возможно, и то не везде, только в условиях местного, глубоко натурального хозяйства: оленеводства, звероловства и рыболовства, при помощи населения, которое вынуждено будет сохранить первоначальные примитивные формы кочевого быта.

Но и при этих условиях население тундры всегда будет редким, и никогда в ней не разовьется значительного местного хозяйства, которое могло бы послужить основой для выделения особых районов с определенной хозяйственной функцией в общей хозяйственной динамике страны. Но, конечно, здесь могут возникать и возникнут промышленные и торговые предприятия, связанные уже с потребностями не места, а федерации и заграницы, со специальной колонизацией используемых районов, как на это указывает пример России и Америки.

В более благоприятных условиях находится соседняя с тундрой так назы-

ваемая лесотундровая зона. В южных частях ее имеются лесные насаждения и существуют возможности развития скотоводческого хозяйства. Колонизация этой зоны может вестись в условиях более интенсивного хозяйства, чем в тундре, но и здесь естественно-исторические условия мало благоприятны для развития человека. Однако вполне можно признать лесотундровую зону подходящей для оседлой промышленной колонизации на основах скотоводческого хозяйства.

Между тем общая площадь, занимаемая тундрой и лесотундровой зоной, колоссальна и занимает не менее 5,5 млн кв. верст с населением в среднем 0,01 человека на кв. версту. Трудно говорить о возможном пределе насыщения северного края человеческим населением, но, вероятно, возможно считать допустимым существование не менее одного человека на кв. версту, что даст в пределе общее население для необжитого Сибирского севера до 5–6 млн человек. Эту цифру, вероятно, следует считать предельной. В настоящее же время на Сибирском севере от Урала до Камчатки насчитывается от 50 до 60 тыс. человек. Редкость его чрезвычайна. Так, например, Туруханский край в 1,6 млн кв. верст имеет 16 тыс. человек населения; Верхоянский и Колымский округа в 1,5 млн кв. верст — 20 тыс. человек, Охотско-Камчатское побережье — 25 тыс. человек.

Между тем фактическое использование тундры возможно только при помощи местного инородческого населения, и, как утверждает Нансен, этому никогда не выучатся белые расы. Народнохозяйственная жизнь областей глубокого севера слишком специальна, чтобы подходить к ней с обычным масштабом и обычной меркой воздействия, как это мы делаем для районов и территорий, уже освоенных человеком.

Замыкание глубокого Сибирского севера в особую специальную зону с совершенно особыми естественно-историческими условиями и физико-географическими признаками при специальных формах экономических взаимоотношений и при почти полной неосвоенности его человеком невольно подсказывает мысль о выделении его в особую административно-экономическую единицу, управляющуюся на иных государственно-правовых основаниях, чем области, проектируемые по проектам экономического районирования в южных частях с более плотным населением.

Будущее распределение населения по северной территории должно отразиться и на формах административного его устройства. Общая будущая демографическая система: редкое основное подвижное инородческое население с отдельными более или менее крупными торговыми и промышленными пунктами с пришлым чужим оседлым населением. Правовые нормы административного устройства при этом, очевидно, должны быть различны для различных групп населения.

Согласно федеративной практике, установившейся за границей, и согласно основной практике федерализма, развивающейся в Российской Республике, владение незаселенными площадями земли сохраняется за федерацией. Согласно этому принципу следует выделить и незаселенные области Сибирского севера, и это диктуется прежде всего чрезвычайно слабыми экономическими связями южной и северной Сибири и мелким местным масштабом интересов сибирского юга на севере в то время, когда общефедеративные и мировые интересы на Сибирском севере – реальный факт, чему порукой настойчивая идея о Северном морском пути, зародившаяся в Германии и нашедшая свое выражение в десятках проектов, созданных еще до европейской войны. Разумеется, осуществление экономических задач на севере в порядке местной самостоятельности указанным выделением ни в чем стеснено не будет.

Итак, основанием вышеуказанного выделения Сибирского севера должны служить: наличность специальных естественно-исторических условий, чрезвычайная редкость населения – в среднем 0,01 человека на кв. версту, неосвоенность территории населением и незаинтересованность его в экономическом развитии северных областей и совершенно особые пути экономического развития. Общий порядок самоуправления мало применим при таких условиях. Задачи экономического развития таких областей, каковые могут настоятельно диктоваться направлением общей государственной и мировой экономики, являются задачами общегосударственного характера, требующими для своего разрешения больших сил и средств, совершенно непосильных для окраин.

С принципиальной точки зрения, задачи развития и управления северных областей явственно распадаются на две весьма неравноценные части: 1) развитие и охрана общегосударственных интересов в общегосударственном порядке и 2) охрана и забота о развитии народностей далекого севера в порядке частно-правового хозяйства. Очень трудно задачи первого рода возлагать на будущие управления южных сибирских областей, так как непосредственная связь юга Сибири с севером очень слаба и, вероятно, останется такой же в отдаленном будущем, при ничтожных материальных возможностях для развития экономики севера.

Поэтому при будущем административном устройстве севера, прежде всего, следует разграничить общефедеральные связи его с центром и непосредственно связать север с федерацией в этом отношении.

К общефедеральным задачам на севере должны быть отнесены: 1) выяснение естественных ресурсов северных областей, полезных ископаемых, лесных, рыбных и пушных богатств и т. п., 2) охрана природных богатств от хищнического и нерационального их использования, 3) забота об экономическом развитии севера, когда это требуется общефедеральными потреб-

ностями, путем разработок полезных ископаемых, налаживания транспорта, внешнего и внутреннего товарообмена и т. п., 4) точное определение местных и федеративных экономических задач и форм их разрешения в зависимости от общегосударственной и мировой экономики.

Что представляет и будет представлять Сибирский север в общефедеральной и мировой экономике? Прежде всего, следует отметить, что при крайне несовершенной эксплуатации рыбных богатств еще до войны добывалось: в Обском бассейне 1,6 млн пуд. рыбы; в Енисейском — 0,4 млн пуд.; в Ленском — 0,3 млн пуд.; в дальневосточных бассейнах — 12–13 млн пуд. Всего около 15 млн пуд. рыбы в год. Вполне возможная годовая продукция — 50 млн пуд., в том числе значительное количество рыбы ценнейших сортов: лососевых, осетровых, сиговых. Пушнины север доставлял в среднем на 30 млн руб. в год по сибирским ценам. По ценам заграничных рынков стоимость этой пушнины следует увеличить втрое. Указанными двумя видами продукции исчерпывалась почти полностью производительность севера. Но еще до войны было обращено внимание на то, что все главные гидрографические системы Сибири: Обь, Енисей, Лена — выходят на север, в Северный Ледовитый океан, и представляют естественный и дешевый путь для вывоза малоценного сибирского сырья на внешние рынки Европы и Америки, а также и для ввоза продуктов обрабатывающей промышленности федерации и заграницы. Отсюда идея о Северном морском пути, настойчиво проводившаяся с разных сторон и нашедшая выражение в целом ряде проектов: Голохвостова, инж. Гетте, Варнеке, Иогансена, Орлова и др.

Огромная важность практического разрешения вопроса о Северном морском пути для экономики глубокого севера и вообще Сибири не подлежит сомнению. Этим путем открывается путь за границу малоценному сырью, лесу, хлебу, продуктам животноводства, рыбе, массовым продуктам, наметившейся к развитию химической промышленности и промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья. В высшей степени одаренные чувством практического в экономических вопросах немцы еще до войны наметили этот путь и сделали ряд удачных попыток. Перевозка грузов из Штеттина и Красноярск с перегрузкой с морских на речные пароходы обошлась в 62 коп. золотом с пуда при условии полной неподготовленности пути и непроизводительной пропажи 20% тоннажа пароходов вследствие необходимости забирать с собой уголь и на обратный рейс. Порт, начатый постройкой в устье Енисея, уже имеет начатую постройкой ряжевую причальную линию для двух судов с осадкой до 24 футов; 2 пакгауза емкостью до 50 тыс. пудов каждый; 2 казармы для рабочих, здание радиостанции, баню и другие гражданские сооружения.

Было оборудовано 6 радиостанций: село Дудинское, Усть-Енисейский порт, остров Диксон, у проливов Югорский Шар и Карские ворота, Обдорск.

Предположено поставить еще 6 радиостанций: в г. Енисейске, Туруханске, на острове Белом, на северо-западной части полуострова Ялмал – мыс Хорасовой, у пролива Маточкин Шар и у северной оконечности Новой Земли на мысе Желания. Для надобностей пароходства было приступлено к разработке Норильского каменноугольного месторождения, принадлежащего к обширнейшему в мире Тунгусскому каменноугольному бассейну с площадью свыше 1200 тыс. кв. верст.

Разрешение проблемы Северного морского пути, прежде всего, позволит поставить на твердую почву лесное хозяйство лесотундровой зоны и провести ее промышленную колонизацию на основе скотоводческого хозяйства. Несомненно, должна развиваться разработка полезных ископаемых угля, графита, каменной соли, золота, платины и т. д. Чрезвычайно много обещает при этом развитие рыбного хозяйства, для которого мировой экономикой намечаются совершенно новые пути. В свое время немцами было отмечено, что нигде в мире нет столь ценных пород рыб, как в Сибири, и нигде в мире нет столь дурных способов, которыми она так приготавливалась бы. Но до войны еще были положены начатки холодильного и консервного дела, развитию которого помешала война¹.

Принимая во внимание, что главными рыбными источниками являются северные моря, следует признать, что колоссальная линия Северного океана в пределах СССР таит в себе мировые возможности для разрешения проблемы питания человечества. Нам, прежде всего, надо разрешить этот вопрос для самих себя, для улучшения народного питания, помимо соображений о возможном экспорте на внешний рынок.

Следует отметить, что ожидаемое развитие экономики Сибирского севера в связи с Северным морским путем целиком связано с товарообменом с границей и федерацией. Нужны будут крупные капиталы, чтобы вызвать эту экономику к жизни, и кроме того, для выявления ее надо создать промышленную колонизацию севера с промышленными и торговыми центрами. Колонизационный вопрос тесно связывается с вопросом о положении сибирских инородцев и о возможных перспективах их развития, как единственного пригодного элемента для освоения обширных пространств северной тундры.

¹ Примером надлежащего развития рыболовного хозяйства может служить Германия. Она еще до войны выставила принцип, что море, а не земля должно питать человечество, и с чрезвычайной настойчивостью и умением организовала рыбные порты с соответствующим рыбным флотом в Бремергафене (Geestmunde). Благодаря удивительной организации дела ежедневный улов рыбы распределялся по всей Германии, составляя прекрасный и дешевый способ народного питания. Кроме того, создалась целая промышленность по переработке рыбных отходов (рыбных голов и проч.). После высушивания и раздробления из них извлекались жиры, а остатки шли на корм свиньям и для удобрения. Только военный разгром помешал Германии расширить это дело в дальнейшем, связывавшееся в ее представлении с возможностью ослабления зависимости от внешних рынков.

В настоящее время трудно определить желательные формы управления северными областями в отношении общенациональных интересов. Они будут в тесной связи с имеющимися создаться формами областного и внутриобластного управления южных сибирских областей. Оставляя открытым вопрос о конкретном их разрешении, следует полагать, что наиболее рациональным было бы возложить управление северными территориями на будущие федеративные представительства при южных сибирских областях для согласования местных и федеральных интересов, каковые ходом событий, вероятно, должны будут создаться при южных управлениях. Несомненно, что для большинства общегосударственных функций на местах придется иметь специальные органы центральной власти, на необходимость чего указывает опыт существующих федераций, и этим представительством можно поручить заботу о северных территориях.

Будущие областные сибирские управления будут также заинтересованы в устройстве и развитии северных областей, но в значительно меньшей мере, чем федерация. Сибирским плановым органам надлежит тщательно проработать этот вопрос и точно выяснить торговые, промышленные, транспортные, колонизационные связи севера с югом Сибири и вообще определить экономические взаимоотношения севера и юга во всех областях, где они могут проявляться. Из выяснившейся динамики взаимоотношений должны определиться формы совместной деятельности федерации и южных сибирских областных управлений на северных территориях, когда их деятельность по ходу обстоятельств будет параллельна, например, в вопросах транспорта, промышленности или торгового обмена. Для избежания трений эти формы должны регулироваться выработанным положением, определяющим права и обязанности каждой из сторон. Во всяком случае во главу угла при этом должны быть положены материальные возможности каждой стороны для развития экономики севера.

В основание проекта административного устройства Сибирского севера следует положить предположения о формах развития в будущем необжитых северных территорий и об экономических процессах, которыми это должно сопровождаться. Можно думать, что процесс освоения севера должен идти путями: 1) путем развития и естественного размножения многочисленных северных народностей, 2) путем возникновения торговых и промышленных центров, связанных с внутренним и внешним товарообменом, и 3) путем постепенной ассимиляции севера развивающимся югом Сибири. В ближайшем будущем следует ожидать большого влияния первых двух факторов, так как югу предстоит еще огромная работа по колонизации и освоению соседних лесных и таежных районов при весьма ограниченных средствах для этой цели.

Сибирские инородцы, как это утверждает Нансен, должны являться есте-

ственным и малозаменимым колонизатором безлюдных тундровых пространств. На обширном пространстве северной тундры, свыше 5 млн кв. верст, обитает сейчас большое количество малочисленных инородцев, принадлежащих к трем различным группам: 1) древнейшим народам Палеазиатской группы, населявшей в старину весь север Азии, 2) народам монгольской расы (Урало-Алтайской группы), 3) и народам славянского происхождения. Общее количество народностей Сибирского севера достигает нескольких десятков. Точных данных об их численности нет, но можно принять общее их число в 50–60 тыс. человек, считая 60° северной широты южным пределом их распространения.

Инородцы Сибири в большинстве случаев принадлежат к заведомо вымирающим племенам, и от многих прежде многочисленных и сильных родов остались немногие сотни человек. Этому чрезвычайно способствовали занесение в их среду заразных болезней, спаивание водкой и самая беззастенчивая эксплуатация торговцами, державшими инородцев в вечной кабале. Прежним правительством не принималось мер к охране северных инородцев, не говоря уже об их развитии и подъеме культуры. В результате появилось полное обнищание с чрезвычайным сокращением оленеводства, имеющего исключительное значение для колонизации северных окраин, где олень и человек равноценны: где не может держаться олень, там не может держаться и человек.

Важная роль туземных племен для последней цели заставляет прямо поставить вопрос о том, чтобы создать наилучшие условия для их существования и для охраны их труда. До революции их положение регулировалось устаревшим «Положением о сибирских кочевых инородцах», существующим свыше ста лет, по которому органами управления являются родовые управления. Первой ступенью этих управлений являются родовые старосты, а второй – родовые инородческие управы с выборными старшиной и двумя членами. Третьей инстанцией являлась назначаемая из центра «администрация», соединявшая в себе административные и судебные функции.

Главной целью при введении родовых управлений, дававших туземцам некоторую самостоятельность в области суда и управления, были фискальные, так как податью и ясаком облагались не отдельные лица, а всегда целое племя, улус или род. Эта мера повела к учреждению стойбищ, или сбора бродячих родовичей в одном месте для решения их общественных вопросов, и уплаты податей, что мало-помалу сделалось нормой обычного права. Разделение инородцев Сибири согласно их бытовому укладу на бродячих, кочевых и оседлых было зафиксировано и в прежнем своде законов.

Административное управление северными территориями при прежнем правительстве носило совершенно нелепый характер. Управление обширнейшими областями, развитие которых имело бы существенное значение для государства, поручалось низшим полицейским чинам. Туруханский край

в 1,0 млн кв. верст был подчинен туруханскому отдельному приставу, подчиненному, в свою очередь, енисейскому уездному исправнику, и в руках этого пристава сосредоточивалась вся единоличная и дискредитирующая власть по всем вопросам внутренней жизни края. Кое-какие попытки наметить реформы в административном управлении практически не привели ни к чему...

В настоящее время вполне назрел вопрос о законодательных актах, которыми регулировались бы все стороны народной жизни северных окраин. Формы самоуправления должны базироваться на весьма различных бытовых и национальных особенностях. Ввиду чрезвычайной редкости населения следует сохранить большую гибкость и подвижность управления. Определение формы этого управления возможно будет только после тщательного изучения состояния инородцев глубокого севера, их численности, расположения, рода занятий, правового и бытового уклада. Проработка этого вопроса в центре и на местах должна считаться одной из ближайших задач, и к ней в первую очередь должны быть привлечены плановые органы Сибири. Нужно сохранить здоровое зерно автономии Положения о сибирских инородцах: то, что укоренилось и вошло в нормы обычного права инородческих племен, с необходимыми добавлениями на принципах советской власти. Родовое начало и периодические съезды населения, рассматривающие и устанавливающие все стороны внутреннего управления — вот здоровое зерно Положения.

Чрезвычайно низкий культурный и экономический уровень развития северных инородцев, отдаленность края и почти полная оторванность его от центра, специальный комплекс естественно-исторических условий, заинтересованность центра в возможно скорейшей колонизации северных окраин и необходимость затраты на это значительных средств диктуют необходимость создания особых форм управления северными территориями. Долговременная практика Америки указала этот путь: создание института высококвалифицированной инспектуры для поддержки экономически слабых и несамостоятельных народностей и для непосредственной связи их с центральным правительством. Этот путь неизбежен для Сибирского севера уже потому, что управления будущих сибирских областей будут не в силах проводить экономические реформы на севере и затрачивать на это потребные средства в силу того обстоятельства, что у них очередная задача — освоение своих входящих в их состав многочисленных пустынных территорий.

Первой задачей северной инспектуры является надзор за проведением и исполнением законов СССР на отдаленном севере, заботы о поднятии благосостояния инородцев, их образовании и культурном подъеме, выработке типа культурных учреждений для специальных особенностей глубокого севера.

Кратко определить функции северной инспектуры можно так: на ней должно лежать изучение всех условий и форм жизни на далеком севере, что

требует работников с самой высокой квалификацией, отчетливо представляющих совокупность всех условий, необходимых для развития северных народностей, и связь форм этого развития с общей экономикой страны: ее промышленностью, внутренним и внешним товарообменом и т. п. Они должны вырабатывать предпосылки экономического развития северных окраин и умело и энергично проводить их в жизнь. Для центральной правительственной власти осуществление института северной инспектуры в высшей степени важно, так как еще до войны мировая экономика наметила Сибирский север для товарооборота, необходимого для рынков европейских и внеевропейских стран. Нет сомнения, что эти попытки возобновятся сейчас же, как только экономическая жизнь Европы и Америки после войны войдет в норму.

Очень любопытны попытки административного устройства Сибирского севера, проявляемые на местах. Енисейский губисполком, проработав вопрос в Губадминкомиссии об административном устройстве обширного Туруханского края, встал на ту точку зрения, что управление им должно находиться в руках общегосударственной федеративной власти, и что северная область должна быть выделена в особую административную и экономическую единицу с точно определенными границами. Только управление центральной власти может гарантировать Сибирскому северу наиболее хозяйственную в общегосударственных и одновременно сибирских интересах эксплуатацию природных капитальных ценностей; защиту инородцев от хищнической эксплуатации промышленников. Только федеральное правительство может обеспечить северной области однообразие законодательных мероприятий, направленных к получению наивыгоднейших условий для развития севера.

Самоуправление бродячих кочевых инородцев должно быть пересмотрено с устранением из него всего архаического. Местные советы (крайисполкомы и сельсоветы) должны обслуживать все северное население оседлого типа.

Для кочевых инородцев должны быть узаконены и кочевые советы с родовым управлением, согласованные с требованиями Конституции РСФСР.

Должно быть выработано специально приспособленное к нуждам севера законодательство, регулирующее с общегосударственной точки зрения вопросы охоты, рыболовства, оленеводства, эксплуатации лесов и недр земли, пользования берегами рек и островов. Нормы обычного права, облекшиеся в плоть и кровь в течение многих десятилетий, по возможности не должны при этом нарушаться, как зачастую делало это прежнее правительство.

Эти предпосылки легли в основание двух выработанных проектов положений: 1) положения об управлении туруханских туземных племен и 2) положения о северных инспекторах Туруханского края. Первое положение излагает в 12 пунктах основания самоуправления кочевых туземных племен. Оно говорит о кочевых советах, их составе и функциях, о праве участия в

выборах, об определении прав и обязанностей кочевых советов, о суде и районных съездах советов.

Положение о северных инспекторах Туруханского края определяет их число, согласно четырем выделяемым округам в крае, круг обязанностей, местопребывание инспекторов, способы и формы их взаимодействий с центральными учреждениями, правила о съездах инспекторов и предметах, подлежащих рассмотрению съездами. По мысли положения, институт северной инспектуры должен находиться в ведении Наркомвнудел, и содержание его должно быть отнесено на государственные средства.

Оба положения, выработанные Енисейской Губадминкомиссией, утверждены на заседании Президиума Енисейского губисполкома 7 февраля 23 г., и им постановлено ходатайствовать перед ВЦИК о выделении Туруханского края в административную единицу уездного масштаба, в границах, определенных Губадминкомиссией.

Следует отметить, что выработанные положения чрезвычайно кратки и их можно рассматривать как первую схему и набросок для разрешения назревшего вопроса об управлении необжитым севером. Все, однако, заставляет думать, что принципы, положенные в основание их, правильны, на что указывает и долготелная аналогичная практика Америки. Изучение американской практики, перевод их законодательных актов и инструкций на русский язык, ознакомление с мероприятиями по этой части должны предшествовать принятию определенных мер по административному устройству Сибирского севера. Чужой опыт и урок должны быть учтены в полной мере. Разумеется, с принципиальной точки зрения нет никакой разницы между севером различных сибирских областей, и областная хозяйственная специализация не имеет никакого значения при административном устройстве севера...

С принципиальной точки зрения нет никакой разницы между Сибирским севером и севером Европейской России, и вопрос об административной реформе севера должен быть поставлен во всем объеме. В этом вопросе в Госплане нет разногласий, и точки зрения Западно-Сибирской, Восточно-Сибирской, Уральской, Северо-Восточной секций совершенно сходны.

Вышеизложенные соображения об административном и экономическом устройстве Сибирского севера возможно свести к следующим кратким положениям.

1. Территории Сибирского севера, лежащие приблизительно севернее 60° северной широты, как неосвоенные чрезвычайно редким населением, должны управляться на иных государственно-правовых основаниях, чем области, проектируемые по проектам районирования в южных частях с более плотным населением, и должны быть выделены из губерний и областей Сибири в особую область, границы которой должны быть точно определены.

2. Задачи развития и управления северных территорий явственно распадаются на две неравноценные и в настоящее время не связанные между собой части: а) развитие и охрана общегосударственных интересов в порядке общегосударственного хозяйства и б) охрана и забота о развитии народностей далекого севера в порядке частно-правового хозяйства.

3. К общефедеральным задачам на севере должны быть отнесены: а) выяснение естественных ресурсов северных областей; б) охрана природных богатств от хищнического и нерационального их использования; в) заботы об экономическом развитии севера, когда это диктуется общефедеральными потребностями, путем разработки полезных ископаемых, налаживания транспорта, внешнего и внутреннего товарообмена; г) точное определение местных и федеративных задач и форм их разрешения в зависимости от общегосударственной и мировой экономики.

4. Развитие экономики глубокого севера в ближайшее время, вероятно, будет связано с товарообменом с федерацией и с границей через Северный морской путь, что ясно наметилось еще перед Мировой войной, посредством возникновения торговых и промышленных предприятий, совместно с промышленной колонизацией севера. Необходимо всеми силами способствовать ускорению этого процесса, как вернейшего для освоения необжитых территорий Сибирского севера.

5. Развитие и охрана многочисленных народностей глубокого севера должны, прежде всего, основываться на принципе охраны национальностей, систематически проводимой центром. Только в отдаленном будущем при развитии их возможно надеяться на их самостоятельность и на активную роль в освоении ими севера и в развитии экономики страны.

Формы самоуправления народностей глубокого севера должны базироваться на чрезвычайно разнообразных бытовых и национальных особенностях и на обычном праве. Ввиду чрезвычайной редкости населения и его слабого экономического развития следует сохранить большую гибкость и подвижность управления. Принцип родового управления, вошедший в обычное право, должен быть сохранен.

Ввиду того, что северные инородцы, как показывает опыт, не в состоянии создать такие формы хозяйства, которые оградили бы их от эксплуатации и позволили бы им встать на твердые пути развития, необходимо создание института высококвалифицированной инспектуры для обеспечения свободного развития северных туземцев, сообразно практике в этом отношении Америки.

Ввиду того, что все существующие и имеющие возникнуть экономические связи на территории севера имеют, главным образом, общегосударственное, а не местное значение, и ввиду того, что как развитие экономики края, так и охрана северных народностей в ближайшее время потребуют значительных

затрат, непосильных для Сибири, необходимо сосредоточить управление севером в руках общегосударственной федеративной власти.

Формы такого управления должны стоять в тесной связи с имеющимися формами областного и внутриобластного управления южных сибирских областей. Наиболее рациональным представляется связать их с будущими федеративными представительствами при южных областях. Непосредственное управление из центра не должно допускаться.

Будущие сибирские южные области будут также заинтересованы в устройстве и развитии северных территорий. Поэтому надлежит тщательно выяснить торговые, промышленные, транспортные и колонизационные связи севера с югом Сибири, и из выявившейся экономики взаимоотношений следует определить и формы совместной деятельности федерации и юга Сибири во всех областях, где они могут проявляться. Правовой институт этих взаимоотношений должен быть выявлен с полной определенностью.

Вся работа по экономическому и административному устройству Сибирского севера носит срочный характер и должна быть закончена одновременно с окончанием реформы экономического районирования.

ON THE ECONOMIC AND ADMINISTRATIVE STRUCTURE OF UNINHABITED TERRITORIES OF SIBERIAN NORTH

K.N. Mirotvortsev

Mirotvortsev Klavdiy Nikolaevich (1880 – 1950) – economic geographer, statistician, teacher, Doctor of geographical Sciences (1936), Professor (1947).

In the context of Russia's economic problems of that time, the author considers the issues of economic zoning of Siberia for the purpose of its development and preservation and protection of indigenous population. Taking into account Siberia's far Northern region's natural tendency towards the state of an isolated special economic zone with peculiar historical, climatic and geographical conditions, special forms of economic relations, and an almost completely virgin state of development, the author discusses a possibility of separating the region from the more densely populated and better developed South into a new administrative territory, which could be managed on different legal and economic grounds from the territories planned for partition in the South. The possible uses of the Northern Sea Route are also considered. The following directions of the North's development are proposed: 1) economic development and consequent population growth of the numerous indigenous populations; 2) formation of trade and industrial centers, participating in intra- and extraregional economic exchanges; 3) gradual assimilation of the North by the rapidly developing South of Siberia. The author expects the first two directions to dominate at the initial stages of development, since the South at the time of the article's writing still had vast wooded territories of its own to develop in the presence of severe resource constraints.

Keywords: Economic zoning, unexplored territories, *special zone*, naturalistic conditions, physical-geographical characteristics, particular administrative-economic area, state legal grounds, Siberian North.

УДК 339.138

БРЭНДИНГ МЕСТ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И МУТАЦИИ НА РОССИЙСКОЙ ПОЧВЕ

А.Н. Демьяненко, В.Н. Украинский

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: demyanenko@ecrin.ru.

Украинский Вадим Николаевич – младший научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: schtirl@pochtamt.ru.

То, что каждый имеет право учиться читать,
портит надолго не только писание, но и мысль.

Ф. Ницше

ВВЕДЕНИЕ

Начальным импульсом, побудившим авторов взяться за обзор публикаций, посвященных брэндингу¹ мест, стало знакомство с книгой «Брэндинг территорий. Лучшие мировые практики» [12]². Ее авторы – известные ученые и успешные эксперты из разных стран – совместными усилиями описали современное состояние брэндинга городов, одного из наиболее модных в настоящее время направлений прикладных исследований в той области экономической науки, которую все чаще обозначают как «пространственная экономика». И отметим особо: брэндинг городов и, шире, брэндинг территорий, а, возможно, лучше – брэндинг мест, в последние годы приобрел немалую популярность в среде отечественных экономистов, географов, социологов и представителей других отраслей научного знания. Более того, брэндинг все чаще упоминается в самых различных проектных документах, имеющих отношение к городскому и региональному развитию. То есть идеи,

© Демьяненко А.Н., Украинский В.Н., 2013

¹ Здесь авторы вынуждены сразу сделать следующую оговорку: из двух вариантов написания ключевого термина – «бренд» и «брэнд» – будет использоваться второй (включая производные) ввиду его большего соответствия функции – служить словом-калькой оригинального англоязычного термина; первый вариант написания будет оставлен только в цитатах.

² Возможно, внимание читателей, незнакомых с книгой, следует обратить на то, что ее название на языке оригинала – «City Branding. Theory and Cases», и возможный вариант его дословного перевода – «Брэндинг городов. Теория и практика».

заклученные в концепции брэндинга, захватили не только представителей научного и экспертного сообществ, но и дошли до практики городского и регионального управления¹.

Поэтому авторы посчитали возможным не ограничивать себя рамками традиционной рецензии, но попытаться понять, каким образом теоретические конструкции, методы прикладных региональных исследований и, наконец, инструменты экономического инжиниринга, имеющие импортное происхождение, адаптируются к российским реалиям².

О МЕСТЕ БРЭНДИНГА ТЕРРИТОРИЙ, МЕСТ И ГОРОДОВ В СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Для начала все-таки о целях, которые преследовали авторы «Брендинга территорий». Во «Вступлении», автором которого, как и редактором всей коллективной монографии, выступил К. Динни, обнаруживается следующее: «в доступной форме изложить теорию и описать практику брендинга территорий для политических деятелей, ученых, студентов и самого широкого круга читателей» [12, с. 12]. Что касается доступности формы изложения, то неоспоримым фактом является то, что в этом отношении рассматриваемая монография – образец, достойный подражания. Правда, здесь есть определенная проблема, не имеющая однозначного решения. Имеется в виду упоминание «теории» брендинга территорий. Ибо возникает вполне резонный вопрос: а есть ли «теория брендинга территорий»? И если да, то в каких взаимоотношениях она находится с экономической теорией?

Итак, попробуем определиться с тем, что считать научной теорией, и в том числе «теорией брендинга территорий». Сразу необходимо отметить, что хотя часть I имеет название «Теория», искать там «теорию брендинга территорий» как некую целостную, внутренне непротиворечивую систему логических умозаключений не стоит: ее там нет. Впрочем, это вовсе не означает, что в этой части или во всей монографии в целом вовсе отсутствуют какие бы то ни было обобщения, идеи и гипотезы, небесполезные в понимании процессов, в том числе и экономических, протекающих в городах как в специфических пространственных экономических системах. Но по большей части эти идеи – адаптации концепций, сформировавшихся главным образом в рамках

¹ Говоря о том, что брэндинг городов – явление относительно новое в теории и практике городского управления, следует иметь в виду, что «брэндинг городов стар, как искусство, но нов, как наука. Веками сити-менеджеры признавали необходимость транслировать уникальный и мощный имидж города остальному миру. Но только за последние несколько десятилетий брэндинг городов стали признавать отдельной дисциплиной» [12, с. 76].

² В той или иной мере эта исследовательская проблема затрагивалась авторами в ряде предшествующих публикаций [10; 11].

маркетинга мест, который, в свою очередь, является неотъемлемой частью маркетинга, который вслед за Й.А. Шумпетером можно отнести к «прикладным областям» экономической науки.

И коль в связи с определением места «брендинга мест» в структуре научного знания был упомянут Й.А. Шумпетер, то, очевидно, будет уместно привести мнение классика (которое авторы настоящей статьи полностью разделяют) относительно того, что есть «прикладные области» экономической науки. Во-первых, эта совокупность прикладных исследований «не имеет ни постоянного состава, ни логического порядка», во-вторых, все они «представляют собой компиляции тех фактов и методов» [29, с. 28], которые сформированы в рамках экономической теории. И, наконец, в-третьих, между прикладными и теоретическими исследованиями нет непроходимой пропасти, уже в силу того, что «прикладные области не только используют имеющийся в их распоряжении готовый фонд фактов и методов общей экономики, но и вносят в него свой вклад» [29, с. 28].

БРЭНДИНГ МЕСТ: ЗАРУБЕЖНАЯ ТРАКТОВКА

Теперь настало время остановиться подробнее собственно на анализе содержания книги «Брендинг территорий...», которая, по мнению авторов, представляет собой собрание текстов, адекватно описывающих состояние дел в интересующей нас области прикладных экономических исследований за рубежом.

Часть I. Теория

Итак, начать можно с фиксации следующего сформулированного К. Динни положения, к которому придется обращаться еще не раз: «Источники многих исследований в области брендинга – в маркетинге и урбанистике» [12, с. 16]¹. Причем чем дальше, тем в большей мере эти две области знаний, взаимодействуя друг с другом, формируют платформу междисциплинарного подхода к брендингу городов. Именно такой подход «отразит потребность в разнообразии теоретических обоснований и необходимости уловить всю полноту и многомерность такого вида брендинга» [12, с. 20].

А необходимость эта проистекает из сложности и многоаспектности само-

¹ В другой своей работе, рассматривая проблематику национального брендинга и выделяя два таких исходных понятия, как «национальная идентичность» и «страна происхождения товара», К. Динни обозначает соответственно два направления академических дисциплин, выступающих в качестве научного базиса. В первое входит следующий набор: политическая география, международные отношения, политология, культурная антропология, социальная психология, политическая философия, международное право, социология и, наконец, история. Второе представляет маркетинг с такими подразделами, как потребительское поведение, реклама и управление продвижением, бренд-менеджмент и экспортный маркетинг [33, р. 20–21].

го объекта исследований (города), как социальной территориальной системы, вписанной в самые разнообразные природные и исторические контексты. При этом следует помнить, что города, как правило, тесно связаны со своим окружением, зачастую оказывая организующие влияние на обширные территории. И если к этому добавить еще и то, что города, как правило, отличаются высоким уровнем динамизма, то потребность в их междисциплинарном изучении очевидна, как и очевидна такая потребность при разработке и реализации брэнда города. В значительной мере эта брэндированная упаковка «подчеркивает уникальность города, выделяя его среди конкурентов» [12, с. 81]. Здесь нет возможности подробно останавливаться на характере конкуренции между городами и регионами¹, можно отметить лишь следующее: эта конкуренция в обозримой перспективе будет только возрастать, причем на всех уровнях — от глобального до локального.

Но брэнд как упаковка конкурентных преимуществ города отличается крайней противоречивостью. Ибо, с одной стороны, он должен быть уникальным, но «по мере развития городов они становятся все более похожими, особенно когда их власти учатся друг у друга привлекать инвесторов и туристов» [12, с. 82]. Но это не единственный парадокс, с которым сталкиваются исследователи. Брэндинг может привести не только к созданию привлекательной «упаковки», но и разрушить оригинальный образ города². К тому же следует иметь в виду, что «потребности в привлекательности и аутентичности сообщений брэнда могут противоречить друг другу. Сложные сообщения, связанные с историей и переменами в обществе, часто игнорируются, к огорчению местных жителей. Для посторонних прекрасен именно простой брэнд» [12, с. 85–86].

Перечисленные выше парадоксы свидетельствуют о том, что брэндинг как инструмент управления городским развитием может при тех или иных обстоятельствах сопровождаться как позитивными, так и негативными последствиями, если и не для города в целом, то для отдельных стэйкхолдеров.

При этом брэндинг рассматривается не как вещь в себе, а как необходимый элемент разработки и реализации городской стратегии. Поэтому вовсе не случайным является вывод, к которому приходит А. Мидлтон: «Сильный брэнд — это не только реклама и коммуникации, но и часть большого стратегического плана» [12, с. 42].

¹ Существует значительный массив публикаций, посвященных этой проблеме, среди которых нельзя не упомянуть «Маркетинг мест» Ф. Котлера с соавторами [18]. Авторская позиция относительно того, что из зарубежного опыта и как целесообразно использовать при организации маркетинга городов и регионов, см. в [10].

² В частности, Канн-Сен Оой указывает на то, что «популярные для горожан места, если их продвигать с помощью брэнда города, могут наводнить экспаты и туристы; изменится общественная структура, которая престанет быть притягательной для местных» [12, с. 84].

Еще одно положение, которое также разделяют авторы «Брендинга территорий...»: конечная цель брэндинга города заключается в создании брэнда, который, «с одной стороны, будет значим в разных областях деятельности и для различных целевых аудиторий, а с другой — допустит создание отдельных бренд-коммуникаций для специфических направлений» [12, с. 18].

И, наконец, следует обратить внимание, что все авторы (каждый в рамках своей темы) в той или иной форме разделяют тезис: успешный брэнд города не есть плод досужего ума, а результат тщательных, а зачастую и дорогостоящих исследований. Именно в ходе этих исследований имеют место выявление и оценка четкого набора атрибутов города, «на основе которых можно сформулировать его позитивное восприятие у целевых аудиторий» [12, с. 18]. При этом в процесс определения и согласования упомянутого набора свойств города должны быть вовлечены все стэйкхолдеры. Ибо, как бы ни была велика роль городских властей и исследовательских организаций в формировании набора атрибутов города, «его ни в коем случае нельзя навязывать сверху» [12, с. 18]. Иначе говоря, без эффективного партнерства, то есть без формирования сетевых структур, в которые вовлечены стэйкхолдеры, суждения о брэндинге городов (шире — мест) имеют немного смысла.

Более того, по мнению целого ряда исследователей, «ключевой элемент брэндинга города — необходимость вовлечь в процесс всех стейкхолдеров, которые могут помочь в определении будущего этого города» [12, с. 56]. Но, как справедливо отмечает С. Ван Гальдер, формирование городского брэнд-партнерства крайне непростое дело, и «многие проблемы, возникающие при его разработке, связаны как раз с некорректными взаимоотношениями между ключевыми сторонами влияния» [12, с. 56]. И это вполне понятно, т. к. реальные и потенциальные участники брэнд-партнерства обладают своими собственными экономическими интересами и, как следствие, собственным видением будущего города (места). Поэтому основополагающим принципом формирования эффективного брэнд-партнерства становится формирование общего видения будущего своего города, т. е. видения более высокого порядка, чем видение отдельных участников партнерства.

Но даже в том случае, если упомянутое выше «объединяющее видение» все-таки сформулировано, это — необходимое, но далеко не всегда достаточное условие формирования брэнд-партнерства. Дело в том, что партнеры должны суметь договориться о «принятии совместной ответственности за воплощение этого будущего в реальность» [12, с. 60]. Добиться этого, как свидетельствует опыт авторов рассматриваемой книги, крайне сложно.

Главная проблема здесь: «отсутствие или нечеткость программы по вовлечению и поощрению местного населения, бизнеса и общественных групп к участию в формировании и транслировании брэнда» [12, с. 66]. И здесь нет ка-

кого-либо универсального рецепта. С одной стороны, конечно, было бы очень и очень хорошо, если бы брэнд-партнерства были максимально открыты как в информационном обмене среди участников партнерства, так и в отношении вхождения в него новых членов: все-таки город развивается. С другой стороны, неплохо было бы сформулировать, а затем и следовать принципам успешного вовлечения стейкхолдеров. В частности, как это предлагают Д. Хоутон и Э. Стивенс, которые сформулировали следующие три ключевые позиции успешного вовлечения стейкхолдеров: «Во-первых, важно понять разные городские стороны влияния и работать с ними. Стейкхолдеры — это не отвлеченные однородные группы. Под этим термином подразумеваются комбинации людей, групп и организаций, небезразличных к будущему своего города. Во-вторых, дополнительной отправной точкой может стать вовлечение стейкхолдеров с самого начала процесса брендинга. С местными сторонами влияния нельзя обращаться как с участниками фокус-группы, обсуждающей варианты рекламной кампании. Им придется жить в атмосфере последствий брендинговых усилий. В-третьих, стейкхолдеров следует вовлекать, руководствуясь здравым смыслом. Брендинг города не начинается с нового листа. У городов уже есть бренд, даже если они понимают и не признают этот факт» [12, с. 70–71].

Что следует из вышеприведенных принципов успешного вовлечения стейкхолдеров? Однозначного ответа нет. Но очевидно, как минимум, то, что брендинг не разовая акция¹, это — процесс, причем процесс в значительной мере исследовательский, а вовсе не синоним рекламной кампании. Ибо «брендинг радикально отличается от процесса рекламы и требует открытого и критического обсуждения того, что представляет собой город и что он может предложить сейчас и в будущем» [12, с. 74]. Конечно, как справедливо отмечает А. Инш, «невозможно удовлетворить пожелания всех горожан, но их мнение обязательно нужно учитывать при создании бренда города» [12, с. 21]. И, в общем, это понятно, так как основная цель брендинга города — «сделать его предпочтительным, сформировать лояльность к нему среди различных сегментов, которые он обслуживает» [12, с. 22].

Что касается упомянутых выше «различимых сегментов», то их количество может быть различно, но, как правило, независимо от специфики города среди них обнаруживаются туристы. И, по причине усиливающейся конкуренции городов за туристов, города все больше вкладывают сил и средств в свой брендинг. При этом для того, чтобы привлечь туристов, используются двусторонние брендинговые стратегии: «города подчеркивают либо свои материальные характеристики — здания или мероприятия, либо нематериальные аспекты — историю, слоган и логотип» [12, с. 44].

¹ В афористичной форме этот тезис сформулировал Канн-Сен Оой: «Брендинг города — непрерывное занятие» [12, с. 79].

Но всякий раз, когда речь заходит о развитии туризма, о привлечении в город или в регион туристов, администрации городов и регионов должны помнить о том, что «у их маркетинговых сообщений существуют, по меньшей мере, две целевые аудитории: местные туристы и иностранные гости» [12, с. 94]. И каждая из этих целевых аудиторий имеет свои предпочтения и интересы, которые далеко не всегда совпадают. Впрочем, как свидетельствует исследование Д. Брайттермана, есть, как минимум, одна позиция, в отношении которой сходятся практически все, это возвращение в города природы через создание зеленой инфраструктуры и новые формы городской жизни.

Часть II. Практика

Во второй части рассматриваемого сборника читателю предлагается «критический обзор практики брендинга 18 городов, расположенных в разных частях света. Выбор пал именно на эти города из-за их географической, экономической и культурной гетерогенности» [12, с. 126].

Действительно, города, опыт которых в области брендинга представлен во второй части, разнообразны: Аккра и Афины, Барселона и Вуллонгонг, Гонконг и Лиссабон, Нью-Йорк и Токио и далее по списку. В этой части работы много и подробно в критическом ключе рассматривается и оценивается практика брендинга, но в этой же части содержится немало и суждений общего характера. Так, крайне интересны суждения Э.Э. Спиро относительно общего и специфического в брендинге коммерческих продуктов и услуг, с одной стороны, и мест — с другой. Впрочем, сказанное справедливо и в отношении исследования Ж. Рикардо Фрейре, посвященного брендингу Лиссабона, в котором также имеет место сопоставление корпоративного брендинга и брендинга мест. Любопытен вывод, к которому приходит португальский исследователь: «Брендинговые усилия применительно к территориям, как правило, сложнее, чем в сфере продуктов и услуг» [12, с. 208].

В связи с надвигающимися Олимпийскими играми в Сочи весьма и весьма актуальным представляется брендинг Афин и Барселоны¹. М. Фола, исследуя влияние Олимпийских игр — 2004 на имидж Афин, приходит к неутешительному выводу: «Афины слишком поздно обнаружили, что само по себе, автоматически, мероприятие ничего не дает для развития бренда города. Это лишь возможность попасть в СМИ, а не брендинговая деятельность» [12, с. 147]. Иначе говоря, даже мероприятия мирового значения — это не более чем воз-

¹ Если же смотреть на строительство спортивных сооружений, причем не только таких масштабных, как, например, для зимних Олимпийских игр — 2014 и чемпионата мира по футболу — 2018, сквозь призму брендинга городов, то следует обратить внимание на результаты исследований, согласно которым «нарастает критическое отношение к созданию новых стадионов за счет общественных фондов. ...Столь крупные инвестиции не всегда улучшают благосостояние горожан или качество их жизни. Более того, строительные проекты, созданные на основе стандартной модели, уже использовавшейся в других местах, могут разрушить «разнообразие картины городских районов» [12, с. 24].

возможность. А вот для того, чтобы эта возможность работала на позитивный имидж города, необходима долгосрочная стратегия, связывающая город с его идентичностью и основными ценностными установками.

Именно по этому пути пошла Барселона. Не случайно Х.-К. Беллозо, анализируя успешный опыт брэндинга столицы Олимпийских игр 1992 года, фиксирует внимание читателей на концептуализации брэндинга города как «процесса его радикальной и глобальной трансформации в долгосрочном периоде» [12, с. 147]. При этом ключевую роль в упомянутой трансформации города сыграло гражданское общество.

И так как брэнд Барселоны создавался не на один день и не под одно событие, каким бы значимым оно ни было, город и после 1992 года не перестал перестраиваться: «Новые планы в 1994, 1999 и 2003 годах последовали за первым стратегическим планом развития Барселоны и продолжили процесс трансформации и консолидации области вокруг Барселоны как одного из самых важных городских округов в сети европейских городов» [12, с. 161].

Далее необходимо обратиться к еще одной важной проблеме, имеющей не только очевидное практическое, но и вполне определенное теоретическое значение: определение границ города и прилегающих территорий, с ним непосредственно связанных. Ибо, «если брэнд ограничен только городом, это будет определенным образом влиять на стратегические решения по брэндингу. Если же предмет создания брэнда — и город, и регион (более широкая сущность с большим количеством стейкхолдеров), то решение принимается иначе» [12, с. 128]. Более того, во втором случае возникает еще одна нетривиальная задача — определение границ региона.

Специально этот вопрос рассматривается в главе «Брэндинг Лиссабона — определение границ брэнда города», в которой Ж. Рикардо Фрейре приходит к следующему выводу: «...Определение границ — очень важный аспект управления брэндом территории. Его необходимо принимать во внимание, создавая и развивая идентичность брэнда города или региона. Необходимо провести стратегический анализ и четко продумать, насколько широким должен быть брэнд территории. Однако этот важный момент в создании брэнда территории порой не попадает в зону внимания» [12, с. 211]. Что к этому можно добавить? Действительно, этот аспект брэндинга города остается в небрежении, а нередко вместо научно обоснованного подхода к определению границ брэнда используют сложившуюся систему административно-территориального деления.

В рассматриваемой книге поднимается и много других немаловажных и просто интересных вопросов, касающихся брэндинга городов (например, теория «взгляда туриста» Дж. Урри или основанная на сетевой теории кон-

цепция взаимосвязанного сетевого брэнда), однако далее представляется необходимым совершить хотя бы небольшое «погружение» в состояние дел в области брэндинга мест, которое сложилось в нашем отечестве.

ПРИЧИНЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ МУТАЦИЙ

Безусловно, в зарубежной практике брэндинга (как общего, так и его частного случая – брэндинга мест) не все радужно. Известные специалисты в области брэндинга Д. Шульц и Х. Шульц даже использовали в отношении соответствующих негативных явлений в весьма уничижительном ключе такой термин, как «брэндология» (*brand babble*), обозначив свою позицию следующим образом: «Мы не принимаем концепции и подходы, в которых мало или совсем нет здравого смысла или теоретической опоры. И даже еще менее мы поддерживаем концепции, в которых искажаются, подгоняются, корректируются, а иногда и просто неправильно используются понятия из других областей знаний и научных дисциплин, причем используются только потому, что они хорошо или основательно звучат либо производят пронзительные или яркие звуковые эффекты. ...Подход к формированию брэнда, опирающийся лишь на безосновательные концепции, а также на внутреннее чутье и природные инстинкты для управления брэндом и его развитием, является для современного рынка слишком рискованным и дорогостоящим» [28, с. 12]. И действительно, многие работы по брэндингу, в том числе и очень известных авторов, сложно назвать строго научными. Например, самые значительные (с точки зрения объема) работы Д. Аакера¹ написаны скорее в нормативном ключе и представляют исключительно авторский подход, т. е. «как на мой взгляд должно быть», без попыток обобщения чьих-либо еще взглядов [1; 2]. Такие работы могут быть отнесены скорее к области научной публицистики или научно-популярной литературы, тем более что серьезные исследователи (такие как Д. Аакер) действительно выполняют таким образом некие популяризаторские функции. Впрочем, к указанным работам необходимо отнести еще и массу существующих за рубежом публикаций часто малоизвестных авторов, которые по сути являются не более чем бизнес-беллетристикой. Именно в адрес подобного рода работ уместной представляется отмеченная выше критическая точка зрения Д. и Х. Шульц. Однако за рубежом существуют и весьма основательные работы по брэндингу, выполненные на основе большого числа источников (примером могут служить [16; 27]).

Картина с зарубежными публикациями по маркетингу и брэндингу мест примерно такая же. Например, все значительные работы такого небезыз-

¹ Изредка ссылки на эти работы появляются и в российских публикациях на тему брэндинга мест. Вопрос работы российских авторов с источниками будет затронут подробнее ниже.

вестного в среде российских исследователей автора, как С. Анхольт могут быть отнесены скорее к научно-популярным [30; 31]. Однако подавляющая часть активно растущего российского массива публикаций (счет идет уже на сотни), посвященного проблемам брэндинга (и шире – маркетинга) мест, как будто бы ориентирована на худшие зарубежные образцы и может быть смело обозначена как брэндология. Основания для такого вывода будут приведены ниже.

Первое, что представляется необходимым отметить, – для многих отечественных работ по маркетингу и брэндингу мест характерна неадекватная источниковая база, часто абсолютно не согласующаяся с уровнем рассматриваемых вопросов, заявляемых в названиях работ¹. Говоря проще, российские авторы даже если что-то и читают, то тщательнейшим образом это скрывают, поскольку библиографические списки очень невелики и часто состоят исключительно из русскоязычных публикаций, набор которых в какой-то мере стал «шаблонным» (типичный вариант – ссылка на «Маркетинг территорий» А.П. Панкрухина [21]). Последнее может объясняться дефицитом (в сравнении с зарубежной ситуацией) доступных монографических работ или претендующих на такой статус. Из больших профильных работ зарубежных специалистов российские авторы, как складывается впечатление, знакомы (причем далеко не все) только с переведенным на русский язык «Маркетингом мест» Ф. Котлера и др. [18]². Однако, как представляется, перечень литературных источников, которыми должен владеть исследователь, берущийся за такую проблематику, как брэндинг мест, должен быть неизмеримо шире, особенно в свете обозначенной выше мультидисциплинарности. Традиционное оправдание, что «у нас» 70 лет такие понятия, как менеджмент, маркетинг и т. п., фактически находились если и не под запретом, то и не в активном научном обороте, сейчас является неприемлемым. По сути, ничего, кроме нежелания повышать уровень своей квалификации, не мешает современным российским исследователям работать с разнообразными источниками, в том числе опубликованными на иностранных языках³. Собственно, недостаточная подготовленность многих российских специалистов, берущихся

¹ Вопиюще красноречивый пример последнего: двухстраничная статья Е.С. Куликовой под названием «Теоретические и исторические предпосылки развития маркетинга территории» базируется на трех источниках, два из которых – Конституция РФ и Федеральный закон №131-ФЗ [19].

² Впрочем, и здесь есть явные перекосы не в пользу цитирования работ иностранных специалистов. Поискные запросы по спискам цитируемой литературы в НЭБ (Elibrary) позволили обнаружить 277 журнальных статей, ссылающихся на «Маркетинг территорий» А.П. Панкрухина, и только 173 – на «Маркетинг мест» Ф. Котлера (по состоянию на 28.11.2013).

³ Количество работ, в которых более или менее «квалифицированно» применяются источники, опубликованные на иностранных языках, катастрофически мало. Из публикаций монографического характера к таковым можно отнести [7; 8; 24].

за такую сложную исследовательскую проблему, как брэндинг мест, является главным «мутагеном», обуславливающим прочие слабые места в соответствующей отечественной научной литературе.

Как раз вторым моментом, на котором следует остановить внимание, является отсутствие системного (т. е. непротиворечивого, последовательного и т. д.) представления о сути рассматриваемых явлений и процессов. В качестве примера можно взять набор понятий, которыми в целой серии работ оперирует И.С. Важенина, а именно «имидж», «бренд» и «репутация» территории (или региона, страны – объекты, по отношению к которым используется соответствующая терминология, варьируются) [3–6]. Сам набор является вполне понятным. Например, его же использует, только применительно к корпорациям, Г. Даулинг [9, с. 17–24]. Однако если данные Г. Даулингом определения рассматриваемых терминов и достаточно детальное объяснение взаимосвязей между ними не вызывают больших вопросов, то «вводимая в оборот» И.С. Важениной терминология может поставить подготовленного читателя в тупик.

В частности, если у Г. Даулинга бренд в конечном счете является результатом определенного воздействия репутации, то, по мнению И.С. Важениной, бренд территории – это «совокупность уникальных качеств, непреходящих общечеловеческих ценностей, отражающих своеобразие, неповторимые оригинальные потребительские характеристики данной территории и общества, широко известные, получившие общественное признание и пользующиеся стабильным спросом потребителей данной территории» [5; с. 20], а репутация территории – это «объективно сложившаяся и подтвержденная практикой совокупность ценностных убеждений и рациональных мнений о территории, сформировавшихся у людей (человека) на основе полученной достоверной информации о территории, личного опыта взаимодействия или опосредованных контактов» [22, с. 132]. И здесь может возникнуть целый ряд повисающих в воздухе вопросов (обилие общих фраз у автора рассматриваемых определений ясности не вносит). Как бренд может быть не отражением неких «качеств» территории, что допустимо, а их совокупностью? Каким образом удастся бренд приравнять к совокупности еще и «общечеловеческих ценностей»? Что означает «пользующиеся стабильным спросом характеристики территории»?¹ И т. д. Определение же репутации фактически не выдерживает никакой критики с позиций современных научных представлений. В современных работах, посвященных, например, поведению потребителей (а наличие потребителей, что вполне понятно, является «константой» прак-

¹ Например, если «характеристикой» территории является горный рельеф, тогда некая общечеловеческая ценность, являющаяся частью бренда территории, должна отражать эту характеристику, причем характеристика (т. е. рельеф) должна обязательно пользоваться стабильным спросом.

тически всех текстов по маркетингу и брэндингу мест), отстаивается тезис об исключительной иррациональности последнего¹. Даже в случае с организациями как «потребителями территории» упование на рациональность принимаемых в этих организациях решений является напрасным².

В конечном счете, используемые И.С. Важениной понятия, которые вроде бы должны быть «родственными» друг другу («репутация территории тесно связана с ее имиджем» [22, с. 133], «бренд складывается... на базе имиджа» [5, с. 20] и т. п.), по целому набору критериев/характеристик оказываются чуть ли не взаимоисключающими [22, с. 134–135; 5, с. 21].

Приведенный пример из творчества только одного автора, активно публикующего работы по брэндингу мест, наглядно демонстрирует «генетическое родство» многих отечественных работ данной проблематики с российской брэндологией³. Пожалуй, наиболее критичной является специфика трактовки многими российскими брэндологами, в том числе занимающимися и брэндингом мест, самого термина «бренд» и родственных понятий. В целях дальнейшего анализа необходимо привести хотя бы несколько цитат: «далеко не каждая марка... является брендом в полном смысле этого слова» [13, с. 19]; «бренд — это сильная, известная, «раскрученная» торговая марка» [21, с. 193]; «если торговая марка коммерчески успешна и смогла привлечь к себе большое число лояльных потребителей, то ее называют брендом» [23, с. 13–14]; «бренд — это разновидность именно положительного имиджа» [4, с. 5]; «под инвестиционным имиджем следует понимать комплекс позитивных представлений» [15, с. 39]; «бренд региона — сеть позитивных, эмоционально окрашенных ассоциаций в сознании стейкхолдеров» [25, с. 73].

В приведенных цитатах заслуживают внимания два основных момента. Во-первых, это много лет не прекращающиеся попытки некоторых российских авторов «отделить» бренд от торговой марки, а также, как идеальный

¹ В частности, Дж. Залтман отмечает: «Многие менеджеры до сих пор убеждены, что потребители принимают решения обдуманно — т. е. осознанно рассматривают индивидуальные и относительные ценности атрибутов объекта и вероятность их соответствующей оценкам актуализации. Затем они неким логическим образом обрабатывают полученную информацию и приходят к осознанному решению. ...Но сегодня такой способ принятия решений считается скорее исключением, чем правилом. Оказывается, процесс выбора носит в значительной мере автоматический характер, восходит к привычкам и другим неосознанным процессам...» [14, с. 22]. И далее: «Около 95% мышления происходит бессознательно — имеется в виду удивительное, хоть и беспорядочное смешение воспоминаний, эмоций, размышлений и других когнитивных компонентов, которые мы не осознаем и не можем выразить напрямую» [14, с. 24].

² Авторы фундаментальной по охвату материала работы «Компетентная организация» пишут, что «исследования на основе подхода управленческого и организационного познания подвергли сомнению фундаментальное предположение о рациональности, на котором явно или неявно было основано большинство из самых известных теорий стратегического менеджмента» [26, с. 30].

³ Можно, например, сравнить используемую И.С. Важениной для демонстрации взаимосвязи понятий схему [5, с. 20] со схемой, приведенной в работе Н. и В. Тесаковых [23, с. 17], которая также отличается «терминологической кашей».

вариант, сочинить «свое» определение брэнда¹. Во-вторых, многие авторы путают желаемый конечный результат маркетинга / брэндинга мест (сильный брэнд, положительный имидж, хорошая репутация и т. п.) с нормативно описываемым в определениях объектом исследования, когда использование приведенных выше прилагательных неуместно².

Наконец, многие тезисы, присутствующие в отечественных публикациях по брэндингу мест, содержат в себе либо трюизмы, либо несуразности, а иногда и то и другое одновременно. Например, А.П. Панкрухин, задавшись целью отличить брэндые регионов от товарных брэндов, начинает со следующего пассажа: «Названиями тут особо не «поиграешь», и география с климатом дают себя знать, и традиционная для большинства регионов России дотационность — особенно. ...Управление брендом региона — дело прежде всего региональной администрации, причем действовать здесь надо профессионально, быстро и аккуратно» [21, с. 195].

В целом отношение отечественных специалистов к такой сложнейшей проблеме, как брэндинг мест, можно охарактеризовать как чрезмерно «легкое». Здесь уместным будет привести оценку К. Марти, главы российского представительства Interbrand, которую он дал в ответ на вопрос о главных ошибках, допускаемых российскими предпринимателями в деле брэндостроительства: «Я вижу только одну ошибку. Многие считают, что брэндинг — это креатив или развлечение, иногда сиюминутное. На самом деле это последовательный и логичный процесс. ...Брэндинг — всегда эволюция. К нему необходимо подходить пошагово. Иными словами, это длительный процесс, требующий постоянных инвестиций...» [17, с. 93]. Остается лишь надеяться, что общее для многих отечественных предпринимателей и отечественных же исследователей проблем брэндинга поверхностное отношение со временем изменится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аакер Д.* Создание сильных брендов. М.: Издательский Дом Гребенникова, 2003. 440 с.
2. *Аакер Д., Йохимштайлер Э.* Бренд-лидерство: новая концепция брэндинга. М.: Издательский Дом Гребенникова, 2003. 380 с.
3. *Важенина И.С.* Имидж и бренд региона: сущность и особенности формирования // Экономика региона. 2008. № 1. С. 49–58.

¹ Стремление обеспечить пресловутую «научную новизну», выражающееся в создании часто несуразных и не выдерживающих никакой критики определений, публикуемых во многих статьях, можно считать одним из следствий «ВАКизации» [20, с. 178].

² В качестве поясняющего примера можно привести такую страну, как Сомали. Наверное, вести речь о соответствующем национальном брэнде нельзя (разве что только в форме стихийно формирующегося), а вот имидж и репутация данного «места», безусловно имеющиеся в наличии, вряд ли вызовут у многих людей какие-либо положительные коннотации.

4. *Важенина И.С.* Имидж, бренд и репутация как конкурентные преимущества региона // *Управленец*. 2010. № 5–6. С. 4–9.
5. *Важенина И.С.* О сущности бренда территории // *Экономика региона*. 2011. № 3. С. 18–23.
6. *Важенина И.С., Важенин С.Г.* Имидж, репутация и бренд территории // *ЭКО*. 2008. № 8. С. 3–16.
7. *Визгалов Д.В.* Бренддинг города. М.: Институт экономики города, 2011. 160 с.
8. *Визгалов Д.В.* Маркетинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. 110 с.
9. *Даулинг Г.* Репутация фирмы: создание, управление и оценка эффективности / Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт». М.: ИНФРА-М, 2003. 368 с.
10. *Демьяненко А.Н.* Маркетинг мест, или Уроки стратегического маркетингового планирования городского и регионального развития // *Пространственная экономика*. 2006. № 4. С. 159–168.
11. *Демьяненко А.Н.* Теория кластеров на российской почве // *Пространственная экономика*. 2007. № 2. С. 166–175.
12. *Динни К.* Бренддинг территорий. Лучшие мировые практики / под ред. Кейта Динни. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2013. 336 с.
13. *Домнин В.Н.* Бренддинг: новые технологии в России. СПб.: Питер, 2002. 352 с.
14. *Залтман Дж.* Как мыслят потребители. То, о чем не скажет потребитель, то, чего не знает ваш конкурент. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. 224 с.
15. *Зимица А.А., Амелина Е.А.* Формирование инвестиционного имиджа как условие развития региона // *Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий: Материалы международной научно-практической конференции*. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2006. С. 37–42.
16. *Келлер К.Л.* Стратегический брэнд-менеджмент: создание, оценка и управление марочным капиталом. 2-е изд. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. 704 с.
17. *Коваленко В.* Бренддинг – это машина, которая помогает нам коммуницировать // *Секрет фирмы*. 2013. № 11. С. 90–93.
18. *Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д.* Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 384 с.
19. *Куликова Е.С.* Теоретические и исторические предпосылки развития маркетинга территории // *Аграрный вестник Урала*. 2010. Т. 71. № 5. С. 23–24.
20. *Минакир П.А.* Публиковать нельзя отклонить // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2011. № 12. С. 177–179.
21. *Панкрухин А.П.* Маркетинг территорий. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2006. 416 с.
22. *Территориальная конкуренция в экономическом пространстве / Важенин С.Г., Берсенев В.Л., Важенина И.С., Татаркин А.И.* Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. 540 с.
23. *Тесакова Н., Тесаков В.* Бренд и торговая марка: развод по-русски. СПб.: Питер, 2004. 267 с.
24. *Фролов Д.П.* Маркетинговая парадигма регионального развития. 2-е изд., доп. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. 157 с.
25. *Фролов Д.П.* Маркетинговый подход к управлению пространственным развитием // *Пространственная экономика*. 2013. № 2. С. 65–86.
26. *Ходкинсон Дж.П., Сперроу П.Р.* Компетентная организация: психологический анализ процесса стратегического менеджмента. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2007. 392 с.
27. *Чернатони Л. де, МакДональд М.* Бренддинг. Как создать мощный бренд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 559 с.

28. Шульц Д., Шульц Х.Ф. Брендология. Правда и вымыслы о брендинге. М.: РИПОЛ классик, 2006. 256 с.
29. Шумпетер Й.А. История экономического анализа. Т. I. СПб.: Экономическая школа, 2004. LVI+496 с.
30. Anholt S. Brand new justice. How Branding Places and Products Can Help the Developing World. Revised Edition. Oxford: Elsevier Butterworth-Heinemann, 2005. 183 p.
31. Anholt S. Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. 148 p.
32. Anholt S. Places. Identity, Image and Reputation. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 178 p.
33. Dinnie K. Nation Branding. Concepts, Issues, Practice. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2008. 288 p.

BRANDING OF PLACES: FOREIGN EXPERIENCE AND MUTATION WITHIN RUSSIAN CIRCUMSTANCES

A.N. Demyanenko, V.N. Ukrainsky

Demyanenko Alexander Nikolaevich – Doctor of Geography, Professor, Chief Researcher. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: demyanenko@ecrin.ru.

Ukrainsky Vadim Nikolaevich – Junior Research Fellow. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: schtirl@pochtamt.ru.

REFERENCES

1. Aaker D. *Building Strong Brands*. Moscow, 2003, 440 p. (In Russian).
2. Aaker D., Joachimsthaler E. *Brand Leadership: Building Assets in an Information Economy*. Moscow, 2003, 380 p. (In Russian).
3. Vazhenina I.S. Image and Brand of Region: Essence and Features of Formation. *Ekonomika regiona* [Regional Economy], 2008, no. 1, pp. 49–58. (In Russian).
4. Vazhenina I.S. Image, Brand and Reputation as Competitive Advantages of the Region. *Upravlenets* [Manager], 2010, no. 5–6, pp. 4–9. (In Russian).
5. Vazhenina I.S. On the Essence of the Brand of Territory. *Ekonomika regiona* [Regional Economy], 2011, no. 3, pp. 18–23. (In Russian).
6. Vazhenina I.S., Vazhenin S.G. Image, Reputation and Brand Territory. *Eco – Eco*, 2008, no. 8, pp. 3–16. (In Russian).
7. Vizgalov D.V. *City Branding*. Moscow, 2011, 160 p. (In Russian).
8. Vizgalov D.V. *City Marketing*. Moscow, 2008, 110 p. (In Russian).
9. Dowling G. *Creating Corporate Reputations: Identity, Image, and Performance*. Moscow, 2003, XXVI, 368 p. (In Russian).
10. Demyanenko A.N. Marketing Places, or Lessons of Strategic Marketing Planning of Urban and Regional Development (on P. Kotler, C. Asplund, I. Rein, D. Haider's book «Marketing Places Europe»). *Prostranstvennaya Ekonomika – Spatial Economics*, 2006, no. 4, pp. 159–168. (In Russian).
11. Demyanenko A.N. The Theory of the Clusters on the Russian Soil (About the Book “The Bottom of the Angarsky Territory a New Stage of Development: Possibilities of Form-

- ing Industrial Clusters”). *Prostranstvennaya Ekonomika – Spatial Economics*, 2007, no. 2, pp. 166–175. (In Russian).
12. Dinnie K. *City branding. Theory and cases*. Edited by K. Dinnie. Moscow, 2013, 336 p.
 13. Domnin V.N. *Branding: New Technologies in Russia*. St. Petersburg, 2002, 352 p. (In Russian).
 14. Zaltman G. *How Customers Think: Essential Insights into the Mind of the Market*. St. Petersburg, 2005, 224 p. (In Russian).
 15. Zimina A.A., Amelina E.A. Formation of the Investment Image as a Condition of Development of the Region. *Modern Problems of Economic Development of Enterprises, Branches, Complexes, Areas: Materials of the International Scientifically-Practical Conference*. Khabarovsk, 2006, pp. 37–42. (In Russian).
 16. Keller K.L. *Strategic Brand Management: Building, Measuring, and Managing Brand Equity*. Moscow, 2005, 704 p. (In Russian).
 17. Kovalenko V. Branding is a Machine that Helps Us to Communicate. *Secret Firmly [Firm’s Secret]*, 2013, no. 11, pp. 90–93. (In Russian).
 18. Kotler Ph., Asplund Ch., Rein I., Haider D. *Marketing Places Europe: How to Attract Investments, Industries, Residents and Visitors to Cities, Communities, Regions and Nations in Europe*. St. Petersburg, 2005, 384 p. (In Russian).
 19. Kulikova E.S. Theoretical and Historical Preconditions of Development of Marketing of Territory. *Agrarnyy Vestnik Urala [Agrarian Herald of the Urals]*, 2010, vol. 71, no. 5, pp. 23–24. (In Russian).
 20. Minakir P.A. To Publish Impossible to Reject. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotitsii – The Journal of the New Economic Association*, 2011, no. 12, pp. 177–179. (In Russian).
 21. Pankrukhin A.P. *Territorial Marketing*. St. Petersburg, 2006, 416 p. (In Russian).
 22. *Territorial Competition at the Economic Space*. Edited by S.G. Vazhenin, V.L. Bersenev, I.S. Vazhenina, A.I. Tatarkin. Ekaterinburg: The Institute of Economics of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011, 540 p. (In Russian).
 23. Tesakova N., Tesakov V. *Brand and Trademark: Deception on Russian*. St. Petersburg, 2004, 267 p. (In Russian).
 24. Frolov D.P. *Marketing Paradigm of Regional Development*. Volgograd, 2013, 157 p. (In Russian).
 25. Frolov D.P. Marketing Approach to Management of Spatial Development. *Prostranstvennaya Ekonomika – Spatial Economics*, 2013, no. 2, pp. 65–86. (In Russian).
 26. Hodgkinson G.P., Sparrow P. *The Competent Organization: A Psychological Analysis of the Strategic Management Process*. Kharkov, 2007, 392 p. (In Russian).
 27. Chernatony L. de, McDonald M. *Creating Powerful Brands*. Moscow, 2006, 559 p. (In Russian).
 28. Schultz D., Schultz H. *Brand Babble: Sense and Nonsense about Branding*. Moscow, 2006, 256 p. (In Russian).
 29. Schumpeter J.A. *History of Economic Analysis*. Vol. I. St. Petersburg, 2004, LVI+496 p. (In Russian).
 30. Anholt S. *Brand new Justice. How Branding Places and Products Can Help the Developing World*. Revised Edition. Oxford: Elsevier Butterworth-Heinemann, 2005, 183 p.
 31. Anholt S. *Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007, 148 p.
 32. Anholt S. *Places. Identity, Image and Reputation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010, 178 p.
 33. Dinnie K. *Nation Branding. Concepts, Issues, Practice*. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2008, 288 p.

Хроника

Сотрудничество России и Республики Корея: возможности для регионов

А.Б. Бардаль

Бардаль Анна Борисовна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая сектором. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: Bardal@ecrin.ru.

В настоящее время наблюдаются предпосылки активизации сотрудничества между Россией и Республикой Корея, поэтому важно определить наиболее эффективные направления экономических контактов. Осенью 2013 г. в Республике Корея прошла серия научных конференций различного масштаба и тематической направленности. Эти мероприятия состоялись в преддверии ожидаемой встречи президентов двух стран во время визита В.В. Путина в Республику Корея в ноябре 2013 г. Международный форум «Развитие Дальнего Востока России и сотрудничество между провинциями Кореи и Россией» стал одним из событий этого ряда. Форум состоялся 22 октября в г. Чхунчхоне, являющемся административным центром корейской провинции Канвон.

Форум был организован властями провинции Канвон, его учредителями выступили Исследовательский институт провинции Канвон (RIG), Институт международной экономики и политики Кореи (KIEP) и Институт исследования России университета Халлим (HIRS).

С приветственным словом к участникам международного форума обратились президент Исследовательского института провинции Канвон *Джонг Мин Ким* и вице-губернатор провинции Канвон *Сан Пё*.

Во вступительном слове советника Института экономических исследований Самсунг, бывшего посла в России и Китае *Ке Хён Ли* была отмечена не только важность активизации контактов между Россией и Кореей, но и особая значимость межрегионального сотрудничества в развитии взаимоотношений двух стран. В этой связи уникальное положение занимают Дальний Восток России, являющийся «воротами России в АТР», и провинция Канвон, расположенная на восточном побережье центральной части Корейского полуострова.

Работа форума проходила в рамках двух тематических сессий. Первая сессия была посвящена развитию транспортных связей. Модератором сессии выступал бывший вице-президент Института международной экономики и политики Кореи (KIEP), старший научный сотрудник *Ё Чён Джён*.

Первым прозвучал доклад профессора Университета Инчхон *Вон Ён Сон*. Доклад был посвящен текущему анализу и перспективам развития транспортной инфраструктуры на Корейском полуострове. Выступающий подробно охарактеризовал особенности дифференциации транспортных систем двух государств Корейского полуострова по масштабам, плотности наземных сетей и элементов транспортной инфраструктуры, применяемым технологиям и т. д. При этом отмечалось, что именно поступательное развитие транспортных коммуникаций, реализация совместных проектов в сфере транспорта является одним из ключевых моментов достижения большей открытости и вовлечения Северной Кореи в международное сотрудничество.

Вторым докладчиком в рамках первой сессии семинара была *А.Б. Бардаль*, заведующая сектором глобальной и региональной транспортной инфраструктуры ИЭИ ДВО РАН. В выступлении на тему «Транспортная система российского Дальнего Востока и перспективы российско-корейского сотрудничества в области транспорта» были раскрыты основные характеристики транспортной системы Дальневосточного

региона России. Особый акцент был сделан на анализе функционирования морского транспорта. В докладе были изложены направления развития транспортной системы Дальнего Востока, а также представлены перспективы взаимодействия между Россией и Кореей в области транспорта. Отдельно были рассмотрены возможности развития железнодорожных сетей на Корейском полуострове. Ключевые постулаты были созвучны первому докладу данной сессии о том, что проект объединения железных дорог двух государств с последующим выходом на сеть российских железных дорог является уникальной возможностью «открытия» КНДР для регионального сотрудничества. Было отмечено, что одним из актуальных направлений взаимодействия сегодня является также участие в использовании потенциала Северного морского пути.

В работе второй сессии приняли участие также дискуссанты: экономист Исследовательского института POSCO *Ёнгиль О* выделил необходимость развития паромного сообщения в регионе СВА в формате двухсторонних и трехсторонних маршрутов; профессор *Дже Хёк И* из Института исследования России Университета Халлим рассказал о возможностях провинции Канвон по развитию транспорта и участию в международном сотрудничестве в этой области.

Вторая сессия форума была посвящена вопросам сотрудничества между регионами Кореи и Дальним Востоком России. Модератором этого блока выступил бывший посол в Республике Узбекистан, профессор Университета Кеймянг *Дэ Ван Джён*.

Первым докладчиком второй сессии был *Гу Хо Ом*, директор Центра исследования АТР Университета Ханянг. В своем докладе «Сотрудничество между провинциями Кореи и российскими регионами: возможности и ограничения» выступающий отметил необходимость развития научных и образовательных контактов. Докладчик привел результаты исследования структуры направлений экономических взаимодействий Кореи и России с учетом ее перспективных изменений, а также компаративный анализ структуры специальностей, по которым проводится подготовка в учебных заведениях Кореи, отметил несовпадение этих элементов.

Следующий докладчик – заведующий лабораторией ДВФУ, профессор *С.В. Севастьянов* – в докладе на тему «Политика России по развитию Дальнего Востока и экономическое сотрудничество с Республикой Корея» представил информацию о текущем состоянии и перспективах развития Дальнего Востока России. Осветив основные тенденции динамики экономических процессов региона, докладчик остановился на ключевом, по его представлению, проекте, представляющем перспективы сотрудничества между странами: создании в Приморском крае ДВФУ – образовательного центра федерального уровня на о. Русский. Были представлены приоритетные направления научного и образовательного комплексов ДВФУ, его текущая структура и перспективы развития.

Дискуссантами в рамках второй сессии выступили: директор Института исследований России и Евразии Национального университета г. Сеул *Бом Шик Шин*, отметивший недостаток специалистов по сотрудничеству с Россией и необходимость их подготовки с использованием возможностей как корейских, так и российских учебных заведений; профессор Национального университета Ганнеунг-Вончжу *Ён Шик Ким*, выразивший согласие с предыдущими докладчиками в вопросе о важности профессионального обучения и представивший совместные образовательные проекты по подготовке специалистов в различных областях.

По завершении выступлений состоялась общая дискуссия, а также были сформулированы основные направления возможного сотрудничества между Россией и Республикой Корея, активное участие в которых могли бы принять провинция Канвон и Дальний Восток России.

COOPERATION OF RUSSIA AND REPUBLIC OF KOREA: OPPORTUNITIES FOR REGIONS

A.B. Bardal

Bardal Anna Borisovna – Ph. D. in Economics, Associate Professor, Section Head. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhoookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: Bardal@ecrin.ru.

Двадцать девятый симпозиум ученых Дальнего Востока и района Кансай (Япония)

Д.А. Изотов

Изотов Дмитрий Александрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: izotov@ecrin.ru.

4 сентября 2013 г. в Институте экономических исследований (ИЭИ) ДВО РАН состоялось заседание экономической секции ежегодного симпозиума ученых Дальнего Востока и района Кансай.

С приветственными словами к участникам симпозиума выступили заместитель директора Института экономических исследований ДВО РАН, канд. экон. наук *О.М. Рензин* и глава японской делегации, президент Осацкого университета экономики и права профессор *Вакио Фудзимото*.

О.М. Рензиным было подчеркнуто, что симпозиум является одним из мостов дружбы и взаимопонимания между Россией и Японией, оказывая благотворное воздействие не только на его непосредственных участников, но и на всех тех, кому небезразличны проблемы российско-японских отношений. Профессор Фудзимото в своем приветственном слове отметил, что первый симпозиум был проведен в 1984 г., почти три десятилетия назад. Профессор подчеркнул, что данный симпозиум, безусловно, обладает мощнейшим интеграционным потенциалом, способствуя определению новых ориентиров международного научного сотрудничества.

Первая сессия симпозиума была посвящена проблемам инвестиционной политики на российском Дальнем Востоке и вопросам экономического сотрудничества.

А.В. Белов, профессор Университета префектуры Фукуи, представил доклад на тему «Бюджетные инвестиции в развитии Дальнего Востока». Докладчик озвучил результаты оценки воздействия бюджетных (федеральных и региональных) и частных инвестиций на экономический рост российских регионов с различными характеристиками. Было показано, что увеличение инвестиций из федерального бюджета сдерживает экономический рост регионов. Возможными объяснениями этого феномена докладчик считает проявление эффекта вытеснения частных инвестиций бюджетными, перепроизводство общественного капитала в различных регионах, падение пространственной эффективности бюджетных инвестиций.

Профессор Университета префектуры Фукуи *Миёси Син* выступил с докладом «Развитие тяжелой промышленности в северо-восточном Китае и направления сотрудничества с Россией: итоги и проблемы минувшего десятилетия». Докладчик отметил, что в конце XX в. экономика Северо-Востока Китая столкнулась с затяжным застоём ввиду структурных проблем: большой долей государственных предприятий,

специализирующихся на выпуске продукции тяжелой промышленности. В 2000-е гг. стали приниматься программы ускоренного развития региона. Однако, по мнению докладчика, программный импульс роста для региональной экономики ослабевает, поскольку цели сбалансированного развития тяжелой и легкой промышленности, частного и государственного секторов экономики, потребления и инвестирования достигнуты лишь частично.

Д.А. Изотов, старший научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН, канд. экон. наук, представил доклад «Российско-китайская торговля и валютный курс». Докладчик подчеркнул, что ревальвация юаня способствует увеличению российского экспорта при заметном сокращении китайского импорта, в результате чего торговый баланс России с КНР станет профицитным. Однако, при прочих равных условиях, к кардинальной трансформации товарной структуры российско-китайской торговли это не приведет. Ревальвация юаня к доллару будет способствовать увеличению поставок российских товаров на китайский рынок при росте их конкурентоспособности.

Вторая сессия симпозиума была посвящена обсуждению роли социальных преобразований в развитии российского Дальнего Востока.

Г-жа *Маю Митигами*, доцент Государственного университета Ниигаты, представила доклад «Жилищный вопрос в России». Докладчик изложила результаты своего исследования о текущем состоянии жилищного рынка во Владивостоке и в Хабаровске. Было подчеркнуто, что два дальневосточных города характеризуются высокими ценами на жилье как на первичном, так и вторичном рынке, что объясняет ограниченную доступность к этому виду благ. Серьезным ограничителем также выступают высокие ставки по ипотеке. По мнению докладчика, данная ситуация не может долго продолжаться и приведет либо к оттоку населения из данных городов, либо к изменению пространственной организации указанных агломераций.

В докладе *С.Н. Найден*, заведомом ИЭИ ДВО РАН, д-ра экон. наук, было показано, что по темпам ввода нового жилья Дальний Восток существенно отстает от среднероссийского показателя. За последние годы по темпам роста стоимости квадратного метра жилья дальневосточные регионы превзошли среднероссийский показатель как по первичному, так и вторичному рынку. Также было отмечено, что по сравнению с Россией в целом на Дальнем Востоке наблюдается опережающий рост инфляции с отставанием увеличения роста заработной платы.

Г-жа *Норико Игараси*, доцент Университета Тэнри, выступила с докладом «Гендерная ситуация в России с точки зрения снижения коэффициента рождаемости и старения населения по сравнению с Японией». Было отмечено, что по объективным демографическим закономерностям в России и Японии произошло сокращение рождаемости и увеличение продолжительности жизни. На опыте Японии докладчик показала, что в связи с высокой долей пожилого населения возникла проблема по уходу за ним. Для решения данной проблемы в 1997 г. в Японии был принят закон о государственном страховании ухода за престарелыми людьми. Граждане Японии вносят страховой взнос и далее, при необходимости, могут пользоваться обслуживанием по уходу и пенсией от страховщика. Докладчик представила результаты полевого исследования в городах Санкт-Петербург, Владивосток и Казань. Результаты исследования показали, что ситуация по уходу за престарелыми людьми в России в целом похожа на ситуацию в Японии до принятия закона о страховании. Вместе с тем, различия в семейных традициях между странами объясняют несоответствие ролей по уходу за пожилыми людьми между членами семьи.

Научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН, канд. экон. наук *М.А. Грицко* представила доклад «Демографическое развитие Дальнего Востока: анализ современных тенденций». Было отмечено, что увеличение спроса на трудовые ресурсы может положительно повлиять на миграционные потоки в регион. В конечном итоге это обстоя-

тельство способно не только стабилизировать, но и увеличить численность населения на Дальнем Востоке.

В заключительной дискуссии приняли участие *А.С. Шелена* (д-р экон. наук, чл.-корр. РАСХН ГНУ ДВНИИЭОП АПК Россельхозакадемии), *В.Т. Шишмаков* (д-р экон. наук, профессор Дальневосточного института международного бизнеса), *Т. Йокота-Мураками* (доцент Осацкого государственного университета) и *И. Вакай* (профессор Университета Осака Сангё).

Завершая работу симпозиума, *О.М. Рензин* и *В. Фудзимото* отметили, что данное мероприятие уникально ввиду его долголетия. Сопредседатели симпозиума пожелали успехов в дальнейшей совместной научной работе и выразили уверенность в продолжении встреч. Было отмечено, что следующее, тридцатое (юбилейное) заседание симпозиума состоится в Японии в конце 2014 г.

THE 29th SYMPOSIUM OF SCIENTISTS OF THE RUSSIAN FAR EAST AND KANSAI (JAPAN)

D.A. Izotov

Izotov Dmitry Alexandrovich – Ph. D. in Economics, Senior Research Fellow. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: izotov@ecrin.ru.

Российские планы регионального развития и международная кооперация

А.Г. Исаев

Исаев Артем Геннадьевич – кандидат экономических наук, научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: isaev@ecrin.ru.

Планы развития российского Дальнего Востока вызывают живой интерес со стороны партнеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), поэтому тема, вынесенная в заголовок, стала основной на состоявшемся в июне 2013 г. в г. Кёнджу (Республика Корея) восьмом совместном семинаре, организаторами которого выступили Корейский институт международной экономической политики (КИЕР) и Институт экономических исследований ДВО РАН. В работе семинара приняли участие представители КИЕР и ряда корейских университетов, а также делегация сотрудников ИЭИ ДВО РАН под руководством академика П.А. Минакира.

С приветственным словом выступили бывший вице-президент КИЕР, профессор *Джон Ео-Чон* и директор ИЭИ ДВО РАН, академик *П.А. Минакир*.

В рамках первой сессии «Обновленный план развития российского Дальнего Востока и возможности кооперации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)» было обсуждено три доклада. *П.А. Минакир* выступил с докладом «Государственная программа и новая модель управления Дальним Востоком и Байкальским регионом». В докладе отмечалось, что государством ставится задача не столько увеличить прирост ВРП в макрорегионе, сколько обеспечить определенные параметры магистральной инфраструктуры для российского экспорта на тихоокеанские рынки.

Из проектируемых 3,8 трлн руб. на инвестиционные цели 88% предназначены для развития инфраструктуры, слабо воздействующей на конечный спрос и потребление внутри региона. Ресурсы же для технологической перестройки могут быть замещены только из «остальной страны», что грозит падением темпов роста национальной экономики. Решение проблемы видится не столько в том, на какие цели направить имеющиеся ресурсы, сколько в том, как организовать функционирование экономики территории с целью устойчивого развития хозяйственного комплекса и обеспечения положительной динамики уровня и качества жизни населения.

Заместитель директора ИЭИ ДВО РАН *О.М. Рензин* в своем докладе «Интеграция российского Дальнего Востока в АТР: возможности и риски» отметил, что «европо-ориентированность» российского развития, исчерпала себя как стратегически, так и функционально. Финансово-экономические проблемы стран ЕС стали отрицательно влиять на российскую экономику, и возникла необходимость осуществления пространственной диверсификации. Одним из приоритетных способов является участие в различных организационно-институциональных программах и структурах, таких как АТЭС, межправительственных комиссиях по сотрудничеству. В торгово-экономическом и инвестиционном сотрудничестве лидерами являются компании топливно-энергетического комплекса. При этом российские компании получают возможность выхода на рынки капитала АТР со своими финансовыми инструментами.

Третий докладчик, профессор *Чже Сух Хун* из КИЕР, представил корейское видение плана развития российского Дальнего Востока. Корейская сторона обратила внимание на то, что новая программа отличается от предыдущих, прежде всего, тем, что предполагается ее активная поддержка и контроль со стороны правительства. Докладчик выделил ряд ключевых направлений сотрудничества между РФ и Республикой Корея: развитие транспортной инфраструктуры и сотрудничество в области железных дорог, портовых хозяйств, присоединение транскорейской железной дороги к Транссибирской магистрали; сотрудничество в области разработки и экспорта минеральных ресурсов и энергоресурсов, в частности сжиженного газа; пересмотр эффективности существующего механизма сотрудничества между двумя странами на уровне министерств и премьер-министров, создание специализированной оперативной группы в качестве партнера Министерства по развитию Дальнего Востока.

Вторая сессия была посвящена российской промышленной политике и перспективам международной кооперации. В ее рамках были представлены два доклада, отражающие российское и корейское видение данного вопроса. В докладе младшего научного сотрудника ИЭИ ДВО РАН *А.Г. Исаева* был проведен анализ тех промышленных ниш, в которых существуют возможности и перспективы интеграции российского Дальнего Востока в производственную систему стран АТР. Было отмечено, что между странами АТР существует очень тесная производственная кооперация, однако она главным образом сосредоточена в сфере микроэлектроники, где позиции российского Дальнего Востока слабы. Между тем в сфере машиностроения, в которой у Дальнего Востока имеются перспективы, кооперация в АТР существенно слабее. Отчасти это вызвано тарифной политикой стран, а также отраслевыми особенностями. Тем не менее машиностроительная отрасль Дальнего Востока становится привлекательной для азиатских инвесторов, о чем свидетельствует ряд реализуемых и готовящихся к реализации совместных проектов.

Доклад профессора Ханьянского университета *Ким Ён Джина* был посвящен анализу российской промышленной политики через призму корейского опыта. Докладчик уделил внимание российской политике формирования высокотехнологичных кластеров, а также политике регионального развития в Республике Корея, начиная с 1998 г. На основе ретроспективного анализа политики автор сформулировал ряд рекомендаций, которые могли бы быть полезными при осуществлении россий-

ской промышленной политики. Во-первых, необходимо обеспечить средне- и долгосрочное планирование и государственную поддержку производственной деятельности. Во-вторых, необходимо создание механизма, обеспечивающего политическую поддержку со стороны высшего руководства в целях регуляции межведомственных отношений в регионе. В-третьих, необходим специальный бюджетный план относительно развития региона, поскольку для решения проблем регионального развития необходимо учитывать все ресурсы, ориентированные на регион. Докладчик заострил внимание на том аспекте, что кластеры не исчерпываются простым набором предприятий на определенной территории, а их отличительной чертой является сотрудничество и конкуренция между ними. Успех кластерной политики зависит от того, сумеют ли федеральная и региональная администрации принять действенные меры по созданию подобного механизма.

Третья, заключительная, сессия была посвящена российским планам развития Арктического региона. Первым докладчиком в рамках сессии выступил профессор Хан Чжон Ман из Университета Пэдже. Отмечено, что российская Арктическая зона обладает существенным ресурсным и логистическим потенциалом. Акцентировано внимание на том, что для азиатских портов восточнее Гонконга маршрут в Европу через Северный морской путь на 40% короче, чем через Суэцкий канал. Отмечено, что с возрастанием важности Арктической зоны в мировом хозяйстве также возрастает и международная напряженность: приарктические страны выдвигают территориальные претензии и активизируют военную активность в регионе. Делается вывод, что разработка арктических ресурсов требует новейших технологий и затрат, сопоставимых с затратами на освоение космоса, и поэтому приарктическим странам не обойтись без экономической кооперации. Для Республики Корея, как неарктической страны, целесообразно выдвинуть инициативу создания «Восточноазиатского арктического совета» для того, чтобы играть ведущую роль в сотрудничестве в Арктике.

С заключительным докладом «Стратегия развития Арктической зоны России: состояние и проблемы реализации» выступил профессор ИЭИ ДВО РАН С.Н. Леонов. Одной из основных проблем освоения арктических регионов России является отсутствие нормативной базы, определяющей внутреннюю границу Арктической зоны, что препятствует осуществлению единой государственной региональной политики вдоль всего российского арктического побережья. Докладчик отметил, что проблема доступа к ресурсам арктических регионов России неотделима от проблем развития транспортной системы на Крайнем Севере страны – Северного морского пути и меридиональных транспортных магистралей. Сделан вывод о двоякости сложившейся ситуации вокруг освоения российской Арктики. С одной стороны, наблюдается декларативность освоения территории под внешнеэкономическим и внешнеполитическим влиянием, с другой – явная недостаточность действий по созданию реального механизма реализации декларируемых намерений.

Последний день пребывания российской делегации ознаменовался посещением крупнейшей корейской судовой «HyundaiHeavyIndustries» и автомобильного производства «HyundaiMotors» в крупнейшем промышленном центре Республики Корея – г. Ульсане.

RUSSIAN PLANS OF REGIONAL DEVELOPMENT AND INTERNATIONAL COOPERATION

A.G. Isaev

Isaev Artyom Gennadyevich – Ph. D. in Economics, Research Fellow. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: isaev@ecrin.ru.

Указатель статей и материалов, опубликованных в 2013 году

Статьи	№	Стр.
<i>Yong-Chool Ha, Beom-Shik Shin.</i> The Development of Russian Far East and Eastern Siberia and the Future of Northeast Asia (Ён-Чул Ха, Бом Сик Шин. Развитие российского Дальнего Востока и Восточной Сибири и будущее Северо-Восточной Азии)	2	10–21
<i>Бухвальд Е.М.</i> Инновационное развитие регионов: роль децентрализации полномочий	1	55–71
<i>Воронай Н.И., Санеев Б.Г., Батхуяг С., Энхжаргал Х.</i> Энергетическое сотрудничество Монголии и России: современное состояние и стратегические направления	3	108–122
<i>Грицко М.А., Колбина Е.О.</i> Пространственные деформации результативности системы здравоохранения	4	107–121
<i>Желободько Е.В., Кичко С.И., Ущев Ф.А.</i> Структура факторов производства и интеграция рынков в двухфакторной модели монополистической конкуренции	3	10–29
<i>Захарченко Н.Г., Дёмина О.В.</i> ТЭК в экономике региона: оценка мультипликативных эффектов	1	33–54
<i>Изотов Д.А.</i> Рынок сырьевых товаров Китая	4	44–69
<i>Исаев А.Г.</i> Технологические параметры региональной экономической системы	4	11–27
<i>Какаулина М.О.</i> Налоговая нагрузка и экономический рост в регионах Дальнего Востока	2	49–64
<i>Колбина Е.О., Найден С.Н.</i> Эволюция процессов урбанизации на Дальнем Востоке России	4	44–69
<i>Лавровский Б.Л., Лузин Р.С.</i> О построении инновационно-инвестиционного рейтинга российских регионов	2	87–102
<i>Ломакина Н.В., Антонова Н.Е.</i> Современная система природопользования Дальнего Востока: новые тенденции и оценки	3	89–107
<i>Михеева Н.Н.</i> Структурные факторы региональной динамики: измерение и оценка	1	11–32
<i>Пляскина Н.И., Харитоновна В.Н., Вижина И.А.</i> Формирование механизмов государственной поддержки комплексного использования углеводородов	3	63–88
<i>Попов С.П.</i> Газовая промышленность Китая: новый ресурс развития	2	22–48
<i>Прищепов А.В., Мюллер Д., Дубинин М., Бауманн М., Раделлофф В.К.</i> Детерминанты пространственного распределения заброшенных сельскохозяйственных земель в европейской части России	3	30–62

<i>Румянцев А.А.</i> Основные свойства и проблемные поля научно-инновационного пространства региона	2	103–118
<i>Санеев Б.Г., Соколов А.Д., Муzychук С.Ю., Муzychук Р.И.</i> Методический подход к оценке показателей энергоэффективности экономики при изменении структуры топливно-энергетического баланса (на примере Байкальского региона)	4	90–106
<i>Татаркин А.И., Макарова И.В., Петров А.П., Аверина Л.М.</i> Особенности пространственного размещения производительных сил в старопромышленном регионе	4	28–43
<i>Фролов Д.П.</i> Маркетинговый подход к управлению пространственным развитием	2	65–86
Обзоры		
<i>Изотов Д.А.</i> Новая экономическая география: границы возможностей	3	123–160
<i>Прокапало О.М., Исаев А.Г., Суслов Д.В., Мазитова М.Г.</i> Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2012 г.	2	119–149
<i>Рыжова Н.П.</i> Роль институтов в международной экономической интеграции	1	72–88
<i>Фролов Д.П.</i> Многоуровневая иерархия экономического пространства: формирование эволюционной таксономии	4	122–150
Очерки		
<i>Демьяненко А.Н.</i> Владимир Павлович Безобразов (1828–1889): предтеча отечественной региональной экономики	1	89–102
<i>Демьяненко А.Н.</i> Владимир Павлович Безобразов (1828–1889): предтеча отечественной региональной экономики (<i>Окончание</i>)	2	150–169
<i>Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А., Украинский В.Н.</i> Фернан Бродель и становление геоисторического метода в исследовании экономического пространства	3	161–177
<i>Миротворцев К.Н.</i> Об экономическом и административном устройстве необжитых территорий Сибирского севера	4	151–163
Сообщения		
<i>Дёмина Я.В.</i> Влияние валютной политики на внешнеторговые потоки Восточной Азии	1	136–143
<i>Лимонов Л.Э., Батчаев А.Р.</i> Санкт-Петербург и Ленинградская область: связи, проблемы, координация развития агломерации	1	123–135
<i>Минакир П.А., Прокапало О.М.</i> Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»	1	103–122

Рецензии

Taco C.R. van Someren, Shuhua van Someren-Wang. New world order and strategic innovation (on article of Yong-Chool Ha, Beom-Shik Shin «The Development of Russian Far East and Eastern Siberia and the Future of Northeast Asia») [*Тако С. Р. ван Сомерен, Шухуа ван Сомерен-Ванг.* Новый мировой порядок и стратегические инновации (о статье Ён-Чул Ха, Бом Сик Шина «Развитие российского Дальнего Востока и Восточной Сибири и будущее Северо-Восточной Азии»)] 3 178–183

Демьяненко А.Н. Мезоэкономика ... теперь развития (заметки на полях книги «Мезоэкономика развития») 1 144–170

Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Брэндинг мест: зарубежный опыт и мутации на российской почве 4 164–179

Леонов С.Н. Опыт анализа процесса оптимизации бюджетных отношений в Российской Федерации (о книге А.В. Белова «Эффективен ли централизм?») 2 170–179

Хроника

Антонова Н.Е. Диалог российских и японских ученых: история с продолжением 1 175–177

Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Природопользование на Дальнем Востоке: современный этап (Шейнгаузовские чтения) 2 186–189

Б.Х. Краснополскому – 70 лет 1 171

Бардаль А.Б. Сотрудничество России и Республики Корея: возможности для регионов 4 180–182

Г.И. Сухомирову – 80 лет 2 190

Дёмина О.В. Энергетическая кооперация в Азии: риски и барьеры 1 182–186

Изотов Д.А. Двадцать вторая ежегодная конференция Экономического форума Северо-Восточной Азии 3 187–190

Изотов Д.А. Двадцать девятый симпозиум ученых Дальнего Востока и района Кансай (Япония) 4 182–184

Исаев А.Г. Российские планы регионального развития и международная кооперация 4 184–186

Минакир П.А. Второй Российский экономический конгресс 2 180–185

Потанин М.М. Несовершенные рынки, новая экономическая география и пространственная экономика 1 187–189

Рензин О.М. Интеграция исследований пространств социума (о саммите исполнителей Программы № 31 Президиума РАН) 1 178–181

Скрипник Е.О. Пятнадцатый конкурс-конференция молодых ученых 1 172–174

Суслов Д.В. VI Международный форум «Региональное развитие и сотрудничество в Северо-Восточной Азии» 3 184–186

Правила для авторов

Журнал принимает к публикации: • научные статьи объемом до 40000 знаков, включая список литературы, таблицы и рисунки с подрисуночными подписями; • научные сообщения объемом до 10000 знаков; • рецензии на книги и статьи; • хронику важнейших событий научной жизни; • очерки по истории экономической теории; • обзоры.

Материалы для публикации представляются в редакцию в электронном виде на русском или английском языке.

Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование (1 месяц). Рецензии направляются авторам по электронной почте. Редакционный вариант статьи, подготовленный к печати, представляется автору на согласование.

Титульный лист статьи должен содержать следующие сведения: индекс УДК, название статьи, имена, отчества и фамилии авторов на русском и английском языках.

Сведения об авторе включают: имя, отчество и фамилию автора, ученую степень и звание, должность, официальное полное название учреждения, город, страна; контактный адрес для опубликования в журнале: телефон, факс, электронный адрес на русском и английском языках.

Статья должна содержать *резюме* на русском (не менее 800 знаков) и на английском (не менее 1200 знаков) языках, в котором должны быть отражены предмет исследования, цель, методы, основные результаты, область их применения и выводы. Далее следуют 3–8 *ключевых слов* или словосочетаний, включающих не более трех слов каждое.

Формат представляемых материалов должен соответствовать следующим требованиям: формат А4, шрифт Times New Roman (нельзя использовать Times New Roman Cyr) 12 размера, интервал 1,5.

В тексте должны обязательно содержаться ссылки на все таблицы и рисунки. Дублирование одних и тех же данных в тексте, рисунках и таблицах недопустимо.

Таблицы нумеруются сквозными через всю статью номерами. Все таблицы должны иметь названия. Под таблицей обязательно помещается ссылка на источник(и) данных.

Источники публикаций, на которые делаются ссылки, должны быть сверены с оригиналами и приведены под заголовком «Список литературы» на отдельном листе алфавитным списком.

Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках. Напрямую цитированный текст заключается в кавычки. В этом случае в скобках помимо номера источника указываются номера страниц: [9, с. 6]. Если в одних квадратных скобках несколько ссылок, то они разделяются точкой с запятой.

В случае включения в статью раздела «Благодарности» он располагается после заключения перед списком литературы.

Правовые вопросы. Предоставление автором статьи в редакцию журнала рассматривается как заключение договора в устной форме о передаче издателю права на использование своего произведения (п. 2; ст. 1286; ГК РФ) в печатном и электронном виде: распространение, переработку, публичное использование, доведение до всеобщего сведения, переуступку на договорных условиях частично или полностью права третьим лицам.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

По всем вопросам, связанным с опубликованием в журнале материалов, подпиской на журнал, необходимо обращаться по следующим контактным адресам:

680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153,
Институт экономических исследований ДВО РАН
Отв. секретарь Людмила Альфредовна Самохина
Тел. +7 (4212) 226-053, e-mail: samokhina@ecrin.ru.
Редакция журнала: тел. +7 (4212) 226-053, e-mail: redaktor@ecrin.ru.

Полная информация о журнале «Пространственная экономика», архив публикаций с полнотекстовым открытым доступом находятся на сайте журнала

<http://spatial-economics.com>.

РЕДАКЦИЯ ПРИНОСИТ ИЗВИНЕНИЯ

В печатной версии 3-го номера за 2013 год допущены следующие ошибки: в описании статьи отсутствует имя одного из авторов – М. Baumann (с. 5), неправильно указаны фамилия автора D. Müller (с. 5, 57) и название его с соавторами статьи (с. 57), а также название статьи Н.В. Ломакиной и Н.Е. Антоновой (с. 5, 6, 89, 105). Редакция приносит авторам искренние извинения.

Библиографические сведения об этих статьях имеют следующий вид:

Prishchepov A.V., Müller D., Dubinin M., Baumann M., Radeloff V.C. Determinants of the Spatial Distribution of Abandoned Agricultural Lands in the European Part of Russia (с. 5, 57).

Lomakina N.V., Antonova N.E. Modern System of Nature Management of the Russian Far East: New Tendencies and Estimates (с. 5, 105).

Ломакина Н.В., Антонова Н.Е. Современная система природопользования Дальнего Востока: новые тенденции и оценки (с. 6, 89).

THE EDITORS APOLOGIZE

In the printed version of the vol. 3 for 2013 we admitted the following errors: in the description of the article we missed the name of one of the authors – *M. Baumann* (p. 5), incorrectly specified a surname of the author – *D. Müller* (p. 5, 57) and the title of his article (with co-authors) (p. 57), and the title of the article by *N.V. Lomakina* and *N.E. Antonova* (p. 5, 6, 89, 105). The editorial staff sincerely apologizes for that.

Bibliographic information of these articles is the following:

Prishchepov A.V., Müller D., Dubinin M., Baumann M., Radeloff V.C. Determinants of the Spatial Distribution of Abandoned Agricultural Lands in the European Part of Russia (p. 5, 57).

Lomakina N.V., Antonova N.E. Modern System of Nature Management of the Russian Far East: New Tendencies and Estimates (p. 5, 105).

Ломакина Н.В., Антонова Н.Е. Современная система природопользования Дальнего Востока: новые тенденции и оценки (с. 6, 89).

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Пространственная экономика» продолжает подписку на 2014 год.

Периодичность выхода журнала — 4 номера в год. В стоимость входит почтовая доставка. Подписка возможна с любого номера.

Стоимость подписки, руб.	Годовая	Полугодовая	Одного номера
	1180	590	295

Подписка принимается во всех отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс 19424.

Приобрести отдельные номера журнала (с 2005 г.) «Пространственная экономика» можно через редакцию журнала.

Для этого необходимо заполнить бланк-заказ и прислать по указанным контактным адресам:

- 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук
- e-mail: samokhina@ecrin.ru; redaktor@ecrin.ru
- факс +7 (4212) 225-916 (с пометкой «для редакции»).

Ответственный за выпуск *Л.А. Самохина*

Редактор *Л.А. Самохина*
Корректор *Т.В. Киевская*
Верстка *В.В. Червонцева*

Переводчики *Я.В. Дёмина, А.Ю. Моисеенко*
Дизайн обложки *А.В. Капитулин*

Сдано в набор 20.11.13. Подписано к печати 16.12.13. Формат 70x100 1/16.
Бумага писчая. Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,60.
Уч.-изд. л. 11,95. Тираж 1000 экз. Заказ 462. Цена свободная.

Адрес издателя: 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономических исследований
Дальневосточного отделения Российской академии наук.
Тел. +7 (4212) 725-225, факс +7 (4212) 225-916, www.ecrin.ru.

Адрес редакции: 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153.
Тел. +7 (4212) 226-053, e-mail: redaktor@ecrin.ru,
<http://spatial-economics.com>.

Отпечатано в ОАО «Хабаровская краевая типография».
680038, Хабаровск, ул. Серышева, 31, www.ktip.ru.